

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Социологический факультет

РЕГИОН ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Межвузовский сборник научных работ студентов

ВЫПУСК 26

Под редакцией профессора *Н.В. Шахматовой* и
профессора *И.А. Бегониной*

САРАТОВ
2026

УДК 316.334.52(470.44)
ББК 60.59(235.54)243
P32

Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под
P32 ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. – Саратов 2026. – Вып. 26. –
141 с. ил. (Электронное издание комплексного распространения)

ISSN 1682-5578

В сборнике представлены работы студентов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовской государственной юридической академии, Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России, Саратовский колледж водного транспорта, строительства и сервиса, МОУ «СОШ №95 с УИОП» г. Саратова, МАОУ «Лицей № 36» г. Саратов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва г. Самара самореализации современной молодежи, организации досугового творчества студентов, проблемой обеспечения жильем молодых семей, развитию универсальных компетенций по средствам информационных технологий, формам политического участия молодежи, миграционной привлекательности региона и др.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, средних специальных учебных заведений и школ, а также для всех интересующихся проблемами современного российского общества.

Рекомендовано к печати научно-методической комиссией социологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

УДК 316.334.52(470.44)
ББК 60.59(235.54)243

ISSN 1682-5578
государственный

© Саратовский
университет, 2026

ЖИЗНЕННЫЕ ТРУДНОСТИ МОЛОДЕЖИ И СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИТАЛЬНОСТИ

А.Д. Абрамова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Молодёжь - особая социально-демографическая группа, находящаяся на этапе формирования ценностей, жизненных ориентиров и моделей поведения, что делает её чувствительной к жизненным трудностям.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на трактовке витальности как ресурса адаптации и устойчивости в условиях неопределённости¹. Жизненные трудности рассматриваются как проявление социальной дифференциации и неравного доступа к ресурсам. Важную роль играют жизненные стратегии - способы реагирования на трудности и выстраивания траектории развития, формирующиеся под влиянием как внешних условий, так и уровня витальности личности².

Эмпирическая база представлена авторским онлайн-анкетированием³ и данными опроса ЦРСИ СГУ «Социальное самочувствие молодежи» (n = 815)⁴. В качестве индикаторов использовались особенности восприятия и переживания жизненных трудностей, стратегии их преодоления, используемые ресурсы и поведенческие модели в проблемных ситуациях.

Результаты опроса ЦРСИ СГУ показывают возрастную смену структуры социальных страхов: с возрастом усиливаются страхи, связанные с работой и начальством, тогда как страх моральной нереализованности снижается, а страх онкологических заболеваний растёт после 18 лет и затем стабилизируется, что отражает переход к более социально обусловленным опасениям.

Авторское исследование показывает, что реальные трудности встречаются реже: чаще всего это работа (37,3%) и семья (36,3%), затем здоровье (24,4%), финансы (22,9%) и личные кризисы (12,9%). Мужчины чаще отмечают финансы (31,0% против 19,8%) и здоровье (27,0% против 18,8%), женщины - работу (40,6% против 32,0%), семью (16,8% против 9,0%) и личные кризисы (29,7% против 19,0%). С возрастом снижается столкновение с финансовыми трудностями (33,3% против 12,7%) и личными кризисами (27,8% против 7,9%), растут проблемы на работе (5,6% против 49,2%) и здоровье (11,1% против 31,7%), при этом семейные конфликты достигают пика в 25–29 лет (41,5%).

Сопоставление вышеприведенных данных показывает разрыв между страхами и опытом у молодежи, особенно в сферах здоровья и финансов, тогда как в трудовой сфере наблюдается наибольшее совпадение (37,3%), указывающее на её объективную проблемность.

Анализ факторов показывает, что расхождение между страхами и реальным опытом связано с доминированием социально-экономического

статуса респондентов как фактора отношения к трудностям (54,1). Поддержка семьи и друзей (44,3%) соотносится с более низкой распространённостью трудностей в семейной (36,3%) и трудовой (37,3%) сферах, выполняя компенсаторную функцию. Низкая значимость культурных традиций (14,9%) и возраста (0,5%) указывает на преимущественно структурно-индивидуализированный характер социальных страхов.

Гендерные различия умеренны: женщины чаще выделяют социально-экономический статус (55,4% против 49,5%) и поддержку (48,5% против 38,0%), мужчины - индивидуальные ресурсы, включая образование; в целом структура факторов сохраняет общую устойчивость. Возрастная динамика более выражена: от доминирования поддержки в 15–18 лет (50%) при низкой роли статуса (27,8%) к усилению социально-экономического фактора в 18–24 года (64,2%), его последующему снижению в 25–29 лет (53,8%) и более сбалансированной структуре в 30–35 лет (46,0% статус и поддержка, 39,7% образование), что отражает переход к более устойчивым жизненным стратегиям.

В распределении стратегий преодоления жизненных трудностей опрошенной молодежи выявлены умеренные гендерные различия: мужчины несколько чаще опираются на собственный опыт (20,0% против 19,8%), тогда как женщины чаще обращаются к специалистам (22,8% против 20,0%). При этом мужчины чаще не выбирают стратегию (31,0% против 18,8%), что может указывать на меньшую рефлексивность. Возрастная динамика выражена более отчётливо: в 15–18 лет доминируют автономные стратегии (27,8%), тогда как с возрастом усиливается ориентация на социальные ресурсы, достигая пика в 25–29 лет (32,1%). Связь возраста со стратегиями совладания статистически значима.

Аналогичная динамика наблюдается в источниках поддержки при возникновении жизненных трудностей: женщины чаще используют семью (22,8%), друзей (19,8%) и специалистов (13,9%), мужчины - коллег (19,0%) и самостоятельные стратегии. В 15–18 лет преобладают автономия (27,8%) и отказ от ответа (44,4%), тогда как в старших группах усиливается роль семьи, друзей и коллег; обращение к специалистам максимально в 25–29 лет (17,0%).

В целом гендерные различия в большей степени затрагивают источники поддержки, тогда как возраст определяет переход от автономных к социально опосредованным моделям преодоления жизненных трудностей.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что восприятие жизненных трудностей у молодёжи носит опережающий и социально дифференцированный характер: субъективные страхи нередко превышают реальный опыт и формируются под влиянием социальных представлений о рисках. При этом исключение составляет профессиональная сфера, где страхи чаще совпадают с реальным опытом. Гендерные и возрастные различия проявляются в структуре трудностей и стратегиях их преодоления, уровень витальности в большей степени определяется социально-экономическим статусом и поддержкой окружения, что указывает на доминирование индивидуализированных механизмов адаптации.

Список литературы

1. Руди А.Ш. Антропная витальность: явление и сущность: автореф дис. кан. наук. – Омск.; 2003. – 15 с.
2. Илаева Р.А., Савина Н.Н. Сущность жизненной стратегии и её типологии // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6 URL: <https://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Авторское анкетирование «Витальность в оценках современной саратовской молодежи» проведено в декабре 2025 г. в Саратове. По квотной выборке опрошено 200 человек.
4. С.Г. Ивченков, Е.В. Сайганова, Н.В. Шахматова. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология 2022. Т. 22 вып. 1. С. 51-59.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Д. Белоцерковский

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Демографические изменения последних десятилетий поставили перед российским обществом ряд серьезных вызовов, среди которых особое значение приобретает ситуация вокруг пожилых граждан. Тема особенно актуальна именно для регионов вроде Саратовской области, где доля лиц преклонного возраста растет быстрее общероссийского показателя. Пенсионеры представляют собой значительную долю потребителей товаров и услуг, а также занимают важное место в распределительной части бюджета государства. Если государство желает эффективно справляться с возникающими социальными проблемами, ему стоит уделить внимание созданию доступной инфраструктуры, развитию специальных служб и организаций, направленных на улучшение качества жизни пожилых людей. Одними из таких организаций выступают государственные некоммерческие учреждение, предоставляющие социальные услуги населению на безвозмездной или коммерческой основе¹.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в России в 2024 году 10491 учреждений социального обслуживания пожилых граждан, из них: 1882 - центры социального обслуживания населения; 8609 отделения социального обслуживания на дому². Количество человек, получающих социальные услуги составляет 8,4 млн. В Саратовской области, по данным Министерства труда и социальной защиты Саратовской области, 109 поставщиков социальных услуг, их них 40 учреждений комплексного типа обслуживания³. На базе областного комплексного центра социального обслуживания, автором было проведено качественное социологическое исследование на тему «Проблемы коммерциализации рынка социальных услуг для пожилых граждан: региональный аспект». В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что более высокий уровень

дохода пожилого получателя услуг прямо влияет на его готовность платить за услуги охотнее, нежели чем те получатели, доход которых находится на низком уровне.

Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач и гипотез, подготовка инструментария, сбор и анализ материала, а также работа над исследованием проводилась по методологии «двойной рефлексивности». Ключевым вопросом исследования являлся вопрос: «Почему пожилые получатели услуг не готовы их оплачивать?».

По данным проведенного социологического исследования, можно сделать несколько выводов. Во-первых, респонденты не смогли описать среднестатистический портрет получателя услуг ввиду их профессиональной ограниченности одной группой, то есть среднестатистический получатель услуг для них тот, с кем они работают. Во-вторых, качество жизни получателя услуг прямо пропорционально с его готовностью платить за эти услуги. Отмечается тенденция к балансу между удовлетворением от доступного бесплатного набора услуг и возникающей необходимостью приобретения нужных социальных услуг на платной основе.

В-третьих, система социального обслуживания хотя и строго регламентирована, но всё же не способна охватить и контролировать весь многообразный спектр взаимодействий между социальными работниками и получателями услуг.

Таким образом, теоретический анализ, данный темы и результаты авторского социологического исследования позволяют прийти к выводу о том, что необходимо разработать новые модели предоставления социальных услуг, которые смогут эффективно справляться с растущими потребностями пожилых граждан и ограниченностью государственных ресурсов⁴.

Список литературы

1. Федорова Е.А., Карпенко Ю.В. Динамика продолжительности жизни населения России // Социальные аспекты здравоохранения. 2021 № 3 С. 87–94.

2. Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт Росстата. - Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. - Дата обращения: (19.04.2026)

3. Министерство труда и социальной защиты Саратовской области. Государственные учреждения социальной защиты населения. - Режим доступа: https://social.saratov.gov.ru/social_state_institutions/cson. - (Дата обращения: 19.04.2026)

4. Васильева О.П., Морозова Г.С. Особенности заболеваемости и инвалидности пожилых людей в современной России // Медико-биологические исследования. 2022 № 1 С. 54–63.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В.С. Битко

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Старение населения в настоящее время является одной из наиболее значимых демографических тенденций, характерных для большинства развитых и развивающихся стран¹. Данный процесс обусловлен совокупностью факторов, среди которых ключевыми выступают снижение рождаемости, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и трансформация модели воспроизводства населения². В Российской Федерации процессы демографического старения имеют выраженную региональную специфику, что делает актуальным их анализ на уровне отдельных субъектов³.

Проблема старения населения занимает центральное место в современных демографических исследованиях. В научной литературе старение рассматривается как закономерный результат демографического перехода, связанного с сокращением рождаемости и стабилизацией смертности, что подробно обосновано в работах В. Н. Лившица⁴. Отмечается, что данный процесс носит долговременный характер и оказывает влияние на все сферы общественной жизни, что подчеркивается в исследованиях Н. М. Римашевской⁵.

Ряд исследований акцентирует внимание на социально-экономических последствиях старения населения. В частности, Р.И. Капелюшников отмечает рост нагрузки на пенсионную систему, здравоохранение и социальные службы⁶. Подчеркивается, что увеличение доли пожилых возрастных групп требует трансформации социальной политики и развития институтов активного долголетия, что отражено в документах Всемирная организация здравоохранения.

В то же время в научной литературе отмечается недостаточная проработанность региональных аспектов старения населения. Большинство исследований ориентировано на общероссийский уровень, тогда как демографическая ситуация в субъектах Федерации существенно различается.

Саратовская область относится к числу регионов, в которых старение населения сочетается с устойчивой депопуляцией и миграционным оттоком. Эти процессы оказывают комплексное воздействие на социально-экономическое развитие региона, формируя дополнительные риски для рынка труда, системы социальной защиты и бюджетной устойчивости. Рост численности лиц старших возрастов требует пересмотра приоритетов социальной политики и разработки мер, направленных на адаптацию общества к изменяющейся возрастной структуре.

Это обуславливает необходимость проведения региональных исследований, в том числе применительно к Саратовской области, где процессы старения протекают на фоне сокращения численности населения и

ограниченных экономических ресурсов. Что и стало основанием для проведения исследования основанного на анализе официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и территориального органа Росстата по Саратовской области. Временные рамки исследования охватывают период с 2010 по 2023 гг., что позволяет выявить устойчивые демографические тенденции.

Настоящее исследование основано на анализе официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и территориального органа Росстата по Саратовской области⁷. Временные рамки исследования охватывают период с 2010 по 2023 гг., что позволяет выявить устойчивые демографические тенденции⁸.

Проведенный анализ показал, что численность населения Саратовской области в 2010–2023 гг. имеет устойчивую тенденцию к снижению: с около 2,5 млн человек в 2010 г. до примерно 2,3 млн человек в 2023 г., что соответствует сокращению на 8–10%⁹. Одновременно с этим наблюдаются значительные изменения в возрастной структуре населения, выражающиеся в росте доли лиц старших возрастов.

Доля населения старше трудоспособного возраста в регионе за исследуемый период увеличилась с 23–24% до 28–30%¹⁰. Это свидетельствует о формировании устойчивого процесса демографического старения, обусловленного как снижением рождаемости, так и увеличением продолжительности жизни.

Коэффициент демографической нагрузки в Саратовской области демонстрирует рост: если в 2010 г. на 1000 человек трудоспособного населения приходилось около 600–650 нетрудоспособных, то к 2023 г. данный показатель увеличился до 750–800¹¹. Особенно значимым является рост нагрузки со стороны пожилого населения. Таким образом, в Саратовской области наблюдается устойчивый процесс демографического старения, сопровождающийся сокращением численности трудоспособного населения. Рост демографической нагрузки формирует дополнительные вызовы для социальной политики региона и требует разработки комплексных мер адаптации общества к изменяющейся возрастной структуре.

В результате проведенного исследования установлено, что в Саратовской области в 2010–2023 гг. наблюдается устойчивый процесс демографического старения, сопровождающийся сокращением численности трудоспособного населения и ростом демографической нагрузки.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке и корректировке региональных программ в сфере социальной защиты, здравоохранения и поддержки пожилого населения. Особое внимание должно уделяться развитию инфраструктуры активного долголетия и мерам по снижению негативных последствий старения населения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным анализом миграционных процессов и их влияния на возрастную структуру

населения региона, а также с оценкой эффективности реализуемых мер социальной политики в условиях демографического старения.

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Демография : учебник. - М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. - 512 с.
2. Захаров С.В. Демографическое старение: причины, последствия, политика // Демографическое обозрение. - 2018. - Т. 5. - № 2. - С. 6–23.
3. Антонов А.И. Социология демографии. - М. : ИНФРА-М, 2017. - 304 с.
4. Лившиц В.Н. Демографический переход и старение населения. - М.: Наука, 2016. - 198 с.
5. Римашевская Н.М. Народонаселение и социально-экономическое развитие. - М.: Наука, 2015. - 368 с.
6. Капелюшников Р.И. Старение населения и рынок труда. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. - 256 с.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальные статистические данные. - URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
8. Организация Объединённых Наций. World Population Ageing 2020. - New York: United Nations, 2020. - 64 p.
9. Территориальный орган Росстата по Саратовской области. Численность населения: статистический материал. - Саратов, 2023.
10. Саратовстат. Возрастной состав населения Саратовской области: статистический материал. - Саратов, 2023.
11. Росстат. Демографическая нагрузка : статистический сборник. - М.: Росстат, 2023.

ОБРАЗ БЕЗДОМНОГО В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В.И. Васильева

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

В условиях сохранения социально-экономической нестабильности феномен бездомности превращается в устойчивый элемент российской социальной реальности, значимый для миллионов граждан. По оценкам экспертов, численность лиц без определенного места жительства в России достигает 1,5–3 млн человек, что сопоставимо с населением крупного регионального центра. При этом официальная статистика фиксирует лишь около 11 тыс. человек, что свидетельствует о латентном характере проблемы и методологических разрывах в ее учете. Для бездомных граждан социальная эксклюзия приобретает тотальный характер: они исключены не только из системы жилищных, медицинских и правовых гарантий, но и из повседневных социальных связей, превращаясь в стигматизированных аутсайдеров. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа образа бездомного в массовом сознании, поскольку именно негативные или безразличные установки населения консервируют положение этой группы и блокируют им выход из этой ситуации.

В данной статье предпринята попытка определить когнитивный (знания и стереотипы), эмоциональный (чувства и оценки) и поведенческий (готовность к

действию) компоненты в отношении россиян к бездомным. Для решения данной задачи обратимся к результатам исследования 2026 проводившегося с января по март, где было опрошено 113 респондентов. Была сформирована квотная выборка, репрезентирующая население по ключевым параметрам: пол, возраст, тип населенного пункта (мегаполис, крупный/средний город, малый город, село). Половое соотношение респондентов в результате анкетирования вышло таким: 60,2% женщин и 39,8% мужчин респондентов. Респондентов 16-30 лет – 41,6%, 31-45 лет – 27,4% и 46-65 лет - 31%. Средний возраст респондента – 41,3 лет. 23% опрошенных проживают в мегаполисах, 18,6% - в крупном городе, 30,1% респондентов - в среднем городе, 22,1% - в малом городе, 6,2% - в селах, что соответствует критериям выборки.

Анализ когнитивного компонента отношения к бездомным началось с вопроса о осведомленности респондентов в области проблемы бездомности: 46% респондентов выбрали вариант «Я что-то слышал(а), но подробности не знаю», 24,8%– «Я хорошо осведомлен(а), знаю данные исследований и причины», 21,2%– «Я практически ничего не знаю об этой проблеме», и 8%– «Затрудняюсь ответить», что показывает малую осведомленность россиян в области проблемы бездомности.

К когнитивному компоненту также относится вопрос о том, как респонденты объясняют причины бездомности. Лидирующими ответами с большим отрывом являются ответы: «Алкогольная и наркотическая зависимость» - 74,3%, «Потеря работы, долги, экономические трудности»- 50,4%. Так же, были и другие варианты, которые опрошенные выбирали в заметно меньше: «Потеря жилья» - 35,4%, «Психические заболевания, инвалидность» - 32,7%, «Мошенничество, потеря жилья из-за обмана» - 28,3%, «Выпуск из мест лишения свободы или детских учреждений без поддержки» - 25,7%, «Конфликты в семье» и «Уход из дома» и «Личные качества человека (лень, нежелание работать)» - 14,2%, и «Затрудняюсь ответить» - 2,7%.

Таким образом, когнитивный компонент отношения к бездомным отличается низкой информированностью респондентов и устойчивым восприятием бездомности как следствия преимущественно личного выбора, а не внешних обстоятельств, хотя экономические причины также занимают значимое место.

Эмоциональный компонент связан с вопросом о эмоциях, которые чаще всего вызывают бездомные у респондентов: 57,5% выбрали «жалость», 39,8% - «сочувствие, желание помочь», 31,9% - «страх, опасение», 19,5% – «брезгливость, отвращение», 20,4% - «безразличие», 19,5% - «раздражение, досада», 18,6% - «равнодушие, нет никаких чувств» и 5,3% - «затрудняюсь ответить». Следовательно, можно сделать вывод, что большинство респондентов испытывает в отношении к бездомным негативно окрашенные эмоции, в том числе ощущают их как источник потенциальной опасности.

Последним был проанализирован поведенческий компонент. 47,8% респондентов при встрече с бездомными смотрят, но не предпринимают никаких иных действий, 42,5% могут подать мелкие деньги, если посчитают это необходимым, 34,5% стараются вообще не замечать, отворачиваются или

переходят на другую сторону улицы, 15% всегда подают деньги или еду, 11,5% пытаются предложить реальную помощь и 6,2% испытывают раздражение и могут сделать замечание. Из этого следует, что большинство респондентов пассивны в отношении бездомных: игнорируют и лишь изредка готовы помочь небольшим подаянием.

Таким образом, в результате проведённого исследования было определено, что образ бездомного в массовом сознании носит противоречивый образ. При общем недоверии и опасении, опрошенные сочувствуют им, но дальше мелкой помощи и жалости это не идёт. Респонденты в большинстве считают, что бездомность связана с маргинальным образом жизни (алкогольная и наркотическая зависимости) и собственной безалаберностью, недальновидностью и неудачей человека (потеря работы, долги, экономические трудности), что не повышает общего доверия к бездомным и осведомлённости об этой проблеме.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.О. Волынкина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Процесс демографического старения населения, характерный для большинства регионов России, в полной мере проявляется и в Саратовской области. По состоянию на 2025 год в регионе проживает свыше 558 тысяч граждан пенсионного возраста¹. Данная категория населения нуждается в комплексной государственной поддержке, включающей как материальное обеспечение, так и широкий спектр социальных услуг.

Саратовская область является одним из регионов, где активно внедряются новые подходы к социальной защите старшего поколения. С 2019 года в рамках национального проекта «Демография», а с 2025 года - в рамках преемственного ему национального проекта «Семья», в регионе реализуются пилотные проекты по созданию системы долговременного ухода, развиваются стационарозамещающие технологии и программы активного долголетия^{2;3}.

Система защиты пожилых граждан в Саратовской области базируется на федеральном законодательстве и реализуется через региональные механизмы. Ключевым исполнительным органом является министерство труда и социальной защиты области, которое координирует деятельность учреждений социального обслуживания.

Важным событием 2025 года стало завершение масштабной программы по модернизации социальной инфраструктуры. При федеральной поддержке в Саратовской области был построен новый корпус социального стационара, а также проведен капитальный ремонт реабилитационных центров в рамках государственной программы «Доступная среда». Всего за 2025 год при поддержке федерального бюджета в 21 регионе страны были построены и

капитально отремонтированы 75 социальных стационаров, и Саратовская область вошла в число регионов-лидеров по этим показателям⁵. В обновлённых учреждениях созданы условия для комфортного и независимого проживания пожилых граждан с возможностью поддержания физической и творческой активности.

Материальная поддержка остается фундаментом системы защиты. Отделение Социального фонда России (СФР) по Саратовской области осуществляет выплату страховых пенсий по старости более чем 550 тысячам жителей региона. В 2026 году условия выхода на пенсию на общих основаниях соответствуют переходному периоду пенсионной реформы: право на страховую пенсию имеют женщины 1967 года рождения (59 лет) и мужчины 1962 года рождения (64 года) при наличии 15 лет стажа и 30 пенсионных коэффициентов¹.

Существенной мерой поддержки является автоматическое назначение надбавок. С 1 января 2025 года в Саратовской области надбавку на уход к пенсии (1 200 рублей с последующей индексацией) получают более 75 тысяч граждан старше 80 лет и инвалидов I группы¹. При достижении 80 лет фиксированная выплата к страховой пенсии удваивается - в 2025 году это составляло 8 907,70 рубля, а с февраля 2025 года дополнительно установлена надбавка к пенсии (1 314 рублей) для данной категории граждан¹.

Одним из наиболее значимых проектов последних лет является внедрение системы долговременного ухода (СДУ) за пожилыми гражданами и инвалидами. В Саратовской области проект реализуется поэтапно с 2023 года в пилотном режиме на территориях города Саратова и Балаковского района³.

По состоянию на май 2025 года в проекте задействованы 196 помощников по уходу. Профессиональную помощь получают 289 граждан. В инфраструктуру СДУ включены социальные сервисы: пункты проката технических средств реабилитации и «Школы ухода», которые обучают родственников правильному уходу за тяжелобольными людьми¹.

Оценка эффективности проекта, проведённая в 2025 году, показала достижение всех целевых показателей. В 2026 году ожидается расширение географии проекта на другие муниципалитеты региона, а прогнозируемое число получателей услуг должно увеличиться более чем на тысячу человек в рамках нового национального проекта «Семья».

Помимо ухода за маломобильными гражданами, в Саратовской области большое внимание уделяется поддержанию активности здоровых пенсионеров. С 2025 года в регионе реализуется региональная программа «Активное долголетие» в рамках национального проекта «Семья»².

Важным проектом Социального фонда России является открытие Центров общения старшего поколения на базе клиентских служб СФР. В Саратовской области функционирует уже 13 таких центров — в Балтайском, Екатериновском, Ершовском, Краснокутском, Энгельсском и других районах. Эти площадки становятся местом притяжения для людей элегантного возраста: здесь проводятся мастер-классы, лекции по финансовой грамотности, психологические тренинги, уроки компьютерной грамотности⁴. Кроме того, во

многих центрах организована волонтерская деятельность по поддержке участников специальной военной операции: пенсионеры шьют балаклавы, вяжут носки, изготавливают маскировочные сети.

Система государственной защиты пожилых людей в Саратовской области представляет собой динамично развивающийся комплекс, сочетающий традиционные меры материальной поддержки с инновационными подходами к социальному обслуживанию. Регион успешно интегрируется в реализацию федеральных проектов, таких как создание системы долговременного ухода и программа «Активное долголетие»^{2;3}.

Опыт Саратовской области показывает, что комплексный подход, сочетающий финансовую поддержку с качественным уходом и социальной интеграцией, является наиболее эффективной моделью защиты прав и интересов граждан старшего поколения.

Список источников

1. Данные взяты с РОСТАТА с переписи населения 2020 года. URL: <https://64.rosstat.gov.ru/VPN2020> (дата обращения: 14.04.2026)

2. Комсомольская правда. URL: <https://www.saratov.kp.ru/online/news/6770729/> (Дата обращения: 13.04.2026)

3. Приказ Минтруда России от 29.12.2023 N 902 "О реализации в Российской Федерации в 2024 году пилотного проекта по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе, в рамках федерального проекта "Старшее поколение" национального проекта "Демография" URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-29122023-n-902-o-realizatsii/> (Дата обращения: 13.04.2026)

4. *Володин А.* Саратовцам открыли секрет долголетия// Московский комсомолец - Саратов. - 2026. - 17 февраля. - Режим доступа: <https://saratov.mk.ru/social/2026/02/17/saratovcam-otkryli-sekret-dolgoletiya.html> (дата обращения: 14.04.2026).

5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации.// Министерство труда и социальной защиты РФ : официальный сайт. - 2026. - 9 февраля. - Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/social/248> (дата обращения: 14.04.2026).

6. Отделение Социального фонда России по Саратовской области. // Социальный фонд России: официальный сайт. - 2025. - 20 ноября. - Режим доступа: <https://sfr.gov.ru/branches/saratov/news/2025/11/20/284896> (дата обращения: 14.04.2026).

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОКОЛЕНИЙ

Т.Ш. Галаджян

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В настоящее время в организациях и образовательных учреждениях одновременно работают и учатся представители разных поколенческих когорт – Y и Z, чьи базовые ценности и ожидания от трудовой деятельности существенно различаются. Это создает вызовы для управления персоналом, построения эффективных коммуникаций и разработки мотивационных

программ. Понимание этих ценностных основ является необходимым условием для гармонизации межпоколенческого взаимодействия, повышения производительности труда и успешной адаптации молодежи к профессиональной среде. Поэтому изучение системы ценностей различных поколений представляет значительный научный и практический интерес.

Так в Ю.С. Ким и А.В. Горбушина в своём исследовании выделили отличия в особенности мотивации работой сотрудников поколений X, Y, Z. Согласно данным, ключевые различия между поколениями Y и Z проявляются практически по всем показателям мотивации. По автономности в работе поколение Y демонстрирует умеренно положительное значение (0,21), тогда как у поколения Z этот показатель резко отрицательный (-0,61), что говорит о принципиально разном отношении к самостоятельности: миллениалы ценят автономию, а зумеры нуждаются в руководстве и поддержке. По разнообразию работы поколение Y показывает нейтральное значение (-0,03), в то время как поколение Z - отрицательное (-0,43), то есть зумеры, в отличие от миллениалов, испытывают негативные ощущения от разнообразия задач и предпочитают стабильность.

Сложность работы также воспринимается по-разному: у поколения Y показатель близок к нейтральному (0,08), а у поколения Z - сильно отрицательный (-0,48), что означает, что зумеры, в отличие от игроков, негативно относятся к сложным заданиям и хотят работать в более предсказуемых условиях. Обучение в процессе работы ценится поколением Y (0,21), тогда как поколение Z демонстрирует отрицательное отношение (-0,45) - для зумеров обучение на рабочем месте является не возможностью, а дополнительной нагрузкой. Постановка новых целей после достижения результатов у поколения Y имеет положительное значение (0,14), а у поколения Z - отрицательное (-0,33), что говорит о трудностях зумеров с адаптацией к целеполаганию. Контроль процесса выполнения работы важен для поколения Y (0,20), но не интересен поколению Z (-0,44). Улучшение процесса работы - показатель поколения Y близок к нулю (0,08), тогда как у поколения Z он отрицательный (-0,40), что указывает на равнодушие зумеров к изменениям. Удовлетворение от результатов работы у поколения Y положительное (0,23), а у поколения Z - резко отрицательное (-0,54), то есть зумеры значительно более недовольны своими результатами, чем миллениалы. Доведение работы до результата - поколение Y показывает низкое положительное значение (0,09), а поколение Z - сильно отрицательное (-0,43), что свидетельствует о крайне низкой мотивации зумеров завершать задачи. Степень лёгкости выполнения работы у поколения Y положительная (0,11), а у поколения Z отрицательная (-0,12), то есть лёгкие задачи, которые привлекают миллениалов, зумеры воспринимают как бремя. Наконец, интегральный показатель мотивационного потенциала работы у поколения Y составляет 0,24, а у поколения Z - -0,22. Таким образом, по всем перечисленным характеристикам поколение Z демонстрирует либо отрицательные, либо значительно более низкие значения по сравнению с поколением Y, что указывает на иной принцип трудовой мотивации¹.

Говоря о условиях формирования поколения Z, то наиболее фактором важным является повсеместная распространённость цифровых технологий. Поколение Z нередко называют «цифровым поколением». Это объясняется тем, что цифровые технологии проникали в повседневную жизнь постепенно: если миллениалы осваивали социальные сети или учились создавать их уже во взрослом возрасте, то зумеры с самого детства растут с гаджетами в руках, и их навыки работы с информационными технологиями формируются параллельно с их взрослением. В то же время навыки межличностного общения, лежащие в основе развития и поддержания любых социальных связей, у них развиты слабо, о чём свидетельствует статистика распространённости различных социальных фобий и психических расстройств². Также из-за большого объёма информации в интернете, в особенности разных социальных сетях и видеохостингах, согласно социологическим исследованиям, поколение Z - это первое за последние 100 лет поколение, у которого уже в детском возрасте формируется взрослая осознанная позиция по отношению ко многим социальным явлениям и проблемам в обществе, причём в основе этой позиции лежат внутренние ценности и личные предпочтения. Они самостоятельно решают, как, когда и что им делать. Такое поведение не всегда принимают не только родители или работодатели, но и общество в целом³.

Таким образом, можно сделать вывод, что поколения Y и Z обладают принципиально разными ценностными ориентациями в трудовой деятельности, что во многом обусловлено различиями в условиях формирования личности в социальной среде. Миллениалы, осваивавшие цифровые технологии уже во взрослом возрасте, ценят автономию, обучение и достижение результатов. Зумеры же, выросшие с гаджетами в руках с детства, демонстрируют потребность в стабильности, контроле и предсказуемых задачах при слабом развитии навыков межличностного общения.

Список литературы

¹ Ким Ю.С., Горбушина А.В. Особенности мотивации работой сотрудников поколений X, Y, Z // Педагогика и психология в XXI веке: современное состояние и тенденции исследования. 2025. №13. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-rabotoy-sotrudnikov-pokoleniy-x-y-z> (дата обращения: 27.03. 2026).

² Нечаев, В.Д. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы / В.Д. Нечаев, Е.Е. Дурнева // Педагогика.- 2016 .- №1 .- С. 36-45.

³ Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 30. 03. 2026).

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.А. Глазунова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Индустриальная модель, предполагающая линейный путь, постепенно уходит в прошлое: люди меняют профессии по несколько раз за жизнь, где границы между учебой, работой и отдыхом размываются, а ключевые переходы между данными этапами становятся зонами повышенного риска. Зачастую получается так, что молодёжь задерживаются в секторе неформальной занятости из-за отсутствия профессионального опыта, молодые родители после декрета часто соглашаются на менее оплачиваемую работу или вовсе уходят из профессии. Изучение и последующее понимание необходимо для того, чтобы целенаправленно поддерживать людей в уязвимые моменты изменения статусных позиций.

Для этого необходимо рассмотреть влияние социального статуса на трудовую деятельность молодёжи по специальности. Согласно данным авторского онлайн-опроса¹, все опрошенные учащиеся и студенты не работают по специальности, что логично, так как они либо еще не вышли на рынок труда, либо заняты на временных подработках, не связанных с будущей профессией. Среди работающих респондентов наблюдается небольшой перевес в сторону тех, кто трудится по специальности (54,3% против 45,7%).

Самая неоднозначная ситуация сложилась у группы респондентов, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Процент работающих по специальности (44,4%) оказался даже ниже, чем в среднем по выборке, а процент неработающих по профилю выше (55,6%). Данное распределение может быть связано с тем, что после выхода из декрета многие родители либо сталкиваются со сложностями возвращения в профессию и соглашаются на любую доступную работу, либо сознательно меняют сферу деятельности в поисках более гибкого трудового графика.

Род деятельности респондентов влияет и на страх увольнения. Так, среди группы опрошенных, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, наблюдается уникальная поляризация: до 44,4% опрошенных в этой категории либо постоянно боятся увольнения, либо, наоборот, не испытывают такого страха. То есть, с одной стороны, молодые люди боятся потерять рабочее место, находясь в декрете, с другой, возможно, часть из них уже уверена, что не вернется к прежнему работодателю, либо полностью полагается на поддержку партнера, поэтому страха не испытывает.

Среди работающих респондентов доминирует ситуативный страх: 59,3% боятся увольнения только в отдельных обстоятельствах. Постоянный страх у работающих выражен слабо (9,9%), почти треть из них (30,9%) вообще не видит для себя угрозы увольнения. Самыми беззаботными оказались учащиеся и студенты: 75% из них не испытывают страха увольнения. Это объяснимо тем, что они либо еще не начали трудовую карьеру, либо их подработки носят

настолько временный характер, что угроза увольнения не воспринимается как критическое событие.

Говоря о субъективных представлениях идеального образа работы у молодёжи, для респондентов из группы домохозяек абсолютным приоритетом является стабильность трудовой деятельности (66,7%). При этом никто из них не указал в качестве идеала работу, соответствующую интересам или навыкам.

Схожая картина, хоть и менее выраженная, наблюдается у респондентов со статусом в отпуске по уходу за ребенком и военнослужащих срочной службы. У обеих групп стабильность также выходит на первое место (44,4% и 60% соответственно), а ценность соответствия интересам и навыкам минимальна.

Противоположная тенденция наблюдается у студентов и безработных: они чаще других выбирали работу, соответствующую интересам и навыкам (36,1% и 34,6% соответственно). Однако, если безработные достаточно высоко ценят еще и карьерный рост (23,1%), то студенты, наряду с самореализацией, все же более прагматичны – высокая оплата труда для них важна почти так же, как и интерес (26,4%). Интересно, что безработные значительно реже других статусных групп указывают на стабильность (11,5%), что может быть связано с отсутствием негативного опыта потери гарантий или с готовностью рисковать ради лучшего места.

Для работающих респондентов на первом месте остается высокая оплата труда (35,8%). При этом стабильность и соответствие интересам делят второе-третье места с небольшим отрывом. Это самая прагматичная группа, которая уже столкнулась с реалиями рынка и готова совмещать свои желания с необходимостью зарабатывать.

Исходя из вышеизложенного анализа, социальный статус опрошенной молодёжи оказывает прямое и существенное влияние на их профессиональную траекторию. Исследование показало, что линейная модель «образование – работа – пенсия» ныне не соответствует действительности. Наиболее уязвимыми оказываются именно переходные периоды: студенты сталкиваются с разрывом между знаниями и требованиями рынка, а молодые люди, выходящие из декрета, с обесцениванием своего опыта. При этом субъективные установки, такие как страхи, приоритеты, меняются в зависимости от статуса.

Таким образом, профессиональная траектория представляет собой последовательность переходов, каждый из которых несет риски и требует внешней поддержки. Понимание данной динамики позволяет перейти к конкретным мерам, ориентированным на конкретные этапы жизненного цикла: стажировки для выпускников, программы возврата для родителей в декрете, переобучение для тех, кто долго отсутствовал на рынке труда. Без учета жизненного цикла любые меры в сфере занятости будут либо недостаточно эффективны, либо вовсе не достигать тех, кто нуждается в помощи больше всего.

Список литературы

1. Авторское анкетирование «Молодёжная безработица: тенденции и проблемы» проведено в декабре 2025 г. в Саратове. По квотной выборке опрошено 202 человека.
2. Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. Саратов. 2025. Вып. 25. С. 28-31.
3. Кошелева, Т.Н. Методология и методы социологических исследований: введение в проектирование: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 39.03.01 «Социология» Кошелева, Т.Н. / Т.Н. Кошелева, С.В. Ситникова, Н.В. Шахматова; под редакцией С. Г. Ивченкова. - Саратов Издательство Саратовского университета, 2021. - 76 с.
4. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодёжи // Россия реформирующаяся. 2022. №20. С. 379-399.

МОЛОДЁЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В САРАТОВЕ: ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

А.Ф. Горячева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В условиях стремительного экономического развития в современной России остро встает проблема развития молодежного предпринимательства. Проблемной ситуацией становится явное несоответствие между потребностью в повышении доли молодежи в региональном предпринимательстве и противоречащем этому низком уровне успешности молодых предпринимателей в построении своего дела.

Разработкой проблемы предпринимательства занимались как зарубежные социологи, так и отечественные – Т. И. Заславская¹, В.В. Радаев², А.В. Безгоднов³, и др. В последнее время исследователи много внимания уделяют молодежному предпринимательству: И. А. Бегинина⁴, Д. М. Вдовина⁵, Н.Ф. Солдатов⁶, О.Ю. Гончарова, О.В. Мальцева, В.И. Марков, С.А. Куприна⁷ и другие. В этих публикациях молодёжное предпринимательство рассматривается как бизнес - деятельность, осуществляемая гражданами, возраст которых не превышает 35 лет и зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, а также российскими коммерческими организациями, учредителями которых являются граждане, возраст которых не превышает 35 лет и в штате которых не менее 70% сотрудников являются граждане, не достигшие 35 лет.

Исходя из этого в 2025 году в Саратове было проведено авторское социологическое исследования, проведенного методом раздаточного анкетирования. По вероятностной квотной - целевой выборке было опрошено 368 человек, отобранных по критериям пола, возраста и разной организационно-правовой форме бизнеса. В соответствии с квотами в исследовании приняли участие 49% мужчин и 51% женщин, среди которых 61% респондентов – это индивидуальные предприниматели, 39% - представителей обществ с ограниченной ответственностью. Данное

соотношение отражает распределение в генеральной совокупности, что подтверждает репрезентативность выборки.

Полученные данные свидетельствуют, что подавляющее большинство респондентов задействованы в малом бизнесе, что составляет 94% от общего количества опрошенных. Наиболее привлекательными для саратовской молодёжи оказались сфера услуг (28%) и оптовая и розничная торговля (26%).

Анализ мотивационного ядра молодых предпринимателей показал, что наиболее сильным стимулом к предпринимательской деятельности является желание заниматься тем, что нравится (57%). Мотивирующими фактором также является стремление к повышению доходов (52%), которое может обеспечить бизнес.

Результаты исследования показали также, что молодые предприниматели в Саратове имеют возможность активно развиваться, однако сохранилось много препятствия и проблем, обусловленных экономической ситуацией в России и регионе. Высокие конкуренция и налогообложение и недостаток денежных средств на развитие являются самыми актуальными проблемами молодых предпринимателей в Саратове. О наличии данных проблем заявили 51% опрошенных.

В процессе исследования также было выявлено, что молодые саратовцы активно используют различные источники информирования о том, как правильно вести бизнес, это 94% респондентов. При этом наибольшую популярность среди респондентов имеют интернет-ресурсы (73%).

В Саратовской области, как и на территории всей России, реализуется федеральная программа «Ты – Предприниматель», которая направлена на обучение молодёжи базовым предпринимательским знаниям и навыкам. Сегодня созданы государственные фонды по поддержке предпринимательства: «Фонд микрокредитования субъектов малого предпринимательства Саратовской области»; «Центр поддержки предпринимательства», «Бизнес-инкубатор», и т.д. Наряду с этим существует множество негосударственных коммерческих предприятий, оказывающих поддержку предпринимателям. Однако их деятельность была оценена молодыми предпринимателями только на 4 балла.

Что касается банковского кредитования, четверть респондентов (24%) ответили, что прибегали к услугам банков при развитии своего дела. Однако средний балл кредитования малого и среднего бизнеса в г. Саратов в итоге составил «3». Иными банковское кредитование для бизнеса довольно популярно у молодых предпринимателей, однако его оценка достаточно низкая.

Опираясь на результаты исследования, можно также с уверенностью утверждать, что специфика молодежного предпринимательства в Саратове напрямую связана с социально-демографическими особенностями. В Саратове существуют преимущественно мужские сферы предпринимательской деятельности, такие как промышленность, строительство и транспорт. Что касается других сфер занятости, здесь распределение между мужчинами и женщинами уже не так очевидно. Мотивационное ядро молодых предпринимателей в зависимости от пола изменяется. У женщин это

внутренние мотивы – желание заниматься любимым делом, независимость, у мужчин – внешние мотивы: повышение доходов. Пол в соответствии с мотивами определяет и результат предпринимательской деятельности у мужчин и женщин.

Что касается возраста, здесь также существует определенная корреляция переменных. Сфера деятельности зачастую определяется именно возрастом, для младшего возраста более характерна область торговли, для старшего поколения – сфера услуг. Основным мотив предпринимательской деятельности также изменяется с возрастом. В возрастной группе от 18 до 22 лет среди мотивов превалирует стремление к независимости. В группе от 23 до 26 лет основным мотивирующим фактором выступает желание заниматься тем, что нравится. В возрастной группе от 27 до 35 лет основным мотивом становится повышение доходов. От возраста зависит самооценка молодых предпринимателей. Чем старше респондент, тем более положительную оценку своему делу он дает. Возраст также определяет опору молодых саратовцев на определенные источники информирования о предпринимательской деятельности. Доверие к таким новым источникам как курсы и тренинги проявляют, как правило, представители более молодого поколения и с возрастом их популярность спадает. Представители старших возрастов больше доверяют интернету и своим знакомым. Существует также прямая зависимость между возрастом и использованием услуг банковского кредитования. Чем старше респонденты, тем большая доля прибегает к использованию банковского кредитования.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что молодежь является активным субъектом экономических и социальных отношений в сфере предпринимательства. Несмотря на вышеуказанные проблемы, саратовское молодежное предпринимательство имеет перспективы дальнейшего развития. Для совершенствования существующей ситуации все ещё требуется поддержка государства, региональных структур и целенаправленная деятельность самих предпринимателей. В этом случае будут достигнуты необходимые комфортные условия для успешного функционирования молодежного предпринимательства.

Список литературы

1. *Заславская, Т. И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. / Т. И. Заславская // Социологические исследования, 1995. №3.
2. *Радаев, В.В.* Экономическая социология. Курс лекций. - М. : Аспект-Пресс, 1997.
3. *Безгодов, А. В.* Очерки социологии предпринимательства. СПб. : Петрополис, 1999.
4. *Бегина И.А.* Социально-демографическая специфика молодежного предпринимательства в г. Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48-54.
5. *Вдовина, Д. М.* Концептуальные основы определения понятия «молодёжное предпринимательство» // Молодой ученый. — 2021. — № 17 (359). — С. 86-88. — URL: <https://moluch.ru/archive/359/80252/> (дата обращения: 30.03.2025).
6. *Солдатова Н.Ф.* Молодежное предпринимательство россиян: возможности и приоритеты // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 12. – С. 5329-5342. –

<https://elibrary.ru/item.asp?id=63549035/> (дата обращения: 30.03.2025)

⁷ Гончарова О.Ю., Мальцева О.В., Марков В.И., Куприна С.А. Институционализация молодежного предпринимательства в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С.124-129.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЖЕНЩИН, ПОСТРАДАВШИХ ОТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

А.А. Грушецкая

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Сегодня проблема семейного насилия особенно остро встает в условиях современного общества и затрагивает миллионы женщин во всем мире. По данным Всемирной организации здравоохранения, каждая третья женщина сталкивалась с физическим или сексуальным насилием¹. В России эта проблема также носит масштабный характер, что требует системного реагирования со стороны институтов социальной защиты.

Социальное обслуживание женщин, пострадавших от семейного насилия, представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление их психологического и физического состояния, обеспечение безопасности и возвращение к самостоятельной жизни. Согласно Федеральному закону № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и Федеральному закону № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», государство обязано предоставлять социальные услуги лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, включая жертв домашнего насилия²³.

Система социального обслуживания женщин, пострадавших от семейного насилия, включает экстренные и долгосрочные меры поддержки⁴. К экстренным мерам относятся: предоставление временного жилья, психологическая помощь, юридические услуги и помощь в обращении в правоохранительные органы. Долгосрочные формы включают помощь в трудоустройстве, в восстановлении документов, в получении пособий, профессиональную переподготовку и социальную адаптацию.

Кризисные центры занимают ведущее место в структуре социального обслуживания женщин, пострадавших от семейного насилия. Эти учреждения предоставляют временное безопасное проживание, психологическое и юридическое сопровождение, помощь в воспитании детей и организации дальнейшей жизни. В Московском кризисном центре для женщин ежегодно помощь получают сотни женщин, а по данным Министерства труда РФ, в 2022 году в государственных учреждениях социальной защиты такую помощь получили более 17 тысяч пострадавших⁵.

Особое значение в процессе реабилитации женщин, пострадавших от насилия, имеет психологическая реабилитация. Психологи осуществляют индивидуальное и групповое консультирование, проводят занятия по арт-терапии, используют когнитивно-поведенческие методики, которые

направленны на снижение чувства тревоги и восстановление самооценки⁶. Психологическая помощь и поддержка помогает женщинам осознать своё право на безопасность и перестроить жизненные ориентиры.

Одним из важных направлений социального обслуживания женщин, пострадавших от насилия, является и юридическая поддержка. Она осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и включает составление заявлений, сопровождение в полицию и суд, помощь в делах о разводе, алиментах и опеке над детьми⁷. Совместная работа юристов и социальных служб позволяет обеспечить комплексную защиту пострадавших.

Ключевым элементом системы социального обслуживания женщин, пострадавших от семейного насилия выступает информационно-просветительская работа. Социальные службы активно проводят образовательные мероприятия - семинары, лекции и информационные кампании, которые ориентированы на формирование в обществе нетерпимости к насилию и расширению правовой осведомленности. Такая профилактическая деятельность позволяет своевременно выявлять факты насилия, предотвращать их повторение и повышать доступность помощи для нуждающихся.

Комплексная поддержка женщин, которые оказались в ситуации семейного насилия, должна основываться на многоуровневом подходе, включающем юридические консультации, психологическую помощь, материальную поддержку и просветительскую деятельность. Согласованная работа социальных служб, кризисных центров и правоохранительных структур способна создать действенную систему реабилитации и социальной интеграции пострадавших. Расширение сети профильных учреждений и постоянное совершенствование компетенций сотрудников играют важную роль в повышении эффективности противодействия насилию в семье.

Список литературы

1. Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения 09.03.2025). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) "О государственной социальной помощи" [Электронный ресурс] // Консультант [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/856b6aa7481e4adff8c72e4d43400e82544de974/ (дата обращения 02.05.2025). — Загл. с экрана. — Яз. рус.

3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Консультант [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 03.05.2025). – Загл. с экрана. — Яз. рус.

4. *Анищенко Ю.А.* Оказание комплексной помощи женщинам, подвергшимся домашнему насилию // Человек и общество в нестабильном мире. – Омск: Омская юридическая академия, 2023. – С. 6–10.

5. Государственная политика в сфере социальной защиты населения [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения 02.05.2025). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

6. *Мартынова Н. Г.* Арт-терапевтическая программа сопровождения женщин в условиях кризисного центра / Н. Г. Мартынова // Вестник магистратуры. – 2020. – № 1-5(100). – С. 55-57.

7. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Консультант [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122366/ (дата обращения 03.05.2025). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ СГУ

Б. Ёлбарсова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Актуальность заявленной темы связана с тем, что иностранные студенты сталкиваются с комплексом взаимосвязанных барьеров при формировании карьерных траекторий в России. Языковой барьер существенно затрудняет не только академическую успеваемость, но и коммуникацию с потенциальными работодателями. Правовая неопределенность проявляется в сложностях с оформлением разрешений на работу, незнании трудового законодательства РФ и процедур признания дипломов об образовании. Культурные различия выражаются в непонимании локальных бизнес-традиций, корпоративных ожиданий и неформальных правил трудоустройства. Основные трудовые стратегии студентов после окончания вуза могут быть связаны с работой по специальности, продолжением обучения, получением новой специальности, повышением квалификации¹.

Весной 2025 года проведено пилотажное анкетирование иностранных студентов СГУ (выборка - 50 человек, средний возраст 25 лет). Среди опрошенных - граждане Туркменистана, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Турции, Китая и Египта. Большинство (84%) работают, преимущественно в сфере общественного питания и доставки. 62% хотели бы работать по специальности; причины отказа от работы по специальности - занятость в иной сфере, нежелание работать, низкая зарплата, отсутствие интереса к специальности и сложности с трудоустройством. Основной канал поиска работы по специальности - через знакомых. Ожидаемая зарплата - свыше 300 долларов. Приоритетные сферы: туризм, образование, бизнес-услуги. После окончания учёбы 44% планируют вернуться в свою страну, 16% - остаться в России, 4% - работать в другой стране. Ключевые критерии выбора работы: хороший коллектив, престижность и интерес к профессии, достойная оплата.

Проверка гипотез выявила гендерные различия. Женщины чаще заняты в общепите и сфере красоты, мужчины - в транспорте, авторемонте и доставке. Женщин, планирующих работать по специальности (77%), почти вдвое больше, чем мужчин (46%). Мужчин, намеренных вернуться в свою страну (70%), существенно больше, чем женщин (40%). Мужчины ориентируются на более высокий доход. Женщины при поиске работы активнее используют соцсети и биржи труда. В целом иностранные студенты нуждаются в психологической поддержке при определении профессионального пути.

На жизненном и профессиональном пути человека периодически возникают ситуации, требующие определения дальнейшего направления своего развития. Эта процедура, как правило, требует психологической помощи, консультирования и поддержки, в которой нуждаются и иностранные студенты.

Список литературы

¹. Хороших В. В., Логачева Э. А. Карьерные планы иностранных студентов, обучающихся в России. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 10 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ГОРОДА САРАТОВА

П.Д. Елисеева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Актуальность исследования обусловлена современной социокультурной динамикой. Музыка давно перестала быть лишь фоном или видом искусства, превратившись в ключевой элемент формирования идентичности и социальной принадлежности молодого поколения. Через музыкальные предпочтения конструируется индивидуальный стиль, эмоциональный мир и круг общения, что делает изучение этого феномена прямым путем к пониманию ценностных ориентаций и культурных кодов современной молодежи.

Данные ВЦИОМ¹ подтверждают, что 89% россиян слушают музыку с разной периодичностью, причем половина (51%) делает это ежедневно. Рейтинг музыкальных пристрастий российской молодежи возглавляет рок, его слушает каждый третий (39% среди зумеров и младших миллениалов). Далее в топе отечественный исполнитель Ярослав Дронов (SHAMAN) с показателем 20–28% у россиян молодого и среднего возраста. Рэп у зумеров и младших миллениалов набирает 20–21% и занимает третье место в их рейтинге музыкальных предпочтений. Доля упоминаний классической музыки набрала у зумеров всего 12%.

Работа классика социологии Теодора Адорно², разработавшего теоретические подходы к анализу социальной обусловленности музыкальных предпочтений, получает новое звучание в условиях цифровой трансформации. Адорно исследовал, как музыкальное содержание и структура отражают

социальные отношения, используя понятия вроде овеществления, ложного сознания и идеологии для анализа культурных явлений.

Современные исследования российских ученых, направленные на изучение связи между формальным музыкальным образованием и культурными практиками современной студенческой молодежи «Музыкально-стилевые предпочтения студентов с разным уровнем музыкальной подготовки» была опубликована в 2017 году. Исследование подготовлено двумя авторами: Полянской Екатериной Николаевной и Беляевой Анастасией Вячеславовной³. Они предлагают конкретные данные для дискуссии о роли институционального обучения в формировании эстетических предпочтений. Авторы подтверждают тезис о мощном влиянии массовой культуры и медиасреды на музыкальные вкусы студенческой аудитории. Большинство респондентов демонстрируют концентрацию интереса вокруг энергичных и ритмичных жанров, широко тиражируемых в публичном пространстве. Так же исследование показало статистически значимую разницу между группами студентов с музыкальным образованием и без него. Студенты, имеющие базовое музыкальное образование (окончившие ДМШ), не только слушают музыку чаще, но и обладают существенно более широким и диверсифицированным слуховым кругозором. По сравнению со сверстниками без подготовки, они проявляют значимо большую открытость и интерес к таким направлениям, как джаз, классическая, этническая музыка и академический авангард, которые остаются не замеченными основной массой респондентов. Этот аспект будет одним из значимых гипотетических предположений и в нашем планируемом авторском исследовании. Так, с целью анализа особенностей восприятия музыки молодежью города Саратова планируется онлайн опрос по квотной выборке.

Основными составляющими нашей индикаторной модели являются: особенности восприятия и значимость музыки для современных молодых саратовцев, жанровые предпочтения, структура и контекст прослушивания, социальные функции музыки в повседневных практиках молодежи, готовность инвестировать в музыку, а также влияние музыкального образования на тип и характер восприятия музыки.

Предполагаем, что результаты нашего исследования будут полезны для маркетологов, социологов, культурологов, представителей музыкальной индустрии.

Список литературы

1. Музыка нас связала! [аналитический обзор] /Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). - Москва,2024. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzyka-nas-svjazala> (дата обращения:10.03.2026). - Текст: электронный, - Яз. рус.

2. Адорно, Т. Избранное: Социология музыки [Текст] / Т. Адорно; сост. С. Я. Левит; пер. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. - Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. - 446 с.

3. Полянская Е.Н., Беляева А.В. Музыкально-стилевые предпочтения студентов с разным уровнем музыкальной подготовки // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». - 2017. - Т. 3, № 1. - С. 48–54. - URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalno-stilevye-](https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalno-stilevye)

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ОПЫТЕ ИНОГОРОДНЕГО СТУДЕНТА: АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.В. Елхина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Проблематика адаптации студентов к вузовской жизни традиционно находится в фокусе социологии образования. Особую группу составляют иногородние студенты, которые сталкиваются с необходимостью одновременного освоения академической среды и городского пространства. Цель статьи - на основе автоэтнографического анализа выявить факторы социальной изоляции иногороднего студента и стратегии ее преодоления.

Исследование выполнено в рамках автоэтнографической стратегии. Как отмечает А.С. Готлиб, специфика автоэтнографии состоит в том, что исследователь изучает себя как типичного представителя определенной социальной группы¹. Автор выступает типичным представителем группы иногородних студентов из сельской местности. В качестве метода использовалось нарративное интервью с самой собой с последующей расшифровкой и аналитической обработкой. Анализ строится на различении «конструктов первого порядка» (повседневный опыт) и «конструктов второго порядка» (исследовательский комментарий), предложенном А. Шюцем². По мнению исследователей, социология повседневности требует особого внимания к неотрефлексированным слоям опыта, которые и составляют материал для автоэтнографии³.

Анализ нарратива позволяет выделить три группы факторов, приведших к социальной изоляции в первый год обучения. Первый, структурно-пространственный фактор: в общежитии сосед по комнате выполняет функцию «социального моста» - через него происходит знакомство с другими. Отсутствие соседки лишило автора этого естественного канала интеграции. Второй, социально-компетентностный фактор: рефлексия собственной застенчивости и указание на «небольшую школу» и «узкий круг общения» указывают на дефицит опыта взаимодействия в больших группах. Этот эффект можно обозначить как габитусный разрыв (П. Бурдьё⁴) - несоответствие диспозиций, сформированных в первичной социализации, требованиям новой среды. Третий, интеракциональный фактор: высокая тревожность ведет к закрытому поведению, которое интерпретируется окружающими как нежелание общаться, что усиливает изоляцию, замыкая цикл социальной тревожности.

В условиях отсутствия близких отношений в новой среде земляки и семья выполняли компенсаторную функцию. Во-первых, эмоциональная регарантизация: поддержка со стороны подруги-землячки и семьи создавала

«эмоциональный якорь» - возможность вернуться в знакомую систему отношений. Во-вторых, моделирование успешной адаптации: наблюдение за подругой, уже освоившейся в городе, выполняло функцию «социального доказательства» (Р. Чалдини⁵), снижая желание вернуться домой. В-третьих, практическая поддержка: совместное решение бытовых задач создавало «зону компетентности», контрастировавшую с неуверенностью в новой социальной среде.

Ключевая «точка перелома» приходится на начало второго курса. Нарратив фиксирует переход от пассивной позиции к активной, что можно интерпретировать как формирование социальной агентности - способности самостоятельно выстраивать социальные связи. Появление соседки создало тот самый «социальный мост», отсутствие которого тормозило интеграцию в первый год. Для иногородних студентов из малых городов и сел наличие структурного посредника может быть критическим условием выхода из изоляции.

На основе нарратива можно выделить несколько стратегий совладания с одиночеством. Стратегия «парасоциального включения» заключалась в наблюдении за жизнью общежития через общую беседу при сохранении дистанции, что позволяло снижать ощущение изолированности. Стратегия «поддержания связей с исходным миром» проявлялась в интенсивном использовании связи с семьей и встречах с подругой-землячкой, что выступало источником безопасности. Стратегия «отложенной инициативы» - переход к активному знакомству на втором курсе - показывает, что автор не форсировала интеграцию, ожидая снижения тревожности и появления благоприятных условий.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Социальная изоляция иногороднего студента является системным феноменом, обусловленным сложением структурно-пространственных, социально-компетентностных и интеракционных факторов. Для выпускников сельских школ университетская среда создает габитусный разрыв — несоответствие между сформированными в первичной социализации паттернами взаимодействия и требованиями новой среды. В условиях отсутствия близких отношений земляки и семья выполняют компенсаторную функцию, выступая буфером. Ключевой точкой перелома является формирование социальной агентности, что часто требует наличия структурного посредника. Используемые стратегии совладания представляют собой адаптивные механизмы, позволяющие постепенно выстраивать новые связи. Период изоляции, который может длиться до года, не обязательно свидетельствует о неуспешности адаптации, а может быть ее специфической фазой, требующей иных временных рамок, чем предполагают стандартные представления о студенческой жизни.

Список литературы

1. *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 320 с.
2. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
3. *Вахитайн В.С.* (включенный в реестр иностранных агентов) Пять книг о социологии повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 44-53.
4. *Бурдые П.* Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2020. 464 с.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

С.Н. Зайцев

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Военнослужащие, рискующие жизнью и возвращающиеся со специальной военной операции (СВО) чаще всего находятся в состоянии стресса, имеют ранения, болезни и травмы. Участие в СВО на практике означает отказ от привычного образа жизни, трансформацию системы ценностей, поведенческих паттернов, принятие новых стандартов и ограничений¹. Необходимо согласиться с мнением О. Н. Прудниковой, что эту категорию можно отнести к особой группе социального риска². Причем эта социальная группа достаточно велика и насчитывает, как отметил в 2025 году начальник управления президента РФ по общественным проектам С. Новиков, около 137 тысяч вернувшихся с фронта участников спецоперации³. Поэтому не случайно существуют многочисленные меры поддержки участников СВО, включая функционирование постоянно действующих реабилитационных центров, которых в 2025 году насчитывалось 12, где тысячи пациентов могут получать помощь⁴. Однако до сих пор исследователи констатируют недостаточность объемов социальной реабилитации участников вооруженного конфликта⁵. Вместе с тем, в этих публикациях возрастные различия ветеранов СВО почти не рассматривались.

Возраст предопределяет стадии активного включения индивидов или общностей в социальные взаимодействия, отношения, влияет на их ценности, профессионально-трудовые ориентации, принятие тех или иных ролей. Кроме того, он детерминирует многие личностные характеристики человека, его интересы, ожидания, специфику поведения и т.д. Принадлежность к определенной возрастной когорте служит одной из существенных координат, определяющих положение индивида в окружающей среде, его статус.

В 2026 году было проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования по сплошной выборке пациентов саратовского Центра физкультурно - оздоровительной адаптации участников и ветеранов СВО на

базе ГБУ СО «СК «Кристалл». N=177 участников СВО. Результаты обрабатывались в рамках компьютерной программы SPSS.

Было опрошено 33,9% рядовых, матросов, солдат; 49,2% сержантов, прапорщиков, мичманов, старшин; 13,6% офицеров младшего состава; 3,4% капитанов, майоров, подполковников. В ходе анализа все респонденты были поделены на 4 возрастных категории: молодые (от 18 до 30 лет) - 28,8%; средние (до 40 лет) - 32,2%; старшие (до 50 лет) - 20,3%; пожилые (от 51 года до 64 лет) - 18,6%. Таким образом, участники СВО отличаются значительной неоднородностью как по социально-демографическим, так и статусным характеристикам.

На самочувствие респондентов влияет возраст и срок пребывания в зоне боевых действий. 16,9% участников находились там менее 6 месяцев. Почти в 2 раза чаще на это указывали представители среднего возраста. Каждый пятый воевал 7-11 месяцев. Немного чаще других таковых было в самом молодом возрасте (23,5%). Большинство (52,5%), особенно старшие воины (72,7%), воевали 1-2 года. 3-4 года и более сражались 0,2% участников, особенно младшего (11,8%) и старшего (16,7%) возраста. Чем больше длительность участия в боевых действиях, тем чаще ветераны проявляют тревожность, перепады настроения снижение работоспособности и т.д. Это подтверждают и результаты исследования А.В. Ермолаевой⁶.

Можно согласиться с Л.С. Киселевым⁷, что уровень дохода является одним из основных показателей экономического фактора социального благополучия населения. Доход в ходе исследования замерялся через индикатор среднемесячного дохода на одного человека в семье. Результаты этого замера показали, что самой распространенной величиной доходов выступает объем в 15001-20000 рублей, что особенно характерно для пожилых (45,5%) и средневозрастных (36,8%) участников конфликта, а также - 20001-30000 рублей, что чаще свойственно молодым категориям (35,3%). Это лишь немного превышает размер прожиточного минимума 2026 года в России. Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. величина прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации установлена в размере 18 939 руб., для трудоспособного населения – 20 644 руб⁸. Многие из них в зоне проведения СВО получали существенные денежные выплаты, и после возвращения они столкнулись с падением дохода. Поэтому их уровень жизни относительно невысок, и они чаще указывали на необходимость финансовой помощи, организации переобучения и трудоустройства с достойной заработной платой.

Каждый пятый, вернувшийся с ВСО (20,3%), особенно – молодого возраста (29,4%) имеет доход в 31001- 40000 рублей на одного человека. 5,1% всех участников располагают среднедушевым доходом в 41001-50000 рублей. Однако среди старших бывших воинов таких в 3 раза больше (16,8%). Эти возрастные категории занимают более благополучное положение относительно доходности. Вероятно, это связано с различными сроками участия в СВО, званиями и разной выслугой лет и социальными льготами.

Материально-финансовая дифференциация бывших воинов сказывается на процессе их потребления. 8,5% из них отмечали, что денег не хватает даже на еду и медикаменты. Для 45,8% участников, чаще среднего (52,6%) и старшего (50%) возраста, покупка бытовой техники или вещей длительного пользования вызывает затруднения. Этим двум категориям вероятно особенно важна финансовая помощь государства и региональных органов власти, различных фондов поддержки, помощь предпринимателей. 23% участников и ветеранов СВО, особенно - индивидов старшего и молодые возраста (соответственно 41,7% и 29,4%), многое могут себе позволить, но на дачу и автомобиль приходится брать займ, кредит. И только 5,3% участников среднего возраста могут позволить себе почти все. Таким образом, участие в вооруженном конфликте несколько повысило уровень материальной обеспеченности многим бывшим воинам, но в разной степени.

49,2% участников СВО, особенно среднего (57,9%) и старшего (50%) возраста, полностью удовлетворены своими жилищными условиями. Однако каждый четвертый хотел бы их улучшить с учетом изменившегося состояния здоровья. Чаще других такое желание выказывали представители младшего (29,4%) и среднего (26,3%) возраста. Однако 15,3%, особенно молодежь (17,7%) не довольны своим жильем. 10,2% опрошенных, особенно самые молодые (17,5%) и самые пожилые (18,1%) вообще не имеют своего жилья. Это серьезно снижает их самочувствие и тормозит процесс интеграции в социум. Видимо здесь особенно нужна помощь региональных и муниципальных органов власти

Реабилитация участников СВО - это комплексный процесс устранения последствий стресса, ранений, травм и болезней, полученных бойцами во время участия в специальной военной операции. Процесс этот многогранен: он включает физическую, медицинскую, психологическую, спортивную (включая поэтапное расширение двигательного режима) и социальную поддержку. Его цель - восстановить здоровье индивидов и помочь им вернуться к привычной повседневной жизнедеятельности. Однако разным возрастным категориям участников боевых действий свойственны разные потребности и стратегии выздоровления.

Полученные данные позволяют сформировать социально - возрастные типы участников и ветеранов СВО. Большинство молодых участников имеют невысокий военный статус и среднее техническое образование. Следовательно, в ходе социальной реабилитации важно учитывать их потребность в дальнейшем обучении. Примерно треть из них, сражались менее года, большинство - 1-2 года, но каждый десятый - опытные бойцы с полевым стажем 3-4 года. Значительная часть молодежи имеют инвалидность или оформляют ее. Иными словами, у них чаще формируется инвалидизированное самовосприятие, что особенно деконструктивно в молодом возрасте. Для них крайне важны не только медицинские услуги по лечению и протезированию, помощь социальных работников, но занятия адаптивным игровым спортом, выработка активной жизненной позиции. Молодежь, чаще других в качестве источника дохода отмечают зарплату в купе с пособием по ранению и

подработками. Их отличает множественная занятость. Они имеют неплохой уровень достатка (хотя и ниже зарплаток на СВО), значительная часть которого тратится на восстановление здоровья. Они чаще других не удовлетворены своим жильем или не имеют его. Им крайне важны помощь в трудоустройстве, получении жилья и образования.

В среднюю возрастную группу участников и ветеранов СВО входят не только рядовые солдаты, но и офицеры младшего состава. Их уровень образования немного выше, чем у молодежи, поэтому их потребность в повышении своего образования несколько меньше. Большинство из них воевали не больше одного года. Однако многие – 1-2 года. Они чаще других имеют инвалидность, а следовательно - инвалидизированное восприятие своего тела), получают пособия и заработную плату. Их возврат к гражданской жизни сопряжен с определёнными трудностями. Треть из них имеет небольшой доход на уровне прожиточного минимума. Для большинства из них покупка бытовой техники или вещей длительного пользования вызывает затруднения. Следовательно, им больше других необходимы помощь в трудоустройстве и формировании активной жизненной позиции с участием психологов, психотерапевтов и тренеров адаптивного спорта.

В старшей возрастной группе военнослужащих присутствуют не только рядовые солдаты, офицеры младшего состава, но и капитаны 2 и 3 ранга, майоры, подполковники. Каждый третий из них имеет военную пенсию. Их уровень образования выше, и они не видят необходимости в его повышении, но тем сложнее им будет возвращаться к трудовой и гражданской жизни. Большинство из них воевали 1-2 года, однако именно среди них самая большая доля тех, кто пробыл в зоне боевых действий 3-4 года. В этой возрастной категории примерно равные доли занимают те, кто получил инвалидность и те, кто не имеет ее. Старшие военнослужащие реже других работают, и никто не имеет подработок. Их уровень дохода – чуть ниже среднего. Они полностью удовлетворены своими жилищными условиями, но у каждого второго есть проблемы с покупкой бытовой техники или вещей длительного пользования. В этом им могли бы помочь различные благотворительные фонды, предприниматели, осуществляющие спонсорскую помощь.

Среди самых пожилых воинов большинство имеют рядовые воинские звания, среди них меньше, чем в других возрастных категориях младших офицеров. Подавляющее большинство из них воевали 1-2 года. Каждый второй пожилой участник СВО получил 2 группу инвалидности и нуждается в помощи медиков и социальных работников. Остальные - инвалидности не имеют, но крайне нуждаются в помощи психологов и психотерапевтов. В этой возрастной группе практически все проживают на пенсию, социальные выплаты, льготы, пособия по инвалидности, ранению. Среди них в 3 раза больше доля тех, кто располагают среднедушевым доходом в 41001-50000 рублей, т.е. примерно в 2,5 прожиточного минимума, большая часть которого тратится на лечение. Однако почти каждый пятый вообще не имеет своего жилья и затрудняются с покупкой бытовой техники или вещей длительного пользования. Им особенно

важна финансовая помощь государства и региональных органов власти, различных фондов поддержки, помощь предпринимателей.

Комплексная стратегия социальной реабилитации не может быть унифицированной: она должна учитывать возрастной фактор - для молодежи приоритетом должны быть образование, новая работа и жилье, для людей среднего возраста - медицинская реабилитация и сохранение занятости, для пожилых - финансовая поддержка, помощь социальных работников и адаптация к мирной жизни после длительного стресса.

Список литературы

1. *Андрянова А.В.* Региональные практики социального партнерства в поддержке участников СВО и членов их семей / А.В. Андрянова, А.А. Чащина // Человек, наука, социум: научно-методический журнал. - 2025. -№3 (23). С. 314.
2. *Прудникова О.Н.* Медико-социальные аспекты реабилитации ветеранов боевых действий в Омской области: дисс. ... канд. мед. наук. Кемерово, 2006 224 с.
3. Кремль озвучил точное число вернувшихся с СВО россиян. 26 июня 2025 - URL: <https://ura.news/news/1052954859?ysclid=mmynsb8ttu38047114> (дата обращения 09.06.25).
4. *Бахолдин В.* Реабилитация участников СВО в 2025 году. - URL: <https://news.mail.ru/society/66623480/> (дата обращения 09.06.25).
5. *Бонкало Т.И.* Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. -URL: <https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/> (дата обращения: 04.09.2025).
6. *Ермолаева А.В.* Психологические особенности личности военнослужащего - участника боевых действий // Психологическая наука и образование. - 2013. -№1. С. 1-12.
7. *Киселева Л.С.* Факторы благополучия российского населения: региональные особенности // Социодинамика. 2020. № 5. С. 69-78.
8. Величина прожиточного минимума в целом по России увеличится в 2026 году. 3 декабря 2025. - URL: <https://www.garant.ru/news/1919895/?ysclid=mmyk27wosj557371086>. (дата обращения 09.02.26)

АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЕВОГО ОПЫТА

А.А. Зайцева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Моё активное участие в саратовской субкультурной сцене началось достаточно поздно по местным меркам - на первом курсе университета. Это поставило меня в промежуточное положение между «старожилами движа» и большинством участников, которым в основном было от 15 до 18 лет. Мне тоже было 18, однако сам факт поступления в университет, а не в колледж, в определённой степени отделял меня от других. В результате чаще приходилось занимать позицию наблюдения за происходящим на концертах (в «движе» их обычно называют «гиги», от английского gig - небольшой концерт, однако в российском контексте это слово стало универсальным обозначением

практически любых подобных мероприятий) и сходках, а не активно участвовать. Меня знали, но в глазах окружающих я скорее оставался случайным собеседником или «фоном».

Со временем возникло желание осмыслить происходящее вокруг, опираясь на получаемые социологические знания. Такая позиция «вовлечённого наблюдателя» соответствует классическим подходам качественной социологии, где исследователь одновременно включён в среду и анализирует её^{1;2}. При этом моё положение можно описать как промежуточное - между «своим» и «чужим»³. Именно это позволяло замечать повседневные практики и негласные правила, которые для полностью включённых участников часто остаются незаметными. Так постепенно сформировалась идея исследования молодёжных субкультур, хотя к полноценной полевой работе переход произошёл только на втором курсе.

Одной из главных трудностей в поле оказалось объяснение респондентам, «зачем это вообще нужно». В их представлении их деятельность могла быть интересна разве что полиции, приезжающей на концерты из-за жалоб на шум или алкоголь. Такое восприятие можно объяснить через концепцию стигмы⁴: участники заранее ожидают негативного отношения со стороны внешнего общества. Кроме того, сказывалось общее недоверие к исследователю, характерное для работы с маргинализированными группами⁵. Многие также просто не понимали, чем занимается социология, поэтому приходилось дополнительно объяснять и это, фактически «переводя» научные задачи на более понятный язык⁶.

Первые несколько анкет были собраны на концертах: я подходил к знакомым участникам сцены и проводил опрос по жёстко структурированной анкете прямо во время мероприятий. Таким образом удалось собрать около пяти анкет. Однако процесс шёл медленно: концерты проходили нерегулярно (в лучшем случае раз в две недели), а в атмосфере досуга мало кто был настроен тратить время на ответы на вопросы. Даже при объяснениях не всем было понятно, зачем мне, например, знать их уровень дохода или образования. Недоверие при этом никуда не исчезало.

Ситуация изменилась благодаря одному из участников сцены. На одном из концертов я рассказал о своей курсовой работе S.H.A.R.P. (Skinheads Against Racial Prejudice - антирасистское направление в скинхед-движении) скинхеду О. Он был очень включён в среду и обладал высоким уровнем активности; общительный и очень активный молодой человек, он имел большое количество социальных связей и друзей. В итоге он стал для меня своего рода «ключевым информантом»⁷ и предложил помочь с поиском респондентов. И это помогло! Мне как исследователю стали доверять больше из-за наличия человека из среды, доверяющего мне.

С наступлением зимы гиги стали проходить реже, что осложнило доступ к пулу респондентов. Все сидели по домам. Но всё решилось: О. пригласил меня на футбольный матч команды, за которую болели он и его друзья. Хотя мне уже доводилось бывать на матче этой команды, идея использовать футбольный матч как место поиска респондентов появилась только тогда. Это

можно описать как «следование за участниками», когда исследование выходит за пределы первоначально выбранных локаций⁸.

Всё получилось: после игры часть компании поехала «на квартиру». Обычно такие встречи связаны с досугом, однако в этот раз часть людей поехала именно из желания стать респондентом. Тем не менее определённый уровень недоверия всё равно сохранялся, и приходилось учиться объяснять свою работу более понятно.

Со временем стало проще выстраивать контакт с новыми респондентами: мои объяснения становились яснее, а взаимодействие - более гибким. Однако наиболее содержательные интервью по-прежнему получались с теми, кто знал меня заранее. В таких случаях разговор был более расслабленным и выходил за рамки анкеты, превращаясь в более свободную беседу. Это подтверждает, что уровень доверия напрямую влияет на глубину получаемых данных⁹.

Отдельно стоит отметить некоторые особенности полевой работы с представителями субкультурных сообществ.

Во-первых, использование специфической лексики, включая ненормативную. Такая речь является частью групповой идентичности и способом отделить «своих» от «чужих»¹⁰, но при этом усложняет расшифровку и анализ интервью.

Во-вторых, сложность выбора места для интервью. В полевых условиях далеко не всегда есть возможность найти тихое и спокойное пространство, что влияет на качество записи и ход разговора¹¹.

В-третьих, присутствие других людей. В неформальной обстановке окружающие часто включаются в разговор: это может как обогатить материал, так и сбить респондента или изменить его ответы. В таких ситуациях важно гибко реагировать и корректировать ход беседы.

Наконец, важен баланс между профессиональной дистанцией и включённостью. Степень формальности неизбежно меняется в зависимости от ситуации, и даже в рамках одного исследования интервью могут звучать по-разному. Это нормальная часть полевой работы и отражает необходимость адаптации к контексту¹².

Отдельно стоит отметить использование технологий в процессе сбора данных. На начальном этапе фиксация интервью осуществлялась преимущественно в виде заметок на планшете, однако такой способ оказался ограниченным: при записи в режиме реального времени неизбежно теряется часть контекста, интонаций и деталей высказываний. В дальнейшем к этому добавилось использование диктофона, что позволило более полно сохранять ход интервью и возвращаться к материалу на этапе анализа. Вместе с тем аудиозапись в полевых условиях сталкивалась с рядом трудностей: в неформальной обстановке участники часто стремились включиться в разговор одновременно, перебивали друг друга и активно использовали ненормативную лексику, что усложняло как качество записи, так и её последующую расшифровку. Таким образом, выбор технических средств фиксации данных также оказывался частью полевой адаптации и требовал учета специфики исследуемой среды.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. - М.: Академический проект, 2018.
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures. - New York: Basic Books, 1973.
3. Adler P. A., Adler P. Membership Roles in Field Research. - Newbury Park: Sage Publications, 1987.
4. Гофман Э. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. - М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
5. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. - London: Routledge, 2007.
6. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. - Cambridge: Polity Press, 1991.
7. Whyte W.F. Street Corner Society. - Chicago: University of Chicago Press, 1943.
8. Marcus G.E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // Annual Review of Anthropology. - 1995. - Vol. 24. - P. 95 -117.
9. Kvale S. Doing Interviews. - London: Sage Publications, 2007.
10. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. - London: Routledge, 1979.
11. Bryman A. Social Research Methods. - Oxford: Oxford University Press, 2016.
12. Emerson R.M., Fretz R.I., Shaw L.L. Writing Ethnographic Fieldnotes. - Chicago: University of Chicago Press, 2011.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУПП МЕЖДУНАРОДНОГО СОДРУЖЕСТВА «АНОНИМНЫЕ АЛКОГОЛИКИ» (АА)

С.А. Захаров

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Международное содружество Анонимные Алкоголики зародилось в 1935 году в городе Акроне (США) в результате встречи одного известного хирурга Р. Х. Смита («доктора Боба»), и бизнесмена из Нью-Йорка Б. Уилсона («Билла У»), который к моменту встречи оставался некоторое время трезвым¹. Оба с медицинской точки зрения были безнадежными алкоголиками. Они стали разговаривать друг с другом и делиться своим опытом, позволяющим им оставаться трезвыми. Эта встреча стала ключевой не только в жизни самих участников, но и в судьбе многих миллионов людей больных алкоголизмом. Благодаря найденному Р.Х. Смитом и Б. Уилсоном психотерапевтическому способу сохранять трезвость к ним стали присоединяться люди, имеющие ту же проблему. Спустя четыре года количество выздоравливающих от алкоголизма достигло ста человек. На основе полученного и отрефлексированного успешного опыта преодоления алкоголизма посредством группы само-и взаимопомощи, Р.Х. Смит и Б. Уилсон разработали программу, получившую название «12 шагов». Опыт выздоровления от алкоголизма Р.Х. Смита, Б. Уилсона и их соратников был описан в книге «Анонимные Алкоголики», вышедшей в 1939 году, где были впервые опубликованы «12 шагов АА», что способствовало быстрому развитию нового сообщества помогающего типа.

Количество групп АА и выздоравливающих членов увеличивалось. В 1946 году впервые были опубликованы 12 традиций АА, позволивших

сохранить единство новой социальной организации. Идеи и практика «Анонимных Алкоголиков» вышли за пределы США. Была создана «структура обслуживания» (управления) Содружеством.

На территории бывшего Советского Союза первая группа АА была создана в Москве в 1987 году, она называлась «Московские Начинающие». По состоянию на июль 2025 года в России было зарегистрировано 1200 групп в 77 регионах страны.

В городе Саратове первая группа АА начала работать в 1995 году. В 2025 году саратовское Содружество АА отметило свой 30-ти летний юбилей. Сейчас в городе зарегистрировано 14 групп. Группы АА также действуют в области.

Необходимо заметить, что в профессиональном сообществе в сороковые годы прошедшего столетия появляются группы, которые определяются как группы само- и взаимопомощи, которые направлены на активизацию внутреннего резерва личности и потенциала малых групп². Цели и задачи такой деятельности реализуются в этих группах, дополняющих систему социальных служб, государственных и общественных структур, удовлетворяющих потребность населения в создании служб экстренной помощи. По своей характеристике группы АА подходят под специфику этих групп. Группа АА – является основной организационной и системной единицей Всемирного социального движения АА помогающего типа. Именно в группе АА реализуется на практике метод 12 шагов выздоровления от алкоголизма, и она же составляет основу структуры обслуживания (управления) всей организации на разных уровнях. Основной отличительной особенностью этих групп является то, что в своей деятельности они руководствуются 12 традициями АА, принятыми в 1946 году и существующими в неизменном виде до сих пор.

12 традиций АА нацелены на раскрытие отношений членов организации со своей группой, отношений с Содружеством АА в целом, отношений всего Содружества АА с остальным миром. К примеру, третья традиция определяет членство в группе таким образом: «Единственное условие для того, чтобы стать членом АА-это желание бросить пить»³. Для вступления в Содружество нет ни каких ограничений ни по полу, ни по возрасту, ни по вероисповеданию, ни по политической и профессиональной принадлежности, цвету кожи и т.д. «Любые два-три алкоголика, собравшиеся вместе с целью поддержания трезвости, могут называть себя группой АА, при условии, что как группа они не входят в какую-либо другую организацию»⁴. Пятая традиция Содружества определяет главную цель каждой группы АА в донесении идей и опыта выздоровления по методу 12 шагов АА. Седьмая традиция ориентирует на самообеспечение группы и всего Содружества АА. Вся организация существует на добровольные пожертвования её членов. При этом, сумму пожертвований каждый из членов определяет сам, исходя из своих реальных возможностей.

Среди организационных особенностей группы АА можно выделить следующие⁵. Каждая группа регистрируется в Российском Совете Обслуживания АА, где ей выдается регистрационное удостоверение с полным названием группы и регистрационным номером. На группе простым

голосованием избирается председатель, казначей, при необходимости секретарь и другие должностные лица, отвечающие за ее работоспособность. У группы есть место проведения регулярных встреч. Определен регламент этих встреч: как правило 2-3 раза в неделю. Групповым решением определяется сумма на аренду помещения, траты на закупку литературы для распространения среди членов АА, суммы трат на чаепитие и другие нужды группы.

Основная деятельность групп АА заключается в работе по 12 шагам АА и пятой традиции АА. Эта работа реализуется на регулярно проводимых встречах членов группы. Встречи проходят в форме собраний, где участники делятся своим опытом воздержания от употребления алкоголя, основываясь на личном опыте, опыте членов группы и опыте предшествующих поколений членов АА, изложенном в литературе одобренной Конференцией АА. Если сказать по-другому, основным методическим инструментом группы является работа по 12 шагам АА, направленная на коррекцию зависимого поведения и мышления, организуемая группой АА на основании 12 традиций Содружества АА.

Собрания групп АА могут быть как закрытыми (только для членов АА), так и открытыми: на которых могут присутствовать все желающие, которые хотят познакомиться с программой 12 шагов АА и с работой Содружества в целом. Все собрания проводят только члены АА.

В заключении следует сказать, что группы АА и само Содружество АА дали толчок к созданию и развитию других социальных движений помогающего типа, таких как: Ал-Анон, АН, Нар-Анон, ВДА, АК, АИ и другие, которые адаптировали 12 шагов АА и 12 традиций АА под свои конкретно социально-духовные запросы и нужды. В настоящее время они занимают достойное место в гражданском обществе, имея большой потенциал в позитивном развитии современной России.

Список литературы

1. Алкоголики Алкоголики (Четвертое издание)/Перевод с английского. Нью-Йорк: Alcoholics Anonymous World Services, Inc; Фонд «Единство», 2013. 192 с.

2. Зыкова Н.Н., Крысова Е.В., Кольцова М.В. Организация групп само-и взаимопомощи в условиях социальной службы: профессиональный взгляд//Теория и практика общественного развития. 2012. <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-grupp-samoi-vzaimopomoshchi-v-usloviyah-sotsialnoy-sluzhby-professionalnyy-vzglyad?ysclid=moijxh8utp580291645>.

3. Двенадцать шагов и Двенадцать традиций. Нью-Йорк, 1989. С. 14.

4. Там же, с. 155.

5. Группа АА...там, где всё начинается. Как работает группа. Как и с чего начинать. Одобрено Конференцией по обслуживанию АА. Чебоксары: Служение, 2005. 52 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЫХ ФРИЛАНСЕРОВ

А.В. Зыкова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

В условиях трансформации рынка труда фриланс становится устойчивым трендом, особенно значимым для групп с ограниченным доступом к стандартной занятости (студенты, выпускники, мамы в декрете). Для них удалённая работа выступает инструментом профессиональной реализации и финансовой независимости. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа фриланса как стратегии преодоления барьеров в современной экономике.

Для описания проблемного поля будут рассмотрены две задачи: выявление мотивационных факторов выбора фриланса молодыми специалистами и определение перспективных карьерных траекторий и профессиональных перспектив молодых фрилансеров.

Для решения данных задач обратимся к результатам авторского исследования, проведённого в период с января по март 2026 года и охватившего 94 респондента. В ходе исследования была сформирована целевая выборка, основными критериями которой являлись возраст (16-30 лет) и работа в сфере фриланса. Возрастная структура выборки представлена следующими диапазонами: 16-20 лет - 28,7%, 21-25 лет - 46,8%, 26-30 лет - 24,5%. Средний возраст респондентов составил 23,9 года. Половина опрошенных не состоят в браке (50%), а также 72,3% респондентов не имеют детей, что соответствует молодому возрасту участников.

Анализ мотивов начала трудового пути в сфере фриланса показал, что ведущими критериями являются «Возможность работать из любой точки» (37%) и «Гибкий график» (36%), что свидетельствует о приоритете территориальной и временной свободы. Высокий доход также занимает значимую позицию (32%), опровергая первоначальный вывод о его второстепенности. Умеренную значимость имеют «Высокий уровень автономии и свободы» (29%) и «Возможность совмещать с учёбой» (26,2%).

Полученные данные отражают специфику выборки: для респондентов без семейных обязательств гибкость выступает конкурентным преимуществом образа жизни, а не вынужденной необходимостью. В отличие от более зрелых категорий работников, где гибкий график часто является инструментом совмещения работы с уходом за детьми, в данной возрастной группе ценность пространственной мобильности носит самоценный характер, не вступая в конфликт с семейными обязанностями.

При этом ведущей причиной продолжения работы во фрилансе является наличие реальных карьерных перспектив (рост дохода, интересные проекты, масштабирование) - 35%. Это свидетельствует о том, что чуть более трети респондентов рассматривают фриланс не как временную вынужденную меру, а как полноценную карьерную траекторию с потенциалом развития. Высокую значимость также имеет фактор профессионального удовлетворения и

творческой реализации (30%), что указывает на ценность нематериальной мотивации. Значимый процент респондентов (21,8%) остаются во фрилансе в силу сформированной клиентской базы и репутации, когда переход в стандартную занятость становится экономически невыгодным. Близкий по значению фактор - доход во фрилансе стал выше и/или стабильнее, чем возможные предложения по найму (21,8%). Умеренную значимость (19,1%) имеют независимость, отсутствие начальства, разнообразие проектов и возможность совмещения с другими видами занятости. Таким образом, ключевыми драйверами удержания во фрилансе выступают карьерный рост, творческая реализация и экономическая выгода, что подтверждает трансформацию фриланса из вынужденной альтернативы в осознанную профессиональную стратегию.

Дополнительно к этому было рассмотрено видение респондентами своего будущего во фрилансе на ближайшие 3-5 лет. Анализ показал, что наиболее распространённой карьерной стратегией является совмещение фриланса с наймом - 38,7%. Это свидетельствует о том, что почти две пятых респондентов рассматривают гибридную модель занятости как оптимальную, не делая жёсткого выбора между двумя форматами. Второй по значимости вариант - желание остаться фрилансером надолго - 25,8%, что указывает на сформировавшуюся группу приверженцев исключительно удалённого формата работы. Таким образом, фриланс из маргинальной формы занятости превращается в ещё одну альтернативу полноценную форму занятости, по крайней мере, среди молодёжи. Значительная доля респондентов (20,4%) ещё не определились с карьерной траекторией, что отражает зону неопределённости и потенциальной текучести. Наименее популярный вариант - смена фриланса на стандартную занятость - 11,8%, что демонстрирует низкую привлекательность возврата к классическому найму после получения опыта работы в гибком режиме. Таким образом, подавляющее большинство фрилансеров (64,5%) либо планируют оставаться в этом формате надолго, либо выбирают его совмещение с наймом, тогда как полный уход в стандартную занятость рассматривает лишь каждый десятый респондент.

Проведённое исследование позволило установить, что для молодёжи ключевыми драйверами выхода на фриланс выступают территориальная свобода, гибкий график и материальная мотивация. В части карьерных перспектив около трети респондентов видят во фрилансе реальные возможности для роста, планируют либо оставаться в этом формате надолго, либо совмещать его с наймом. Полный возврат к стандартной занятости рассматривает лишь каждый десятый. Полученные данные фиксируют глубинную трансформацию ценностных представлений о норме занятости. Если в традиционной модели трудовых отношений, характерной для начала XXI века, приоритет отдавался стабильности и социальным гарантиям «белого» найма, то сегодня молодые специалисты демонстрируют готовность обменивать формальную защищённость на временную и пространственную автономию. Как отмечает профессор НИУ ВШЭ С.Ю. Рощин, «для поколения Z гибкость становится не просто опцией, а ключевым требованием к трудовому

контракту, которое перевешивает бонусы долгосрочной занятости у одного работодателя».

Таким образом, фриланс для молодых специалистов выступает не временной мерой, а осознанной долгосрочной или гибридной профессиональной стратегией, отражающей новые стандарты трудового поведения.

Список литературы

^{1.} Гимпельсон, В.Е. Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Журнал Новой экономической ассоциации. - 2015. - № 2 (26). - С. 249-254.

^{2.} Стребков, Д.О. Фрилансеры на российском рынке труда / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук // Социологические исследования. - 2010. - № 2. - С. 45-55.

^{3.} Роцин, С.Ю. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / С.Ю. Роцин, М.Г. Гильдингерш; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. - 148 с.

ДАРЕНИЕ КАК ПРАГМАТИЗМ ИЛИ СИМВОЛИЧЕСКИЙ РИТУАЛ?

Е.А. Карандина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Общество потребления трансформирует базовые социальные ритуалы. Подарок, который классическая антропология определяла как бескорыстный жест, укрепляющий солидарность, всё чаще становится инструментом демонстративного потребления или объектом прагматичного обмена¹. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понять, как в условиях коммерциализации праздников и размывания традиционных норм сосуществуют альтруизм и расчёт.

Современные работы российских социологов подтверждают сложность и многогранность данного феномена. Так, исследование, проведенное в Краснодаре, показало, что эмоциональный компонент дарения преобладает над формальным². Социологи из Ижевска, в свою очередь, выявили, что 52,9% опрошенных категорически против передаривания, воспринимая его как неуважение к дарителю³. Оба исследования фиксируют ритуализацию дарения как процесса социального конструирования, где подарок выступает не просто вещью, а инструментом поддержания социальных и межличностных связей. Несмотря на имеющиеся работы прикладного характера, региональных социологических исследований, фиксирующих одновременное совмещение альтруизма и расчёта в практиках дарения, явно недостаточно.

Эмпирическую базу социологического исследования составил анкетный опрос жителей города Саратова, проведённый в 2025 году (N=200, квотная выборка по полу, возрасту и району проживания)⁴. Для более глубокого

понимания мотиваций и смыслов, вкладываемых в практики дарения, количественное исследование было подкреплено результатами качественного исследования⁵.

Итоговый результат проведенных исследований заключается в доказательстве рабочей гипотезы о двойственной природе дарения: современные дарители делятся на два типа - «прагматиков-стратегов» и «символистов-романтиков». Для первых подарок - это инструмент укрепления связей, демонстрации статуса или достижения выгоды. Для вторых - дар - это чистый жест внимания, где цена уступает место заботе и искренности.

Обратимся к эмпирическим данным опроса. Оказалось, что дарение носит преимущественно ритуализированный характер: 50,5% респондентов дарят подарки только по праздникам, а 28,5% - несколько раз в год. Доминирующим определением дарения выступает «проявление заботы и внимания» - такую трактовку выбрали 68,8% опрошенных. Однако здесь же фиксируется противоречие между установками и реальным поведением: 91,5% демонстрируют положительное отношение к денежным подаркам, при выборе презента 70% ориентируются на практическую пользу, а не на цену.

Факторный анализ выявил ключевой механизм, запускающий стратегическое поведение населения. Связь между восприятием статусной функции цены и требованием соответствия ожиданиям получателя характеризуется коэффициентом V Крамера = 0,3 при $p < 0,001$. То есть, чем сильнее человек убежден, что дорогой подарок говорит о статусе дарителя, тем настойчивее он требует попадания в ожидания одариваемого.

Если подарок - инструмент удовлетворения ожиданий, то неподходящий презент рационально передарить. Корреляционная связь между ориентацией на ожидания и толерантностью к передариванию (V Крамера = 0,2, $p = 0,002$) подтверждает эту логику.

Качественные данные из интервью детализируют этот вывод. Все информанты единогласно назвали абсолютным табу передаривание трёх категорий вещей: предметов с личной историей, сделанных вручную и семейных реликвий. Передаривание таких предметов расценивалось ими как «предательство доверия» и «разрыв живой нити». В то же время передаривание безличных, формальных или просто неподходящих подарков не только допускалось, но и приветствовалось. Таким образом, моральная оценка передаривания целиком зависит от символической ценности подарка.

Наиболее парадоксальный вывод касается эмоциональной уязвимости. Среди респондентов, требующих соответствия ожиданиям, негативные эмоции от подарков испытывали 47,4%. Среди тех, кто считает подарок личной инициативой, - только 19,7%. Ориентация на ожидания делает человека более уязвимым для разочарования.

Результаты интервью объясняют это статистическое распределение. «Символисты-романтики» действительно ценят сам жест и вложенную в него «душу», поэтому даже объективно неудачный выбор подарка не способен обесценить для них акт внимания и значимость отношений. «Прагматики-

стратеги» же, напротив, требуют точного попадания в ожидания получателя, и любое отклонение воспринимается ими как провал коммуникации.

Гендерные различия по данному вопросу показали следующие результаты. Прогнозный коэффициент лямбда составила 0,3 при $p < 0,001$, то есть знание пола респондентов позволяет предсказать их позицию относительно статусной функции цены подарка на 32% точнее, чем без этого знания. Женщины в 52,1% случаев полностью отрицают связь дороговизны и статуса, тогда как среди мужчин эта доля составляет лишь 21%. При этом 30,0% мужчин видят в дарении «залог добрых отношений» против 8,4% женщин. Гендер, таким образом, выступает ключевым фактором в культуре дарения: женщины в большинстве поддерживают модель эмоциональной связи, мужчин же можно отнести к модели инструментального обмена.

В заключении рассмотрим влияние семейного статуса респондентов на позицию дарения. Корреляционная связь между этими критериями выражена коэффициентом V Крамера = 0,3 при $p < 0,001$, то есть среди состоящих в браке лишь 16,4% считают подарок «личной инициативой». Среди разведённых эта доля возрастает до 76,5%, причём все разведенные респонденты отрицают тезис о статусной функции цены. Мы видим, что развод трансформирует стратегию дарения. Респонденты из «прагматиков-стратегов» переходят в «символистов-романтиков», акцентируя ценность искреннего жеста.

Проведённые исследования позволили не только зафиксировать, но и объяснить сосуществование двух стратегий дарения у саратовского населения: прагматичной и романтической. При этом передаривание как практика не является полностью отвергнутой. Выбор стратегии дарения определяется полом, возрастом и, что особенно важно, жизненным опытом индивида, способным полностью трансформировать его установки от прагматизма к романтизму.

Список литературы

1. Ильин В.И. Поведение потребителей. Подарок как социальный феномен. СПб.: Питер, 2000, 223 с.
2. Передерий В.А., Волошина О.А. Социально-психологические особенности феномена дарения в студенческой среде // Теория и практика общественного развития. 2022. №12 (178).
3. Борисова О.А. Ритуализация дарения как процесс социального конструирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. №3.
4. Регион глазами студентов: Межвузовский сборник научных работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. Саратов, 2025. Вып. 25. С. 54.
5. Авторское исследование проведено зимой 2026 года в городе Саратове, методом глубинного полуструктурированного интервью, опрошено 5 информантов, представителей различных поколений по целевой выборке.

ОНЛАЙН-ИГРЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПОДРОСТКОВ

Е.А. Карнаух

Саратовский государственный университета имени Н.Г. Чернышевского

В современном цифровом обществе онлайн-игры для подростков стали не только развлечением, но и важным пространством общения, совместной деятельности и освоения социальных ролей, поэтому их можно рассматривать как значимый ресурс развития личности.

Актуальность темы связана с подростковым возрастом - периодом формирования идентичности, расширения круга общения и поиска своего места среди сверстников. В этих условиях онлайн-игры выступают цифровой площадкой, где подростки учатся взаимодействовать, договариваться, координировать действия и выстраивать отношения.

Особая ценность игровых сред заключается в естественности общения: взаимодействие строится вокруг общей цели - победы, прохождения миссии или защиты команды. Благодаря этому коммуникация становится эмоционально насыщенной и лично значимой.

В рамках исследования онлайн-игры рассматривались как интерактивная цифровая среда, где постоянное сетевое взаимодействие особенно ярко проявляется в жанрах RPG, MOBA, шутерах и стратегиях, требующих командной работы. В процессе игры у подростков развиваются ключевые коммуникативные навыки: координация действий, быстрое принятие решений, разрешение конфликтов, аргументация, компромисс и эмоциональный контроль. Кроме того, участие в командах, кланах и гильдиях помогает формировать устойчивые социальные связи, осваивать роли лидера, исполнителя или посредника и развивать коммуникативную гибкость.

Исследование проводилось методом интернет-опроса с 15 февраля по 10 марта 2025 года. Объём выборки составил 117 подростков в возрасте от 12 до 17 лет, средний возраст - 15,6 лет, среди которых преобладали юноши (69,2%) по сравнению с девушками (30,8%), а география участников охватывала ряд регионов России с явным доминированием Саратовской области (53%), при меньшей представленности Краснодарского края (14,5%), Московской области (6,8%) и других субъектов, что указывает на регионально разнообразную, но преимущественно саратовскую выборку.

С точки зрения включённости в игровую среду цифры особенно показательны: 97,4% респондентов регулярно играют в видеоигры. При этом 41,8% делают это практически ежедневно, а ещё 38,5% - несколько раз в неделю. То есть более 80% подростков находятся в постоянном игровом взаимодействии, а значит, регулярно включены в коммуникативные практики внутри цифровой среды.

Жанровая структура также напрямую связана с коммуникацией. Наиболее популярны шутеры - 53,8%, MOBA - 47% и RPG - 44,4%. Все эти жанры

предполагают распределение ролей, координацию действий и постоянный обмен информацией между игроками.

Особенно ценными стали результаты статистического анализа связей.

Во-первых, была выявлена статистически значимая связь между предпочтением RPG и игрой с одноклассниками: $\chi^2 = 5,457$ при $p = 0,019$, $\phi = 0,233$. Среди подростков, предпочитающих RPG, 63,5% играют с одноклассниками, тогда как среди не играющих в RPG таких только 40,0%. Это очень важный результат: игра становится продолжением школьной коммуникации и укрепляет уже существующие связи.

Во-вторых, обнаружена связь между RPG и совместной игрой с членами семьи: $\chi^2 = 4,081$; $p = 0,043$; $\phi = 0,209$. Среди игроков в RPG 26,9% играют с семьёй, тогда как среди остальных - только 10,8%. То есть RPG способствует не только подростковому, но и семейному взаимодействию.

Ещё более выразительные результаты были получены по жанру шутеров. Связь между предпочтением шутеров и игрой с семьёй оказалась статистически значимой: $\chi^2 = 6,296$; $p = 0,012$; $\phi = 0,254$. Среди любителей шутеров 27,0% играют с членами семьи, тогда как среди остальных этот показатель составляет лишь 7,4%.

Также важно, что подростки, предпочитающие шутеры, реже играют в одиночку. Среди них только 7,9% выбирают одиночный формат, тогда как среди не предпочитающих - 22,2%. Хотя значение $p = 0,055$ находится на уровне статистической тенденции, сам результат хорошо показывает выраженную ориентацию на совместное взаимодействие.

Таким образом, результаты статистического анализа показывают, что предпочтение отдельных игровых жанров связано с более выраженной ориентацией подростков на совместные формы взаимодействия, что подтверждает потенциал онлайн-игр как ресурса развития коммуникативных навыков в среде сверстников и семьи.

Не менее важными являются связи между жанровыми предпочтениями и субъективной оценкой последствий и мотивов игры.

Так, между предпочтением MOBA и восприятием агрессии как последствия участия в играх была выявлена статистически значимая связь слабой силы: $\chi^2 = 4,299$; $p = 0,038$; $\phi = 0,215$. Агрессию как следствие игрового опыта отмечали 23,6% игроков в MOBA, тогда как среди не играющих в этот жанр - только 8,1%. Этот результат особенно важен для научной дискуссии, поскольку показывает амбивалентность влияния игр: коммуникативный потенциал сочетается с повышенной соревновательной напряжённостью.

При этом анализ мотивационного блока показал и выраженный позитивный социальный эффект шутеров. Подростки, предпочитающие шутеры, чаще воспринимают игры как возможность провести время с друзьями и близкими: 42,9% против 24,1% среди остальных. Несмотря на то, что по поправке Йейтса значение $p = 0,052$ находится на границе статистической значимости, сама тенденция выглядит очень содержательно и хорошо дополняет вывод о развитии коммуникативных навыков.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что онлайн-игры обладают значительным потенциалом развития коммуникативных навыков подростков. Они формируют навыки сотрудничества, способствуют развитию командного взаимодействия, укрепляют связи со сверстниками, поддерживают семейное общение и создают условия для освоения социальных ролей.

Важно не противопоставлять игровое и реальное общение, а рассматривать онлайн-игры как дополнительное пространство социализации, в котором подростки получают востребованный в современной цифровой среде опыт коммуникации.

Практическая значимость этой темы заключается в том, что результаты могут быть использованы в педагогике, социальной работе и психолого-профилактических программах. Вместо запретительной стратегии гораздо продуктивнее использовать игровые форматы как инструмент развития ключевых навыков, прежде всего навыков общения, кооперации и лидерства.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

П.И. Каткова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Государственное управление в сфере образования Саратовской области представляет собой комплексную деятельность региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления по организации работы образовательной сети. Главная цель - минимизировать разрыв в качестве образовательных услуг между областным центром и отдаленными районами. В условиях динамичного рынка труда региона, ориентированного на промышленный сектор и АПК, управление решает две задачи: синхронизацию программ обучения с потребностями экономики области и обеспечение физической доступности образования для жителей малых сел. В регионе эти вопросы курируются Министерством образования Саратовской области в тесном взаимодействии с федеральными структурами.

Основу регионального регулирования составляет не только Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (ред. от 23.05.2025)¹, но и Закон Саратовской области «Об образовании», который учитывает этнокультурные и социально-экономические особенности области. Управление строится на принципах государственно-общественного характера: в области активно функционируют Советы ректоров вузов, региональное родительское собрание и Общественный совет при министерстве образования. Это позволяет адаптировать федеральные нормы под локальные запросы, обеспечивая баланс между государственным контролем и автономией образовательных организаций.

Важным инструментом управления стало внедрение региональной системы оценки качества образования (РСОКО). В рамках борьбы с «бюрократической нагрузкой» в области реализуются меры по цифровизации отчетности педагогов. Особое внимание уделяется связи «школа - вуз - предприятие», что крайне актуально для промышленного кластера Саратова и Балаково, где выпускники должны быть готовы к работе на высокотехнологичных производствах без долгого периода переобучения².

Специфика Саратовской области - большая протяженность и наличие труднодоступных населенных пунктов - делает вопрос доступности приоритетным. Решением стало развитие цифровой образовательной среды (ЦОС). Благодаря внедрению платформы «Моя школа» и оснащению сельских школ высокоскоростным интернетом, ученики из Перелюбского или Александрово-Гайского районов получили доступ к лекциям ведущих педагогов из СГУ и СГТУ. Однако региональная стратегия управления подчеркивает: «цифра» - это лишь инструмент, а основой остается кадровый потенциал, для поддержки которого в области реализуется программа «Земский учитель»³.

Одной из ключевых проблем управления остается неравномерность бюджетной обеспеченности районов. Для её решения в регионе применяется механизм субсидирования материально-технической базы муниципальных школ. Укрепление межуровневого взаимодействия позволяет оперативно решать вопросы капитального ремонта и кадрового дефицита, особенно в сельской местности [4].

Решающее значение для трансформации системы имела реализация национального проекта «Образование» на территории Саратовской области. В период 2019–2024 гг. в регионе были достигнуты значимые показатели:

- Открыты десятки новых школ в Саратове, Энгельсе и районах области, что позволило к 2025 году снизить долю обучающихся во вторую смену на 4,3%.

- Создана сеть центров образования естественно-научной и технологической направленностей «Точка роста» (охватившая практически все сельские школы региона).

- Активно развиваются площадки «IT-куб» и детские технопарки «Кванториум» (включая мобильные версии для работы в районах).

- Модернизирована база колледжей и техникумов в рамках проекта «Профессионалитет», который стал визитной карточкой регионального управления в сфере СПО.

Интеграция этих инициатив в Стратегию развития региональной сети образовательных организаций Саратовской области до 2028 года позволила по итогам 2025 года выполнить ключевые целевые показатели по охвату детей дополнительным образованием и обновлению учебного оборудования⁵.

Несмотря на успехи, для Саратовской области остаются актуальными проблемы «старения» педагогических кадров в селах и необходимость дальнейшей модернизации инфраструктуры старых городских школ. Для решения этих задач регион делает ставку на независимую оценку качества и

развитие системы целевого обучения. Особый акцент в управлении сделан на патриотическом воспитании (достигнут 100% охват через систему внеурочных занятий) и поддержке талантливой молодежи через центр «Галактика 64», созданный по модели «Сириуса».

Государственное управление образованием в Саратовской области эволюционирует в сторону большей гибкости и адресности. Сочетание федеральных стандартов с эффективным использованием региональных ресурсов и цифровых технологий позволяет обеспечивать высокое качество знаний и равные стартовые возможности для всех жителей региона, независимо от географии их проживания.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (ред. от 23.05.2025). // Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г., N 53, ст. 7598 (*Часть I*).

2. Закон Саратовской области от 28.11.2013 N 215-ЗСО "Об образовании в Саратовской области" (с изменениями на 2025 г.). // СЗ Саратовской области от 7.12.2013 г., N 50

3. *Хрусталева Н.В.* Современные подходы к управлению образованием в условиях цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 2. URL: <https://sciup.org/sovremennye-podhody-k-upravleniju-obrazovaniem-v-uslovijah-cifrovoj-jekonomiki-142237047>

4. *Резер Т.М., Ольшевская Т.Ю.* Государственное управление качеством образования: учебное пособие // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург 2019. – С 110- 113. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78956/1/978-5-7996-2669-3_2019.pdf

5. Отчеты Министерства образования Саратовской области о реализации национального проекта «Образование» и итогах социально-экономического развития региона за 2024–2025 гг. URL: <http://minobr.saratov.gov.ru/analytics/>.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ

А.А. Кошелев, Е.С. Кирякина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Проектная деятельность является ключевым инструментом для реализации и развития молодёжных проектов, играя важную роль в привлечении ресурсов, формировании команд и развитии навыков у молодёжи. Она обеспечивает доступ к финансированию и экспертам, способствует сплочению команды вокруг общих целей, развивает навыки планирования, управления и коммуникации, востребованные на рынке труда.

В сфере молодёжного предпринимательства в регионах, в том числе в Саратовской области, реализация проектов сопряжена с рядом характерных проблем и вызовов, обусловленных особенностями социально-экономической

ситуации и инфраструктуры. Несмотря на это, предпринимательские инициативы молодёжи обладают значительным потенциалом для развития и реализации в наиболее актуальных для молодёжи направлениях, способствуя не только личностной самореализации, но и экономическому развитию региона.

Обращение к статистическим данным и официальным источникам позволяет зафиксировать положительную динамику развития сектора малого и среднего предпринимательства в Саратовской области. Согласно анализу отчетных материалов, по состоянию на 2024 год в регионе было зарегистрировано около 76 000 субъектов предпринимательской деятельности, из которых примерно 18 000 (23,7%) относились к категории молодежного предпринимательства¹. К декабрю 2025 года, по данным мониторинга Министерства экономического развития области, общее количество зарегистрированных субъектов МСП достигло 80,1 тысячи, продемонстрировав прирост в 3% в годовом сопоставлении².

Приведенные данные позволяют сделать ряд выводов, значимых в контексте данной работы. Во-первых, устойчивый рост численности предпринимательских субъектов свидетельствует о сохранении инвестиционной и деловой активности в регионе, несмотря на макроэкономические колебания. Во-вторых, высокая доля молодежи в структуре предпринимательства (практически каждый четвертый субъект) подтверждает тезис о готовности молодого поколения к самостоятельной экономической деятельности и реализации проектных инициатив.

Проведенный анализ существующей системы государственной поддержки показал, что государственная поддержка в настоящее время приобретает комплексный и цифровой характер, формируя инфраструктурную среду для проектного развития. Ярким примером является запущенная в феврале 2023 года единая цифровая платформа «МСП», которая консолидирует сервисы различных ведомств, банков и фондов. Данная платформа значительно упрощает процессы открытия бизнеса, предоставляет структурированный доступ к информации о мерах поддержки, обеспечивает консультационную помощь и стимулирует сбыт через агрегатор торговых площадок³.

В Саратовской области в полном объеме реализуются меры государственной поддержки в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», доступные для молодых предпринимателей. Ключевым финансовым инструментом выступают гранты от 100 до 500 тысяч рублей, предоставляемые на создание или развитие бизнеса. Важным элементом инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства выступает Бизнес-инкубатор Саратовской области, который предоставляет резидентам доступ к льготной аренде офисных и производственных помещений, что позволяет начинающим предпринимателям минимизировать стартовые издержки⁴.

Наиболее востребованной точкой входа в данную экосистему в регионе является центр поддержки предпринимательства «Мой бизнес». Этот центр, являясь подразделением регионального бизнес-инкубатора, фокусируется на проектном сопровождении через бесплатное обучение и консультирование, что

соответствует потребностям начинающих предпринимателей в получении практических знаний для реализации своих замыслов.

Для развития сообщества начинающих предпринимателей и формирования горизонтальных связей между опытными и начинающими предпринимателями при участии Ассоциации молодых предпринимателей Саратовской области и регионального отделения Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых» в регионе реализуется акселератор «Мой Первый Бизнес» для обучающихся в школах в возрасте от 14 до 17 лет.

Обобщая вышесказанное, можно выделить три основных вектора государственной поддержки, значимых для молодёжной проектной деятельности: финансирование, цифровая инфраструктура и образовательно-консультационное сопровождение.

Результаты конкурса «Росмолодёжь. Гранты – 2025» подтверждают устойчивую активность саратовских авторов: 18 проектов получили финансирование на сумму свыше 10 млн рублей. Среди поддержанных инициатив - всероссийский образовательный проект для родителей юных шахматистов, ориентированный на развитие психолого-педагогических компетенций; спортивный проект, направленный на формирование устойчивого комьюнити через организацию регулярных тренировок и соревнований; а также обучающая программа по основам проектной деятельности, охватывающая полный цикл реализации инициатив - от генерации идеи до управления ресурсами. Эти кейсы подтверждают системное значение молодёжных НКО для развития региональной предпринимательской среды⁵.

Анализ успешных предпринимательских проектов, получивших поддержку Центра «Мой бизнес», позволяет выделить ключевые факторы, обеспечивающие эффективность грантовых механизмов в развитии молодёжного предпринимательства в регионе. Исследование проектов получателей поддержки демонстрирует, что успешность предпринимательских инициатив определяется наличием у основателя профильной экспертизы, способностью использовать грантовые средства как инструмент системного развития, а также активным взаимодействием с инфраструктурой поддержки.

Данные выводы находят свое подтверждение и дополнение в результатах качественного исследования, проведенного в рамках дипломной работы «Проектная деятельность современной молодёжной организации: региональный аспект». В ходе исследования было проведено интервью с 5 членами молодёжных объединений, имеющих опыт реализации собственных проектов в сфере молодёжной политики.

Результаты интервью показали: ключевые критерии успеха проекта - количественные и качественные показатели, качество заявки, стабильное финансирование, вовлечённость аудитории, устойчивость после гранта и сбор обратной связи. Устойчивость и масштабирование держатся на чётких целях, вовлечённости аудитории, управлении командой, адаптивности, рыночной

актуальности и долгосрочной стратегии. Усиливают влияние: решение проблем аудитории, партнёрства, соучастие молодёжи, медиа и геймификация.

Успех проекта в целом и предпринимательского в частности определяется качеством управления, ориентацией на аудиторию и гибкостью. Ресурсная база - не только деньги, но и инфраструктура, компетенции, партнёрства, менторство, обучение. При высокой проектной активности в регионе сохраняется дефицит поддержки. Барьеры типичны: ресурсные, компетентностные, информационные, психологические. Решение - экосистема, объединяющая образование, инфраструктуру, финансы и наставников.

Таким образом, предпринимательское направление в молодежной проектной деятельности Саратовской области, как и во многих других регионах России, сталкивается со схожими барьерами: ресурсными, компетентностными, информационными и психологическими. Ключом к повышению эффективности является переход от разрозненных мер поддержки к формированию целостной экосистемы, интегрирующей образование, инфраструктуру, финансирование и сообщество наставников.

Список литературы

1. Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2024 года / Правительство Саратовской области, Министерство экономического развития Саратовской области. – Саратов, 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/RP/Doklad_2024.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

2. В Саратовской области зарегистрировали уже более 80 тысяч предпринимателей // национальныепроекты.рф [Электронный ресурс]. – URL: <https://национальныепроекты.рф/news/v-saratovskoy-oblasti-zaregistrovali-uzhe-bolee-80-tysyach-predprinimateley/> (дата обращения: 11.02.2026).

3. О развитии платформы и интеграции региональных мер поддержки // Корпорация МСП. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.corpmsp.ru/pres_slujba/news/andrey_belousov_obsudil_s_regionami_razmeshchenie_federalnykh_mer_podderzhki_na_tsifrovoy_platforme/ (дата обращения: 14.02.2026).

4. Поддержка молодых предпринимателей: получите грант до 500 тысяч рублей // Министерство сельского хозяйства Саратовской. [Электронный ресурс]. – URL: https://minagro.saratov.gov.ru/development/index.php?ELEMENT_ID=13154 (дата обращения: 14.02.2026).

5. Подведены итоги грантового конкурса для физических лиц – 2025 // Росмолодёжь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fadm.gov.ru/news/podvedeny-itogi-grantovogo-konkursa-dlya-fizicheskikh-lits-2025/> (дата обращения: 14.02.2026).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ: ПРОБЛЕМА ДОСТУПНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

В.А. Кнестяпина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Проблема низкой рождаемости остаётся ключевым вызовом демографической безопасности России: несмотря на меры господдержки с 2007 года, их эффект оказался временным, а число рождений продолжает снижаться. На наш взгляд, эффективность демографической политики зависит от соответствия инструментов реальным ожиданиям семей, что обуславливает актуальность изучения общественного мнения о мерах поддержки как факторе репродуктивного поведения.

Представленные данные опираются на результаты авторского опроса, проведенного в январе-марте 2026 г., в котором приняли участие 100 респондентов. Эмпирическую базу исследования составила целевая стратифицированная выборка, в которую вошли жители Саратова в возрасте 20-45 лет, имеющие детей. Выбор данных критериев обусловлен предметом исследования: данный возраст охватывает период активного родительства и трудовой занятости, а наличие детей напрямую определяет потребность в социальной поддержке. В опросе участвовали как мужчины, так и женщины, что являлось необходимым для повышения репрезентативности.

Выборочная совокупность представлена преимущественно женщинами (74,7%). Средний возраст респондентов - 34,5 года. Почти половина из них имеют высшее образование (49,5%). В официальном браке состоят 84,6% саратовцев, принявших участие в опросе. 49,5% опрошенных работают полный день, 14,3% находятся в декрете. Более трети опрошенных имеют средний доход более 90 тыс. рублей в месяц (38,5%), 37,4% – 60-90 тыс. рублей, 19,8% семей имеют 30-60 тыс. руб. Собственное жильё имеют 72,5%; средняя удовлетворённость жилищными условиями - 5,8 балла из 7.

Более половины семей, а именно 57,1% знают о программах поддержки. Однако каждый седьмой респондент (14,3%) испытывает нехватку информации, а 28,6% затруднились ответить. Из этого следует, что большинство людей имеет общее представление о помощи, но значительной части сложно найти полные и понятные сведения. Необходимо улучшать информирование граждан.

В момент получения услуг 60,4% респондентов столкнулись с трудностями при получении помощи, в то время как 39,6% не испытали никаких проблем. Более половины людей сталкиваются с барьерами, что говорит о несовершенстве административных процедур. Основными трудностями получения услуг у респондентов являются: очереди и долгое ожидание – 39,6%, некомпетентность или невнимательность сотрудников – 30,8%, задержки выплат – 14,3%. Судя по результатам, необходимо упростить процедуры получения услуг и повысить квалификацию сотрудников.

Самой популярной мерой поддержки среди опрошенных стал материнский капитал – им воспользовались 63,7%. Почти половина респондентов (48,4%) получали единовременные выплаты, а пособия до 1,5 лет оформляли 35,2% участников опроса. При этом программы, требующие более сложного оформления или соответствия дополнительным условиям, оказались менее востребованными, например льготной ипотекой воспользовались 12,1%, региональными выплатами лишь 6,6%.

Влияние господдержки на бюджет семьи оценено респондентами на 3,7 из 5 баллов. Большинство респондентов (62%) считают меры полезными, 26% отмечают в них недостатки, 12% считают неэффективными. Для 34% семей (преимущественно многодетных) эта помощь составляет существенную часть дохода. Таким образом, поддержка работает как «подушка безопасности», но не решает проблему бедности кардинально. Влияние господдержки на снижение стресса оценено на 3,2 из 5 баллов, уверенность в будущем на 3,4. Справедливость системы господдержки оценена на 4,6 из 7 баллов, то есть 52% респондентов считают ее справедливой. Меры оказывают умеренное позитивное влияние на эмоциональное состояние, но доверие к системе требует укрепления. Слабый стимул просматривается в ответах респондентов на влияние господдержки о решении рождения следующего ребенка – 2,9 баллов из 5. Существующие меры помогают семьям «здесь и сейчас», но не создают уверенности в будущем, необходимой для принятия решения о рождении ещё одного ребёнка. В вопросе о планах на рождение 38,5% ответили «точно нет», в то время как совокупность ответов с позитивными намерениями составляет всего 40%. Текущие меры поддержки не формируют устойчивой мотивации к расширению семьи. Репродуктивные планы большинства респондентов остаются неопределёнными или негативными. Главными препятствия для рождения детей являются низкий доход (34,9%), сложности совмещения работы и ухода (31,7%), отсутствие жилья (28,6%). Разовые выплаты не устраняют коренные причины, сдерживающие рождаемость. Стимулы зеркальны: улучшение материального положения (36,3%), жилищных условий (31,9%), расширение поддержки (29,7%). Пока эти потребности не закрыты, господдержка будет слабо влиять на решение о рождении следующего ребёнка.

Государственная поддержка семей, по мнению жителей г. Саратова, эффективно помогает в решении финансовых проблем, но слабо влияет на репродуктивные планы. Большинство семей знают о мерах поддержки, но часть испытывает трудности с поиском информации о ней. При оформлении помощи многие сталкиваются с различными барьерами. Финансовая помощь оценивается положительно, но ее влияние на эмоциональное состояние и уверенность в будущем – умеренное. Влияние господдержки на решение о рождении следующего ребёнка оказалось минимальным. Главными препятствиями являются: низкий доход, сложности совмещения работы и ухода, жилищный вопрос. Для роста рождаемости важно сместить акцент с разовых выплат на системную поддержку: упрощение процедур, улучшение качества услуг и решение ключевых проблем – дохода, жилья и баланса работы с семьей.

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЁЖИ МАЛОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Р. П. НОВЫЕ БУРАСЫ)

В.С. Кобзева

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В условиях устойчивого оттока населения из малых городов России миграционные настроения молодёжи становятся критическим фактором социально-экономического развития территорий. Ограниченный рынок труда, низкая заработная плата и слабая инфраструктура формируют у молодых людей ощущение бесперспективности. Общерегionalная статистика подтверждает неустойчивость миграционных процессов в Саратовской области: по данным Саратовстата, по итогам 2023 года миграционная убыль составила 2 983 человека (прибыло 48 870, выбыло 51 853), тогда как в январе–ноябре 2024 года зафиксирован миграционный прирост в 2 255 человек (прибыло 44 978, выбыло 42 723). Несмотря на временное улучшение, общий фон свидетельствует о сохранении высоких рисков оттока, особенно среди молодёжи. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью количественной оценки миграционного потенциала молодёжи конкретного малого населённого пункта и выявления причин, побуждающих её покинуть малую родину.

Для описания проблемного поля будут рассмотрены две задачи: выявление миграционных планов молодёжи, проживающей в малом населённом пункте, и определение причин миграции молодёжи из малого города.

Для решения данных задач обратимся к результатам авторского исследования, проведённого в период с января по март 2026 года, в ходе которого было опрошено 116 респондентов - молодёжь рабочего посёлка Новые Бурасы в возрасте 15-34 лет. Выборка квотная, сбалансирована по полу (48% мужчин, 52% женщин) и возрасту пропорционально генеральной совокупности (1403 человека). Средний возраст респондентов - 22,4 года. Большинство не состоят в браке (87%) и не имеют детей (93%), 57% - учащиеся, 62% проживают с родителями. Личный доход 48% опрошенных не превышает 15 000 руб., что типично для молодёжной группы риска оттока.

Анализ миграционных планов показал, что 57% респондентов планируют переезд в ближайшие 1-3 года, причём подавляющее большинство из них (77% от определившихся) нацелены на крупный город (Саратов, Москву, Санкт-Петербург). Лишь 11% твёрдо намерены остаться в Новых Бурасах. Дополнительно 47% опрошенных сообщили, что их друзья и знакомые тоже собираются уехать, а 33% указали, что из их окружения уже переехали 3-5 человек, преимущественно в Саратов (84% от назвавших направления). Таким образом, миграционный потенциал молодёжи посёлка оценивается как высокий, причём индивидуальные планы подкрепляются массовым оттоком социального окружения.

Определение причин миграции проводилось через прямой вопрос о барьерах, мешающих молодёжи оставаться. Ведущими факторами выступают «Низкая заработная плата» (63%) и «Недостаток рабочих мест» (61%). Почти столь же значимо «Отсутствие перспектив для карьерного роста» (56%). Далее следуют «Ограниченные возможности для образования» (45%) и «Недостаток культурных и развлекательных мероприятий» (44%). В целом результаты свидетельствуют о том, что именно сочетание экономических и инфраструктурных ограничений формирует у молодёжи установку на отъезд.

Анализ критериев выбора места жительства подтверждает эти дефициты: 52% респондентов считают важнейшим критерием «Возможность трудоустроиться на высокооплачиваемую работу», 44% - «Возможность выучиться на интересующую профессию». Это особенно важно в контексте материального положения опрошенных: среди планирующих переезд 68% имеют доход до 15 000 руб., тогда как среди тех, кто собирается остаться, заметно выше доля респондентов с доходом свыше 30 000 руб. Таким образом, миграционные намерения тесно связаны с уровнем материальной обеспеченности и оценкой собственных перспектив в малом городе.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о высоком миграционном потенциале молодёжи рабочего посёлка Новые Бурасы. Более половины респондентов уже ориентированы на переезд в крупные города в ближайшие 1-3 года, а их решения обусловлены прежде всего низкой оплатой труда, нехваткой рабочих мест и отсутствием карьерных перспектив. Социокультурные дефициты усиливают это стремление, но не являются основными причинами оттока. Следовательно, для удержания молодёжи необходимы меры, направленные на расширение занятости, повышение уровня доходов и создание понятных профессиональных траекторий внутри малого города.

Список литературы

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Миграция населения Саратовской области в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: https://64.rosstat.gov.ru/new_srtvstat/document/223763 (дата обращения: 13.04.2026).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Демография [Электронный ресурс]. - URL: <https://64.rosstat.gov.ru/dem> (дата обращения: 13.04.2026).

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

Е.А. Команицкая

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью российского общества в квалифицированных социальных работниках: ежегодно число граждан, нуждающихся в социальной поддержке, увеличивается. При этом профессия остаётся низкооплачиваемой, а её престиж среди молодёжи - невысоким. В таких условиях понимание механизмов профессионального выбора и отношения студентов к будущей работе становится критически важным для насыщения социальной сферы кадрами.

В фокусе исследовательского внимания оказались две ключевые задачи: выявление причин выбора абитуриентами направления «Социальная работа», анализ отношения студентов к данной профессии, а также выявление будущих трудовых планов студентов, касающихся работы по профессии «Социальная работа».

Для решения поставленных задач были проанализированы результаты авторского исследования, проведённого с января по март 2026 года, охватившего 100 респондентов, отобранных по целевой выборке, критериями которой были: студенты очного отделения и обучения по направлению «Социальная работа».

Выборочную совокупность исследования составили 100 студентов направления «Социальная работа». Среди респондентов преобладают женщины (57%), средний возраст - 19 лет. Большинство обучаются в Саратове, 46% приехали в город для обучения. 73% учатся на бюджетной основе, основную часть составляют студенты 1–4 курсов. Уровень религиозности умеренный, среднедушевой доход семьи большинства (24%) - от 75 001 до 90 000 руб. Таким образом, выборка представляет собой группу молодых женщин-студенток старших курсов бюджетной формы обучения из крупных городов с высоким достатком.

Среди мотивов поступления наиболее значимой причиной оказалась «возможность бесплатного обучения» (44%). На втором месте - «личные установки, ценности» (41%), на третьем - «совет родителей, друзей» (39%), на четвёртом – «хорошие перспективы трудоустройства» (30%), на пятом – «возможность получить высшее образование» (27%), на шестом – «семейная традиция» (22%). Седьмую позицию разделили варианты «возможность заочного обучения» (20%) и «низкий конкурс на поступление» (20%).

Таким образом, мотивация поступления среди абитуриентов носит смешанный характер: прагматичный мотив (бесплатное обучение) сочетается с внутренними ценностными установками и влиянием окружения. Выбор будущей профессии не является чисто альтруистическим — студенты ориентируются на доступность образования, но сохраняют ценностное

отношение к социальной работе, что в перспективе создаёт основу для профессионального развития при поддержке вуза и государства.

После, респондентам предлагалось оценить статус социального работника в обществе. Распределение ответов по порядку шкалы выглядит следующим образом: «очень высокий» статус профессии отметили 10% респондентов, «высокий» - 37%, «средний» - 34%, «низкий» - 13%, «очень низкий» - 4%. Таким образом, суммарно 47% студентов оценивают статус профессии как очень высокий или высокий. Студенты оценивают статус профессии скорее позитивно - почти половина считает его средним или высоким. Крайне негативные оценки редки. Таким образом в восприятии учащихся профессия социального работника обладает достойным общественным положением, что создаёт благоприятную основу для профессиональной самоидентификации.

На вопрос о намерении работать по специальности «Социальная работа» положительный ответ «Да, собираюсь» дали 51% опрошенных, а отрицательный ответ «Нет, не собираюсь» - 42%. Таким образом, лишь половина студентов собирается строить карьеру в сфере социальных услуг, что трудно оценить однозначно. С одной стороны, это говорит о наличии профессиональной мотивации у большинства. С другой стороны, 42% не планируют работать по специальности, что может указывать на разочарование в профессии, низкую оплату труда или случайный выбор направления.

Среди тех, кто планирует работать по специальности, наиболее популярный вариант - продолжение образования (магистратура, курсы повышения квалификации) (33%), далее следует работа в государственных учреждениях (32%) и работа в некоммерческих организациях (27%). Лишь 17% рассматривают открытие собственного бизнеса в социальной сфере. Наиболее популярные траектории - дальнейшее обучение и работа в государственных учреждениях. Другими словами, студенты ориентированы на традиционные институциональные формы занятости и повышение квалификации, что говорит о стремлении к профессиональному развитию в рамках системы, а не вне её.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что мотивы поступления смешанные: прагматизм (бюджет) дополняется ценностными установками и влиянием окружения. Профессия выбирается не только по зову сердца, но и с оглядкой на доступность обучения, однако ценностное отношение к социальной работе сохраняется. В целом студенты положительно оценивают статус социального работника в обществе. Наибольшая доля опрошенных считают его высоким. Около половины респондентов планируют работать по специальности, преимущественно в государственных учреждениях или через продолжение образования.

ВИРТУАЛЬНЫЕ РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

И.С. Кочегин

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В условиях цифровизации современного общества виртуальные романтические отношения становятся распространённой формой межличностного взаимодействия. Развитие интернет-технологий и социальных платформ трансформирует традиционные модели знакомства, что делает изучение данного феномена актуальным.

Виртуальные знакомства представляют собой форму коммуникации, осуществляемую через интернет-платформы, включая социальные сети и специализированные приложения¹. Их ключевыми особенностями являются анонимность, возможность самопрезентации и расширение круга общения. В отличие от традиционных взаимодействий, они не предполагают обязательного физического контакта, что влияет на формирование эмоциональной связи.

Теоретическое осмысление виртуальных отношений осуществляется в рамках различных подходов. Согласно теории социального обмена, индивиды оценивают отношения с точки зрения выгод и затрат². Теория социальной идентичности подчёркивает стремление к взаимодействию с людьми схожих ценностей³, а теория привязанности объясняет особенности поведения пользователей в зависимости от их психологических установок⁴. Дополнительно, теория компьютерно-опосредованной коммуникации указывает на усиление межличностных связей в онлайн-среде за счёт избирательной самопрезентации⁶.

Несмотря на преимущества, виртуальные знакомства имеют противоречивый характер. С одной стороны, они расширяют социальные связи и упрощают поиск партнёра. С другой - создают риски, связанные с анонимностью, недоверием и сложностями перехода к реальному взаимодействию⁵.

С целью изучения восприятия виртуальных отношений было проведено авторское социологическое исследование среди студентов (n=102). Результаты показали, что 89,2% респондентов определяют виртуальные отношения как взаимодействие без физического контакта. При этом 68,6% рассматривают их как альтернативу реальным отношениям и столько же - как этап, предшествующий им.

Отношение к виртуальным отношениям носит двойственный характер: 77,5% считают их нормой современного общества, однако 71,6% указывают на их потенциальную опасность. Большинство респондентов (80,4%) имеют опыт подобных отношений, но лишь 11,8% состоят в них в настоящее время, что свидетельствует об их преимущественно эпизодическом характере.

Среди мотивов вступления в виртуальные отношения доминируют интерес и эксперимент (69,6%), лёгкость начала общения (64,7%) и поиск серьёзных отношений (59,8%). Это позволяет говорить о том, что виртуальные

отношения выполняют не только развлекательную, но и значимую социальную функцию.

Таким образом, виртуальные романтические отношения являются важным элементом современной социальной коммуникации. Они отражают трансформацию межличностных взаимодействий в условиях цифрового общества и требуют дальнейшего социологического осмысления.

Список литературы

1. Финкель Э. Дж., Иствик П. В., Карни Б. Р., Рейс Х. Т., Спригел С. Онлайн-знакомства: критический анализ с точки зрения психологической науки // *Psychological Science in the Public Interest*. 2012.
2. Тибо Дж., Келли Х. Социальная психология групп. М., 1959.
3. Таджфел Х., Тёрнер Дж. Социальная идентичность и межгрупповые отношения. М., 1979.
4. Боулби Дж. Привязанность и утрата. М., 1969.
5. Петрова А. Онлайн-знакомства: возможности и риски. М., 2021.
6. Уолтер Дж. Б. Компьютерно-опосредованная коммуникация: межличностные процессы // *Communication Research*. 1996.
7. Розенфельд М. Дж., Томас Р. Дж. Поиск партнёра: рост интернет-знакомств // *American Sociological Review*. 2012.
8. Смит А., Дагган М. Онлайн-знакомства и отношения // *Pew Research Center*. 2013.
9. Туркле Ш. Жизнь на экране: идентичность в эпоху Интернета. М., 1995.
10. МакКенна К., Барг Дж. Социальные взаимодействия в интернете // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000.

ВОСПРИЯТИЕ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

П.А. Кошелева

МАОУ «Лицей №36», г. Саратов

В современном мире большую значимость для достижения успеха играет реклама. Основная цель рекламы - привлечь внимание потенциальных покупателей, чтобы сосредоточить внимание на рекламируемом продукте, пробудить внутри человека заинтересованность в товаре, тем самым подтолкнув его к покупке. Таким образом, вкладывая деньги в рекламу, производитель надеется на высокую эффективность и отдачу.

Наиболее эффективным видов рекламы является телевизионная реклама, так как она воздействует сразу на три канала восприятия у человека: на слуховой, подсознательный и зрительный канал. Телевизионная реклама является полезной в основном для тех, кто намерен создать своей фирме или ее продукту максимально широкую известность.

Телереклама может использоваться компаниями, которые, даже не занимаясь массовым обслуживанием, стремятся создать себе престиж. Сам факт появления рекламы на ТВ говорит о состоятельности, и после десятка прогонов в эфире он может рассчитывать на рост репутации, уважения

клиентов, пусть и не столь многочисленных. Данная тема является актуальной поскольку телевидение является одним из основных каналов рекламной коммуникации и может способствовать формированию ценностей современного молодого поколения.

2025 год знаменует собой поворотный момент для всей индустрии видеорекламы, включая телевизионную. Инновации, ранее казавшиеся фантастикой, теперь становятся стандартом, полностью меняя подход к созданию, распространению и измерению рекламных сообщений. Искусственного интеллекта (ИИ) в создании видеорекламы: Искусственный интеллект не просто дополняет традиционный продакшен, а становится его основной движущей силой. Возможность генерировать полноценные видеоролики по текстовому описанию радикально сокращает время и стоимость производства. Вместо месяцев съемок и постпродакшена, рекламодатель может получить несколько вариантов роликов за считанные дни или даже часы.

Технологии создания виртуальных ведущих и цифровых аватаров позволяют создавать гиперреалистичных персонажей, которые могут говорить на любом языке, не требуют гонораров и идеально вписываются в бренд-бук. Ожидается, что в 2026-2027 годах более 85% рекламного видео будет создаваться с участием ИИ, а появление еще более продвинутых моделей с лучшей консистентностью только усилит этот тренд.

Таким образом, выше обозначенные тренды свидетельствуют о том, что телевизионная реклама трансформируется очень активно, становясь более технологичной, интерактивной и персонализированной, чтобы эффективно конкурировать в динамичном медиаландшафте современного российского общества.

Проведенный авторский социологический опрос саратовской молодежи показал, что большинство респондентов проводит за просмотром телевизора менее 3-х часов в сутки, а то и меньше часа. Видимо это связано с многообразием интернета. В основном молодёжь пользуются интернет сайтами, где могут посмотреть любой фильм или любую программу. При этом 40% негативно относятся к телевизионной рекламе. Во время трансляции телерекламы респонденты испытывают такие эмоции, как недовольство (41,3%), огорчение (9,3%), гнев (7%) и безразличие (6,7%). Во время рекламы 32,3% опрошиваемых переключают канал, 35,2% выходят из комнаты и занимаются своими делами, и 3% перематывают ее вовсе.

Только 20% опрошиваемых просматривают рекламу до конца. 24% молодых саратовцев с удовольствием смотрят рекламу. Наиболее запоминающимся элементом является: музыкальное сопровождение, на втором месте сюжет, содержание. На третьем месте - актерская игра и графическое оформление. Голосовые данные актеров привлекают 10,1% опрошиваемых, и около 2% привлекает краткость рекламы.

29,6% молодежи не доверяют телерекламе. Несмотря на это, доля людей, совершающих покупки на основе увиденной рекламы, высока. Это свидетельствует о том, что декларируемое отрицательное отношение и

недоверие молодых саратовцев рекламе практически никак не сказываются на способности рекламы влиять на покупательское поведение населения. Реклама по-прежнему играет роль стимула к совершению покупок.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ В САРАТОВСКИХ СЕМЬЯХ

А.В. Курбатова

Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

Семья является основным социальным институтом, формирующим личность и стабильность общества. Взаимоотношения между родителями и детьми являются центральным элементом, благодаря которому можно определить эмоциональное, психологическое и социальное развитие ребенка. В современном мире, в условиях быстрых экономических и технологических изменений, эти отношения могут быть подвержены изменениям, что может вести к конфликтам и снижению воспитательного потенциала семьи.

Особый интерес представляет Саратовская область в изучении данной проблемы, где традиционные семейные ценности сталкиваются с урбанизацией, миграцией и кризисными явлениями.

Проблема взаимоотношений детей и родителей активно изучается социологами, начиная с работ М. Вебера и Э. Дюркгейма, которые рассматривали семью как интегрирующий институт. Российские исследователи (В.И. Добренков, Е.Д. Игитханян, Т.Б. Емельянова) анализировали семейные отношения в условиях модернизации. Однако региональные аспекты изучены фрагментарно, так как в Саратове проводились в основном локальные опросы, в отличие от комплексных эмпирических работ, связывающих миграцию и экономические кризисы с детско-родительскими отношениями в Саратовской области.

Семья является первым социальным кругом индивида, формирующий его личностные характеристики, мировоззрение и базовые знания об окружающем мире. Она оказывает влияние на психологический мир ребенка, а также закладывает начальные убеждения, необходимые для нормального функционирования в социокультурной сфере.

Классики социологии, как и современные социологи, считают семью фундаментальным социальным институтом. Герберт Спенсер видел в ней основу совместной деятельности, способствующую общественному прогрессу. Талкотт Парсонс акцентировал внимание на объединяющей функции семьи в социальной системе. Чарльз Р. Миллс подчеркивал роль семьи в регулировании вопросов воспитания, сексуальности и деторождения, а Анатолий Иванович Антонов определял семью как сообщество людей, обеспечивающих передачу традиций и обеспечение благополучия¹.

Семья - ключевой институт воспитания. По длительности воздействия на личность она занимает первое место. Кроме воспитательной функции, семья

выполняет репродуктивную, эмоциональную, экономическую и коммуникативную функции, функцию социального контроля и социализации².

Не менее важным является тип воспитания, установленный в семье. Выделяются три типа воспитания: демократический тип (полное доверие, совместное решение проблем, обучение детей ответственности и самостоятельности, что развивает адекватную самооценку ребенка, любознательность, открытость миру)³; авторитарный тип (постоянные требования к ребенку, обязательна определенная модель поведения, применение насилия в отношении детей, что формирует неуверенность, несамостоятельность и зажатость в ребенке); попустительский тип (минимальное участие родителей в жизни ребенка, отсутствие контроля, что делает ребенка недисциплинированным, неуверенным в себе и импульсивным); гиперопека (строгий контроль над ребенком, излишняя забота, что создает проблемы в общении со сверстниками, зависимость от чужого мнения и несамостоятельность)⁴.

Дети воспринимают и ориентируются на модель поведения своих родителей. В семье ребенок знакомится с такими явлениями как любовь, доверие, уважение и забота, учатся проявлять чувства и эмоции, формируется эмоциональный интеллект. Благодаря поддержке взрослых у детей развивается адекватная самооценка и восприятие окружающих. Родители являются первыми учителями коммуникации, которые учат развивать речь, умение слушать и договариваться, а также уважать чужие границы.

Однако влияние семьи на формирование личности бывает и негативным. Частые семейные конфликты, ссоры, эмоциональное напряжение, могут привести к психическим проблемам, низкой самооценке и трудностям в общении с людьми⁵.

Конфликты в детско-родительских отношениях возникают в основном в подростковом возрасте из-за физиологических и психологических изменений. Причинами становятся: авторитарное поведение отца, недостаток эмоциональной теплоты, использование жестоких методов в воспитании или избыточная избалованность. При восприятии подростка как самостоятельного человека, которому можно доверять, недопониманий в семье становится значительно меньше⁶. Открытое общение, взаимопонимание и уважение к ребенку способствует созданию идеальных отношений в семье⁷.

Подводя итог, можно сказать, что семья – основной источник формирования личности и получения жизненного опыта. Семейные примеры поведения и методы воспитания способствуют развитию ребенка и определению его жизненных убеждений и целей.

Список литературы

¹. Семенова Л.В. Семья. Понятие, виды, структура, проблемы//Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. №18. С.58-62.

². Дружинин, В.Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – Екатеринбург: Деловая книга, 2017. – 305 с.

³. *Векилова, С.А.* Психология семейных отношений: конспект лекций. – Москва : АСТ; 2015.- 116 с.

⁴. *Иневаткина, С.Е.* Детско-родительские отношения - основной фактора развития ребенка / С.Е. Иневаткина, Э.К. Ботова. - Текст: непосредственный // Гуманитарные науки и образование. - 2013. - № 1. - С. 53-56.

⁵. *Леонтьева А.С.* Сущность социализации как педагогическая категория / А. С. Леонтьева // Молодой ученый. - 2020. – № 30. – С. 274–275.

⁶. *Солнышкина М.Г.* Семейное неблагополучие как фактор развития девиантного поведения несовершеннолетних / М. Г. Солнышкина, М. М. Лужкова // Социальная политика и социальное партнерство. – 2020. – № 3. С. 56–65.

⁷. *Столин, В.В.* Психология развития ребёнка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультационной практики / В. В. Столин, Е. Т. Соколова, А. Я. Варга // Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А. А. Бодалёва, В. В. Столина. – 2015. – № 3. – С. 16–37.

ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ

К.А. Левина

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королёва*

Современное общество предъявляет новые запросы к действующей системе образования: изменяются повседневные ценности и жизненные ориентиры; всё больше молодых людей находятся в поисках смысла жизни; и, соответственно, вопрос профессионально-личностного потенциала молодёжи, становится одним из ключевых в движении к успешности.

Профессионально-личностный потенциал молодежи представляет собой совокупность способностей, знаний, навыков и ценностей, обеспечивающих эффективное профессиональное самоопределение, адаптацию к изменениям и карьерный успех. Профессионально-личностный потенциал молодежи формируется в период социального становления (14-35 лет) и включает такие основные компоненты как мотивация, творческие возможности и способность к саморазвитию¹.

Положительно сказывается на развитии профессионально-личностного потенциала молодёжи, включенность последних, в процесс обучения служением. Обучение служением есть разновидность проектного метода, разработанного в начале XX в. педагогами Дж. Дьюи, У. Килпатриком и др. В его основе лежит идея о том, что освоение профессиональных навыков является более эффективным в процессе решения реальной проблемы при понимании возможной общественной полезности ее решения².

1 сентября 2023 года по поручению Президента РФ В.В. Путина программа «Обучение служением» была введена в пилотных вузах России. «Обучение служением» - это современная образовательная модель, объединяющая академическое обучение с социальной практикой, она

направлена на формирование профессионализма и гражданской ответственности у молодежи через решение реальных социальных задач³.

Целью предлагаемого исследования является анализ модуля «Обучение служением» как механизма развития профессионально-личностного потенциала молодёжи. Наше исследование заключается в теоретическом обосновании, разработке и экспериментальной проверке модели, которая интегрирует академическое обучение с социально значимой деятельностью для одновременного формирования профессиональных компетенций и личностных качеств. Одной из задач исследования является анализ опыта участия в программе «Обучение служением» студентов Самарского университета направления подготовки «Социальная работа». Считаем, что опыт организации и проведения обучающимися Самарского университета социокультурных мероприятий в рамках проектов по программе «Обучение служением» может быть полезен не только в предметном обучении, но и во внеучебной деятельности обучающихся вузов.

Исходя из цели нашего исследования, были поставлены следующие задачи: изучение эффективности интеграции академического обучения и общественно полезной деятельности; проведение анкетного опроса студентов Самарского университета с целью оценки уровня вовлеченности студентов, выявление интереса к социальным проектам; изучения их профессионально-образовательных траекторий, а также включение их в различные практики в рамках образовательного модуля «Обучение служением».

Гипотеза представленного исследования заключается в том, что активное включение молодежи в различные практики в рамках образовательного модуля «Обучение служением» будет способствовать развитию профессиональных компетенций, а также содействовать профессиональной социализации молодежи.

Для проверки гипотезы с помощью анкетирования было опрошено 46 студентов 1–3 курсов направления подготовки «Социальная работа» Самарского университета. В исследовании приняли участие все студенты направления подготовки «Социальная работа», включённые в реализацию программы «Обучение служением». Из опрошенных 28% респондентов составили юноши, 72% – девушки; 40% опрошенных – студенты 1 курса; 32 % – 2-го курса; 28% – 3-го курса. Цель проведенного опроса: получить взвешенную оценку изучаемой проблемы: определить мнение студентов о влиянии участия в программе «Обучение служением» на формирование у них профессионально-личностного потенциала.

Результаты анкетирования студентов показали, что модуль «Обучение служением» оказывает существенное позитивное воздействие на их профессиональное развитие. Исследование, проведенное в Самарском университете, демонстрирует, что сочетание академического обучения с общественно полезной деятельностью формирует ряд ключевых профессиональных и надпрофессиональных компетенций молодежи. Отметим, что большинство опрошенных студентов обратили внимание на развитие своего профессионально-личностного потенциала, вместе с тем, среди

опрошенных были и те, кто заявил об отсутствии существенных изменений. Таких студентов было менее 10 %, поэтому, на наш взгляд, данная ситуация не отрицает ценности модуля «Обучение служением» в процессе развития профессионально-личностного потенциала молодых людей.

В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о том, что активное включение молодежи в различные практики в рамках образовательного модуля «Обучение служением» позволит будущим молодым специалистам применять профессиональные навыки для решения реальных социальных задач, что повышает уровень их профессиональной квалификации.

В результате полученных данных были выявлены основные направления воздействия обучения служением на профессиональное развитие, а именно:

- обобщение результатов внедрения в российских вузах модуля «Обучение служением» позволяет говорить о том, что включение студентов в социально ориентированную деятельность способствует развитию у них личных и профессиональных качеств. Проведенное нами исследование (с использованием анкетирования) показало, что для большей части студентов, участие в программе «Обучение служением» имеет положительный эффект;

- участие молодежи в программе «Обучение служением» способствует усвоению ей основ профессиональной этики, пониманию социальной миссии профессии. Анкетирование подтвердило роль модуля «Обучения служением» в формировании у студентов гражданской ответственности;

- «Обучение служением» в Самарском университете объединяет академические знания с решением реальных социальных задач НКО, что развивает профессиональные навыки, формирует гражданскую ответственность, социальную компетентность и помогает студентам получить практический опыт, напрямую применяя теорию в интересах Самарского региона, и общества, в целом.

Таким образом, активное включение молодежи в практики решения социально значимых задач региона в рамках модуля «Обучение служением» способствует развитию профессиональных компетенций и профессиональной социализации будущих молодых специалистов. Программа эффективно реализуется за счет погружения студентов в реальную профессиональную деятельность, превращая обучение в опыт социального служения. Как образовательная модель, «обучение служением» объединяет академические занятия с практическим служением обществу, формирует гражданскую ответственность и социальную компетентность. Личный вклад авторов заключается в проведении анкетного опроса среди студентов Самарского университета по направлению подготовки «Социальная работа» для обобщения их опыта участия в проектах программы.

Список литературы

¹ Заякина Р.А. Готовность российского студента к профессиональному служению: от действительного к желаемому // Высшее образование в России, 2024, № 2, С. 73-88.

² Земцов Д.И., Метелев А.П. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М, 2023, 24 с.

³ Фурсов А.Л. «Обучение служением»: социально значимые проекты как часть образовательного процесса для студентов экономических направлений подготовки // Профессиональная ориентация, 2025, № 12, С. 75-81.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

М.И. Малиновский

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева*

Серьезные демографические проблемы России, и, прежде всего, проблемы воспроизводства населения, обуславливают необходимость особого внимания со стороны общества и государства к положению многодетных семей. В условиях депопуляции для достижения уровня простого воспроизводства населения необходимо увеличение доли семей с пятью и более детьми до 10 - 15% в общей семейной структуре российского общества. Тем не менее, в сложной и многогранной общественной жизни особые трудности испытывают именно многодетные семьи.

Данное обстоятельство актуализирует роль семейной политики, включающей в себя целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного и социального характера, направленных на улучшение условий и повышения качества жизни многодетных семей¹. Механизмом реализации семейной политики выступает социальная работа, социальная защита, поддержка и помощь многодетным семьям.

Начиная с середины 70-х годов 20-го столетия, «феномен социальной поддержки привлекает все большее внимание теоретиков и практиков в области психологии, клинической психологии, социальной психологии и социальной работы»². Общим для всех специалистов, изучающих феномен социальной поддержки, является рассмотрение его как необходимого средового ресурса, условия для личного и общественного благополучия человека.

Социальная поддержка многодетных семей – это всевозможные положительные влияния социальной среды на их успешную интеграцию в систему социальных взаимоотношений, направленная на то, чтобы помочь увидеть собственный смысл во взаимодействии с представителями социальной службы, построить собственную линию поведения, как значимую и необходимую для многодетной семьи³. В самарской региональной концепции социальной защиты населения, основанной на государственной программе «Развитие социальной защиты населения в Самарской области», обозначена цель социальной поддержки – повышение уровня и качества жизни семей, в том числе многодетных⁴.

Более подробно остановимся на региональных мерах социальной поддержки многодетных семей. Как показал анализ документов, в целях реализации Указа Президента Российской Федерации № 63 от 23.01.2024 г. «О мерах социальной поддержки многодетных семей» Законом Самарской области № 122-ГД от 16.07.2004 г. «О государственной поддержке граждан, имеющих детей» в самарском регионе установлены следующие меры социальной поддержки многодетных семей, предоставляемые без учета критерия нуждаемости:

- компенсация расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в размере 50 процентов;

- бесплатное обеспечение детей в возрасте до 6 лет лекарственными препаратами по рецептам на лекарственные препараты;

- предоставление обучающимся общеобразовательных организаций бесплатного проезда автомобильным транспортом (за исключением такси) в городском и пригородном сообщении, городским наземным электрическим транспортом и метрополитеном в пределах территории Самарской области;

- предоставление обучающимся второго бесплатного питания в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях;

- предоставление ежегодной денежной выплаты на каждого ребенка в целях обеспечения обучающихся общеобразовательных организаций, в соответствии с установленными нормативами, одеждой для посещения учебных занятий, а также спортивной формой на весь период обучения в размере 11 тыс. рублей;

- прием детей в организации, осуществляющие образовательную деятельность по реализации образовательных программ дошкольного образования, в первоочередном порядке;

- бесплатное посещение областных государственных музеев и проводимых ими выставок, а также бесплатное посещение выставок животных, проводимых Самарским зоологическим парком.

Отдельного внимания заслуживает такая мера социальной поддержки многодетных семей, как содействие в улучшении жилищных условий и предоставлении земельных участков, обеспеченных необходимыми объектами инфраструктуры. Анализ документов показал, что на территории Самарской области данная мера социальной поддержки реализуется в натуральной форме в виде предоставления многодетным семьям бесплатно в собственность земельного участка с 2012 года. Получателями такой меры стали 280 семей. Стоит отметить, что в Самарской области, на основании Постановления Правительства Самарской области №399 от 05.06.2024 г. «Об отдельных вопросах предоставления гражданам, имеющим трех и более детей, социальной выплаты взамен земельного участка, предоставляемого им в собственность бесплатно» многодетная семья может получить социальную выплату в размере 250 000 рублей. Для получения данной выплаты необходимо состоять на учете желающих приобрести земельный участок из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Согласно результатам исследования, с 2024 года семьям, проживающим на территории Самарской области, достойно воспитывающим 7 и более детей, предоставляется единовременная денежная выплата на покупку транспортного средства в размере не превышающем 3 млн рублей. Всего с начала реализации проекта уже 10 многодетных семей получили данную выплату.

Анализ документов позволил сделать вывод, о том, что многодетные семьи довольно часто являются получателями социальных услуг в учреждениях социальной защиты населения.

На базе комплексных центров социального обслуживания населения Самарской области функционируют 6 отделений на 95 койко-мест. Среди направлений их деятельности следует выделить:

- предоставление помещения для временного проживания;
- предоставление продуктов питания;
- разработка и обеспечение условий для реализации плана работы по выходу семьи из трудной жизненной ситуации;
- проведение мероприятий по восстановлению личностного, правового и социального статуса гражданина;
- формирование психологической и функциональной готовности к позитивному материнству и ответственному родительству;
- психо-коррекционные мероприятия направленные на повышение стрессоустойчивости и психологической культуры в сфере межличностного, семейного общения, активизацию их интеллектуальных, личностных, духовных, творческих ресурсов для выхода из кризисного состояния;
- взаимодействие в вопросах обслуживания женщин с территориальными органами и социальными службами, правоохранительными органами, образовательными учреждениями, медицинскими благотворительными и общественными объединениями.

В Самарской области развита сеть социальных гостиниц. В социальные гостиницы принимаются граждане у которых возникла острая конфликтная ситуация и имеется вероятность угрозы жизни и здоровья членов семьи, а также граждане, подвергшиеся жесткому обращению и пострадавшие от семейно-бытового насилия. Так, за 2025 год – 105 человек прошли реабилитацию, из них: 2 мужчины, 37 женщин, 66 детей.

С целью поддержки семей, в том числе многодетных, на базе Комплексных центров социального обслуживания населения проводят работу по профилактике разводов и урегулированию внутрисемейных конфликтов по технологии «Семейная медиация». На территории Самарской области действует 6 комнат примирения, в которые за 9 месяцев 2025 года обратилось 159 граждан. Специалистами проведено 46 медиаций, в результате 25 пар заключили соглашения о примирении.

Таким образом, социальная поддержка многодетных семей является адресной и носит комплексный характер. Переход от фрагментарной, чаще всего, материальной помощи к интегрированным программам направлен на устойчивое улучшение качества жизни семей с детьми. Это требует межведомственного взаимодействия, ориентации на потребности многодетных

семей и их активного вовлечения в процесс выработки и оценки семейной политики.

Список литературы

1. *Егорова С.В.* Семейная политика современной России // Семья XXI века: ценности, ориентиры: материалы II Международной научно-практической конференции (ноябрь 2008 г.). Под общ. ред. В.Я. Мачнева, Л.В. Куриленко. Самара: Изд-во «Универс групп», 2008. С. 91-98.

2. *Раудсепп М.* Субъект и поддерживающая среда. Средовые условия развития социальных общностей // Сборник научных статей Таллиннского педагогического института им. Э.Вильде. 1989. 158 с.

3. *Егорова С.В.* Понятие «социальная поддержка»: теоретические и прикладные аспекты // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 197-206.

4. Самарская Губернская Дума и социокультурная эволюция региона. 30 лет / под ред. С.В. Егоровой, С.А. Мартышкина, А.М. Исупова, Д.М. Шабунина. Самара: ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт», 2024. 284 с.

РЕКЛАМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

М.С. Масликова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Реклама представляет собой значимый социокультурный феномен, актуальность которого обусловлена ее двойственной природой. С одной стороны, реклама является отражением общества. Она чутко реагирует на господствующие в культуре ценности, эстетические нормы, экономические условия. С другой стороны, реклама является активным «архитектором» реальности. Она целенаправленно формирует новые социальные нормы, стандарты потребления, идеалы успеха и внешности, тем самым изменяя поведенческие модели и привычки людей. Ключевая проблема исследования рекламы заключается в создаваемом ею напряжении. Она конструирует утопический образ «идеальной» жизни, который часто противоречит реальности. Это противоречие может породить чувство неудовлетворенности, неуверенность в себе и способствует развитию общества потребления, где товары становятся символами статуса.

Степень изученности темы рекламы как социокультурного феномена является хорошо разработанной в современной науке. В отечественной науке весомый вклад внесли О.А. Феофанов¹ и В.В. Ученова². Они обосновали рассмотрение рекламы как мощного канала трансляции социальных норм и культурных ценностей. Сегодня исследования сфокусированы на более частных аспектах. Учёные анализируют, как реклама формирует гендерные стереотипы (Маали Шади А.А.)³, влияет на детскую и подростковую

аудиторию (Хвостовицкая Т.Т.)⁴, а также как цифровая среда преобразует её социокультурные функции (Архипова Ю.В.)⁵. Несмотря на обилие работ, тема остаётся актуальной. Быстрое развитие технологий и изменение общественных ценностей постоянно порождают новые вопросы.

В социологической науке сложилось несколько теоретических подходов к осмыслению рекламы. Каждый из них предлагает свой ракурс видения. Одним из наиболее влиятельных является структурно-функциональный подход, восходящий к работам Э. Дюркгейма⁶. Согласно этой традиции, общество рассматривается как целостная система. В данном контексте реклама предстает как специализированный институт, выполняющий функцию интеграции и социального контроля. Реклама выступает механизмом трансляции культурных паттернов, обеспечивая их легитимацию. Посредством рекламы происходит внедрение в массовое сознание стандартизированных представлений о желаемом и нормативном.

В противовес функционалистской традиции, конфликтологический подход акцентирует рекламу как инструмент властных отношений. М. Хоркхаймер и Т. Адорно рассматривали рекламу в контексте «культурной индустрии» как средство подавления критического мышления⁷. П. Бурдьё развивает эту мысль, вводя понятие символической власти⁸. Реклама, согласно его позиции, участвует в производстве систем классификаций, которые легитимируют социальные иерархии. Потребительские практики становятся инструментами социальной дифференциации и демонстрации статуса.

Значимым теоретическим ресурсом выступает феноменологическая традиция (П. Бергер и Т. Лукман)⁹. Согласно их позиции, социальная реальность конструируется в процессе взаимодействия. Реклама в этой парадигме выступает как активный агент конструирования реальности. Она не просто отражает нормы, но и производит новые интерпретационные схемы. Постоянное тиражирование определенных образов приводит к их объективации – они начинают восприниматься как само собой разумеющиеся. Особенно значимым этот процесс становится для молодежной аудитории, которая находится в стадии активного освоения социальных ролей.

Семиотический подход (Р. Барт, Ж. Бодрийяр) позволяет проанализировать внутреннюю структуру рекламного сообщения¹⁰. Реклама функционирует как система знаков. Барт показал, что реклама создает мифы, в которых обычные товары наделяются глубокими символическими значениями. Бодрийяр утверждает, что в обществе потребления реклама производит симулякры. Реклама создает гиперреальность, где знаки товаров подменяют собой реальные потребности. Потребитель приобретает не столько вещь, сколько ее символическое значение, статус. Это объясняет, почему реклама оперирует образами успеха, красоты, счастья.

С точки зрения теории коммуникации, реклама рассматривается как особый тип массовой коммуникации. Н. Луман характеризует массмедиа, включая рекламу, как элемент современного общества, выполняющий функцию самонаблюдения¹¹. Реклама участвует в селекции информации, определяя, что становится значимым в общественном сознании. При этом рекламная

коммуникация не является однонаправленным процессом: аудитория активно интерпретирует сообщения, вырабатывая различные стратегии восприятия.

Применение данных подходов к анализу молодежной аудитории приобретает особую значимость. С социологической точки зрения, молодежь находится в стадии перехода от зависимости к автономии. К. Манхейм подчеркивал, что молодое поколение характеризуется «незакрепленностью» в социальной структуре¹². Именно эта социальная неопределенность делает рекламу привлекательным ресурсом для молодых людей, ищущих готовые образцы для конструирования идентичности. Психологический аспект (Э. Эриксон) дополняет анализ: период юности представляет собой кризис идентичности. Реклама предлагает готовые образы «желаемого Я», которые молодой человек может использовать в процессе самоопределения.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что реклама как социокультурный феномен может быть осмыслена с различных теоретических позиций. Структурно-функциональный подход раскрывает ее роль в поддержании социального порядка. Конфликтологическая традиция акцентирует рекламу как инструмент символической власти. Феноменологическая перспектива позволяет увидеть рекламу как участника конструирования реальности. Семиотический подход раскрывает механизмы создания смыслов, а теория коммуникации акцентирует сложность взаимодействия с аудиторией. Обращение к этим теоретическим ресурсам создает необходимую основу для эмпирического исследования восприятия рекламы молодежью.

Список литературы

1. *Феофанов О.А.* США: реклама и общество. – М.: Мысль, 1974. – 262 с.
2. *Ученова В.В., Старых Н.В.* История рекламы: Детство и отрочество. – М.: Смысл, 1994. – 96 с.
3. *Маали Шади А. А.* Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1-1 (8). – С. 272-279.
4. *Хвостовицкая Т. Т.* Дети и телереклама // Вестник ДГТУ. – 2007. – № 2(33). – С. 245–251.
5. *Архипова Ю.В.* // Ярославский педагогический вестник. – 2019.
6. *Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон+, 2021. – 352 с.
7. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 104 с.
8. *Бурдьё, П.* Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё ; пер. с фр. О. А. Кирчик ; под науч. ред. О.А. Кирчик, В.Л. Катунина. - М.: Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2022. – 768 с.
9. *Бергер, П. Л.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – Москва: Академический Проект, 2022. – 323 с.
10. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: АСТ, 2021. – 320 с.
11. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского; под ред. О.В. Кильдюшова. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ РОДИТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОРОЖАНОК

С.А. Мигунова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Актуальность исследования обусловлена устойчивым трендом снижения рождаемости в России и необходимостью оценки действующих мер демографической политики. Несмотря на реализацию национального проекта «Демография», расширение программ материнского капитала и введение новых пособий, суммарный коэффициент рождаемости остается ниже уровня воспроизводства населения¹. В научной литературе не сложилось единого мнения об эффективности государственной поддержки: одни авторы фиксируют её позитивное влияние на рождаемость², другие указывают на второстепенность финансовых стимулов по сравнению с ценностными и социально-психологическими факторами³. Целью настоящего исследования является оценка эффективности государственных мер поддержки родительства с точки зрения женщин репродуктивного возраста – ключевых акторов репродуктивного выбора.

Эмпирическую базу составили данные анкетного онлайн-опроса, проведённого в феврале-марте 2026 г. (N=102 женщины). Метод выборки – стихийная (целевая рассылка в социальных сетях). Возраст респонденток – от 17 до 48 лет, средний возраст – 28,5 лет. Образование: высшее (бакалавриат, специалитет, магистратура) – 61,7%; среднее техническое – 21,6%; среднее общее – 16,7%. Семейное положение: 25,5% в первом браке, 23,5% никогда не состояли в браке, 22,5% проживают с партнёром без регистрации. Ограничения выборки связаны с её самоотбором и нерепрезентативностью для всей генеральной совокупности, однако полученные данные позволяют выявить устойчивые оценки и установки городской молодёжной аудитории.

Анализ ответов на вопрос о том, какими мерами респондентки реально пользовались, показал, что среди женщин, имеющих детей (37,3% выборки), наиболее востребованы: ежемесячное пособие по уходу за ребёнком - 25,5% (от числа всех опрошенных), материнский (семейный) капитал - 21,6%, региональные выплаты при рождении ребёнка - 18,6%. Льготной ипотекой воспользовались 11,8%, ежемесячными выплатами из средств материнского капитала - 8,8%. При этом 14,7% матерей ответили, что не пользовались ни одной из перечисленных мер. Таким образом, наиболее распространёнными и доступными являются страховые пособия и материнский капитал, однако каждый седьмой ребёнок в выборке родился в семье, не получившей никакой адресной поддержки. Несмотря на широкий перечень видов помощи, реально востребованными оказываются лишь некоторые из них; в частности, льготная

ипотека, на которую многие семьи возлагают надежды, используется довольно редко.

На вопрос о том, насколько достаточными представляются меры государственной поддержки семей с детьми для стимулирования рождаемости в России, распределение ответов оказалось следующим: «абсолютно да» - 8,8%; «скорее да» - 26,5%; «частично да, частично нет» - 33,3%; «скорее нет» - 14,7%; «абсолютно нет» - 5,9%; затруднились ответить - 10,8%. Таким образом, доля в целом позитивных оценок составляет 35,3%, доля негативных - 20,6%. Треть опрошенных выбирает амбивалентную позицию, что свидетельствует о признании некоторых позитивных эффектов поддержки при явной недостаточности для преодоления ключевых барьеров. Высокий процент затруднившихся (каждый десятый) также указывает на неочевидность влияния поддержки на рождаемость для части респондентов.

На вопрос о степени влияния материнского капитала на решение семьи завести ребёнка были получены следующие ответы: «решающий фактор» - 5,9%; «важный, но не основной фактор» - 35,3%; «второстепенный фактор» - 28,4%; «практически не влияет» - 17,6%; затруднились ответить - 12,7%. Лишь 5,9% женщин считают материнский капитал решающим стимулом. Суммарно почти половина опрошенных (46%) оценивают его влияние как второстепенное или нулевое.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о главных препятствиях для рождения детей. Большинство респонденток (63,7%) назвали в качестве основного барьера «высокую финансовую нагрузку, нестабильность доходов». Это подтверждает, что материнский капитал как единовременная выплата не способен нивелировать долгосрочную финансовую нестабильность, что и отражается в его низкой оценке как решающего мотива.

Таким образом, гипотеза о высокой эффективности материнского капитала и других мер поддержки как драйверов рождаемости не подтверждается. С точки зрения горожанок, существующие меры являются недостаточными (доля позитивных оценок лишь 35,3%) и не влияют принципиально на репродуктивное решение. Женщины воспринимают материнский капитал как полезное, но второстепенное дополнение. Ключевым барьером остаётся нестабильность доходов, которая не компенсируется разовыми или ежемесячными выплатами. Для повышения рождаемости необходимы системные меры, направленные на снижение долговременной финансовой неопределённости (стабильная занятость, доступное жильё, предсказуемые социальные гарантии), а не только увеличение размера пособий.

Список литературы

1. Росстат. Суммарный коэффициент рождаемости. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
2. *Архангельский В.Н.* Влияние мер демографической политики на рождаемость в России // Вопросы статистики. 2023. №4. С. 45-58.
3. *Захаров С.В.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Демографическое обозрение. 2024. Т.11. №1. С. 22-41.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.А. Мирошникова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Межпоколенческий конфликт представляет собой важный объект исследования, так как его последствия могут оказывать значительное влияние на психологическое благополучие членов семьи и их социальные связи¹.

С целью выявления факторов, способствующих возникновению межпоколенческих конфликтов в семье и путей их преодоления в 2025 году было проведено авторское социологическое исследование, методом анкетирования по квотной территориальной выборке. Было опрошено 200 жителей города Саратова, в возрасте от 18 до 90 лет.

Исследование показало, что в среднем конфликтные ситуации в семьях респондентов возникают несколько раз в полгода (2,44 балла). При этом, женщины наиболее часто отмечают наличие конфликтов между поколениями в своих семьях, нежели мужчины (47,3% и 35,6% соответственно). Было установлено, что наиболее низкий уровень конфликтности характерен для младших и средних возрастных групп, рассматриваемых в исследовании, от 18 до 44 лет, затем мы можем увидеть его увеличение до модального значения (72%) в возрасте от 45 до 59 лет, после чего конфликтность постепенно снижается, хотя и остаётся выше, чем у молодёжи (60 – 75+ лет).

С социологической точки зрения, такая возрастная динамика может быть интерпретирована через концепцию жизненного цикла семьи². В молодом возрасте респонденты чаще выступают в роли детей, и отношения с родителями либо ещё не обременены масштабными противоречиями, либо оцениваются как менее конфликтные. Пик напряжённости приходится на возраст, когда человек одновременно включён в два поколенческих контекста (родители и взрослеющие дети) и сталкивается с необходимостью балансировать между ними. У старшего поколения конфликтность снижается, что может быть связано с переходом семьи в фазу «опустевшего гнезда», изменением приоритетов и переоценкой значимости семейных связей.

В качестве основных разногласий между поколениями в семье респонденты наиболее часто отмечали следующие причины: 58,8% - различный опыт, ценности, интересы и цели; 57% - вмешательство в личную жизнь; 50% - разные подходы к воспитанию и образованию. Кроме того, почти половина опрошенных (48,2%) указали на аморальное поведение членов семьи как причину противоречий.

Респонденты в возрасте от 18 до 44 лет, в целом склонны признавать значимость поддержки семьи или друзей в процессе разрешения конфликтов, однако их оценка носит менее безусловный характер по сравнению со старшей возрастной группой (75+ лет), в которой доля ответов «Да» достигает максимума (45,5%), что указывает на выраженную ценность семейно-дружеской поддержки в старшем возрасте. В возрастной группе 45-65 лет чаще всего встречается ответ «Нет» (30,0% и 31,6% соответственно) такая картина может говорить о том, что в среднем возрасте люди чаще полагаются на собственные силы: накопленный опыт разрешения конфликтов снижает потребность обращаться за поддержкой к близким.

Для выявления стратегий, используемых для разрешения межпоколенческих конфликтов в семье респондентам, было задано несколько вопросов, касательно навыков и методов разрешения межпоколенческих конфликтов.

Респонденты демонстрируют осознанное понимание ключевых коммуникативных навыков, необходимых для конструктивного разрешения межпоколенческих конфликтов. Наиболее значимыми из них признаются способность к компромиссу (75%), эмпатия и умение слушать (66,5%), а также корректное выражение собственных чувств и мыслей (61,5%). Это свидетельствует о том, что в массовом сознании доминирует ориентация на диалог и взаимные уступки как на основу продуктивного урегулирования семейных разногласий.

К эффективным методам, по мнению респондентов, также можно отнести: активное слушание и понимание точки зрения другой стороны (71,9%) - респонденты ценят важность не только слышать, но и понимать собеседника, что может значительно снизить уровень конфликта; открытое обсуждение проблем (66,8%) – это позволяет выявить коренные проблемы и найти совместные решения; использование медиации или помощи третьих лиц в качестве эффективного метода выделяют 53,6% - данный способ может помочь в сложных ситуациях, когда стороны не могут прийти к согласию самостоятельно.

По мнению 57% опрошенных, конфликты имеют негативные последствия для семьи, что может свидетельствовать о том, что большинство людей склонны видеть конфликты как источники деструктивных и враждебных отношений между поколениями. Такое видение связано с личным опытом или культурными установками, которые подчеркивают важность гармонии в отношениях. 26% респондентов считают, что конфликты не играют никакой роли во взаимоотношениях, что может указывать на прагматичный подход. Эти люди могут воспринимать конфликты как естественную часть взаимодействия, которая не обязательно приводит к значительным изменениям в отношениях.

18% опрошенных, видящих в конфликтных ситуациях позитивную сторону, могут быть более открытыми к идее, что конфликты могут способствовать развитию и углублению отношений. Они могут рассматривать конфликты как возможность для обсуждения важных тем, выявления скрытых проблем и улучшения взаимопонимания.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из полученных данных:

1. Межпоколенческий конфликт имеет объективную возрастную логику. Его пик приходится не на молодость или старость, а на период, когда человек одновременно находится в статусе родителя и ребенка, что указывает на структурную, а не только ценностную природу напряжённости.

2. Конфликтность обусловлена расхождением ценностных систем и нарушением границ. Основные причины - не бытовые разногласия, а различия в опыте, целях и вмешательство в личную жизнь, что свидетельствует о глубинном ценностном расслоении поколений.

3. Стратегии преодоления конфликтов меняются с возрастом. В молодости и старости востребована внешняя поддержка, в среднем возрасте - автономия. Это отражает адаптацию к меняющимся социальным ролям и жизненным этапам.

4. Респонденты обладают рефлексией эффективных стратегий. Высокий уровень компромисса, эмпатии и открытого диалога указывает на то, что население в целом готово к конструктивному разрешению конфликтов при наличии соответствующих навыков и условий.

5. Конфликт может выполнять развивающую функцию. Признание того, что конфликты улучшают коммуникацию и способствуют обмену мнениями, позволяет рассматривать их не только как угрозу, но и как потенциальный ресурс укрепления межпоколенческих связей.

Список литературы

¹. Михайлова, К. М. Межпоколенческий разрыв и ценностные трансформации в обществе // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 5 URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PSMN525.pdf>. (дата обращения: 05.04.2026).

². Зубарева А. А., Данилова А. А. Типологизации жизненного цикла семьи в трудах отечественных и зарубежных ученых // Вестник магистратуры, 2023, №10-2 (145), С. 129-131.

СТИЛЬ ЖИЗНИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

М. Мыхманкулыева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Досуг и внеучебная активность иностранных студентов являются важным индикатором их адаптации к новой социокультурной среде. По данным ВЦИОМ¹, российская молодёжь в возрасте 18-24 лет проводит в цифровом пространстве в среднем по 9 часов в день, а исследования НИУ ВШЭ² показывают, что около 60% российских студентов испытывают материальные затруднения, причём каждый четвёртый вынужден работать более 20 часов в неделю, совмещая учёбу с трудовой деятельностью. При этом, согласно статистике Росстата³, размер стипендий в большинстве случаев не достигает величины прожиточного минимума, который варьируется от 13 до 30 тысяч рублей в зависимости от региона. Иностранные студенты, сталкивающиеся дополнительно с языковым барьером и необходимостью культурной адаптации, оказываются в ещё более уязвимом положении. В связи с этим весной 2025 года было проведено авторское исследование методом формализованного онлайн-опроса, в котором приняли участие 50 иностранных студентов Саратовского государственного университета. Выборка носила пилотажный характер.

Среди опрошенных преобладали женщины, составившие 64% респондентов, тогда как мужчин оказалось 36%. Возраст участников варьировался от 18 до 25 лет, при этом средний возраст составил 20 лет. Большинство обучаются на социологическом факультете (28%), за ним следуют экономический (12%) и медицинский (8%). Почти половина респондентов (46%) - второкурсники бакалавриата, ещё 30% - первокурсники магистратуры. Подавляющее большинство (94%) не состоят в браке. География происхождения достаточно широка: основная доля приходится на Туркменистан (44%), далее с равными показателями по 12% следуют Узбекистан, Азербайджан и Казахстан, а также Китай (8%), Египет и Индия (по 6%). Абсолютное большинство студентов (84%) проживают в университетском общежитии, и лишь 16% арендуют жильё. Уровень материального благосостояния распределился следующим образом: 32% могут позволить себе всё, что пожелают, 30% испытывают затруднения с покупкой одежды, 18% могут приобретать вещи длительного пользования, но не дорогие, а 10% едва сводят концы с концами. Что касается занятости, 40% опрошенных не работают, 34% имеют постоянную работу, а 26% подрабатывают время от времени. Среди работающих студентов почти половина (48%) заняты в сфере общественного питания, 18% - в транспорте и доставке. Внеучебная активность представлена в основном посещением кружков и секций (47,5%) и прохождением дополнительных образовательных курсов (45%). Учебная нагрузка у трети респондентов (34%) превышает 40 часов в неделю, тогда как 22% занимаются менее 10 часов. Свободное время студенты проводят преимущественно за просмотром сериалов и фильмов (30%), отдыхом дома

(22%) и чтением книг (16%). Наиболее популярными хобби оказались спорт (26%), чтение (22%) и музыка (18%).

Дальнейший анализ взаимосвязей позволил проверить несколько аналитических гипотез. Было выявлено, что пол респондента влияет на выбор хобби: мужчины в 55,6% случаев выбирают спорт, тогда как среди женщин - только 9,4%, женщины же чаще указывают музыку (25,0% против 5,6%) и чтение (28,1% против 11,1%). Статус занятости, в свою очередь, влияет на учебную нагрузку: среди неработающих 60% учатся более 40 часов в неделю, среди работающих преобладает нагрузка в 10-20 часов (35,3%), а среди подрабатывающих - менее 10 часов (53,8%). Также была обнаружена связь между типом внеучебной деятельности и способами проведения свободного времени: посещающие кружки и секции чаще смотрят сериалы (36,8%) и отдыхают дома (31,6%), тогда как проходящие дополнительные курсы также предпочитают сериалы (27,8%) и общение с друзьями (22,2%).

Таким образом, досуг иностранных студентов носит преимущественно камерный и пассивный характер, что объясняется высокой учебной нагрузкой, необходимостью работать и финансовыми ограничениями. Хобби становятся «домашними» и бесплатными, а платные формы досуга - фотография, путешествия, коллекционирование - в ответах практически отсутствуют. Предположительно, расширение спектра бесплатных мероприятий и курсов, предлагаемых университетом, могло бы способствовать более разнообразной организации досуга иностранных студентов.

Список литературы

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Отчет об использовании цифровых технологий и социальных сетей среди молодежи в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (Дата обращения: 10.04.2026).
2. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ). Мониторинг повседневных практик и условий жизни российских студентов. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf) (Дата обращения: 10.04.2026).
3. Росстат. Величина прожиточного минимума по регионам Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/vpm> (Дата обращения: 10.04.2026).

СПОРТ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Недобежкина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В эпоху стремительной трансформации современного общества, глобализации и повсеместной цифровизации особую значимость приобретает развитие спортивной сферы жизни и её пропаганда среди молодёжи. Это

позволит снизить процент заболеваний связанных с малоподвижным образом жизни и сформировать полезные привычки у подрастающих поколений.

В отечественной социологии одно из первых определений молодежи было дано В.Т.Лисовским: “Молодежь - поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции”¹. Более развернутая трактовка принадлежит И.С.Коню: “Молодежь - социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально психологических свойств”². Термин имеет и возрастные ограничения, опираясь на Федеральный закон “О молодежной организации в политике Российской Федерации”, можно ориентироваться на возрастные границы от 14 до 35 лет³. Внутри понятия “молодежь” выделены три возрастные подгруппы: младшая (14-17 лет), средняя (18-24 года) и старшая (24-30 лет). Каждая из них обладает специфическими социальными характеристиками, что отражается на мотивации и формах спортивной активности.

Понятие “спорт” происходит от старо-французского *desporte*, означавшего “развлечение, разгрузка после работы, забава”. В русский язык термин ввел А.С.Хомяков в 1845 году⁴. В молодежной среде спорт выступает не только средством физического совершенствования, но и мощным инструментом социализации, формирования дисциплины, стрессоустойчивости и ценностных ориентиров, что особенно значимо в условиях интенсивной городской жизни.

Саратовская молодежь демонстрирует неоднородное отношение к спорту, во многом обусловленное возрастными и территориальными факторами. Для младшей группы (14-17 лет), проживающей преимущественно в семьях и обучающейся в школьных или средних профессиональных учреждениях, спорт зачастую является продолжением уроков физкультуры, либо выбором, продиктованным ближайшим окружением. Популярностью пользуются командные виды спорта - футбол, волейбол, баскетбол, для которых в Саратове имеются как дворовые площадки, так и школьные стадионы. Однако уже на этом этапе можно выделить ряд барьеров, препятствующих повышению активности молодежи в спортивной сфере: финансовая недоступность платных секций и качественной экипировки, особенно в отдаленных микрорайонах. Средняя возрастная группа (18-24 года) в значительной степени представлена студенчеством. Для этой категории выбор спорта становится более осознанным и автономным: мотивы смещаются в сторону поддержания здоровья, снятия учебного стресса, улучшения физической формы. Заметно растет интерес к фитнес-центрам, тренажерным залам, йоге. Старшая группа (25-30 лет) - молодые специалисты и те, кто уже создал семью, - воспринимают спорт как неотъемлемый элемент здорового образа жизни, однако приоритеты смещаются под давлением карьерных и бытовых обязанностей. Для этой категории характерны занятия в коммерческих фитнес-клубах, индивидуальные

тренировки. Несмотря на перечисленные барьеры, спорт продолжает играть критически важную роль в жизнедеятельности саратовской молодежи.

Проблематика спорта в жизнедеятельности молодежи получила освещение в ряде научных публикаций, аналитических материалов и статистических отчетов. Среди авторов, изучающих данную тему, можно выделить работу Е.В.Сайгановой - "Приобщение молодежи к здоровому образу жизни и занятиям спортом как направление региональной молодежной политики"⁵. В данной статье рассматриваются особенности развития спорта на территории Саратовского региона, основные спортивные направления в региональной молодежной политике, целенаправленные программы для молодежи по пропаганде здорового образа жизни в рамках молодежной политики. Также следует отметить работу С.А.Фирсина - "Состояние физкультурного воспитания в системе досуга учащейся молодежи"⁶. Статья посвящена состоянию физкультурного воспитания в системе учащейся молодежи Саратовской области. Важно заметить, что в Саратове издается журнал "Физическое воспитание и студенческий спорт", на страницах которого публикуются исследования по различным аспектам студенческого спорта в Российской Федерации⁷.

Обобщая вышесказанное, следует сказать, что исследование мотивации подростков показывает, что 65% занимаются спортом ради улучшения здоровья и внешнего вида, а основными барьерами выступают отсутствие времени (40%) и недостаток мотивации (30%)⁸. Следовательно, можно сделать вывод о том, что проблема регионального развития и пропаганды спорта среди молодежи уже довольно давно изучается, но до сих пор требует более подробного изучения, в том числе социологического мониторинга.

Список литературы

¹. Лисовский В.Т. "Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России" Спб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 519с.

². Кон И.С. Социология молодежи//Краткий словарь по социологии/под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1998. С.353

³. Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (ред. От 23.07.2025) "О молодежной политике в Российской Федерации". URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.chi?req=doc&base=LAW&n=510608> (дата обращения 10.04.2026)

⁴. Долгих Н.В. О происхождении термина "спорт" и других системообразующих понятиях //МНИЖ.2022. №5-4 (119). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-proishozhdenii-termina-sport-i-drugih-sistemoobrazuyuchih-ponyatiyah> (дата обращения 10.04.2026)

⁵. Сайганова Е.В. Приобщение молодежи к здоровому образу жизни и занятиям спортом как направление региональной молодежной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 146-148.

⁶. Фирсин С.А. Состояние физкультурного воспитания в системе досуга учащейся молодежи // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. №7 (89). С. 134-138.

⁷. Физическое воспитание и студенческий спорт: научный журнал / Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2022 - .ISSN 2782-4594/

⁸. Ковачева И.А. Мотивация подростков к занятиям физической культурой и спортом: результаты опроса // Инновационные формы и практический опыт физического воспитания

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ: ВЗГЛЯД РОДИТЕЛЕЙ И ДОСТУПНОСТЬ ПЛАТФОРМ

П.В.Павлова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Дистанционное обучение для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) представляет собой не просто альтернативу традиционной школе, а зачастую единственную возможность получить образование без ежедневного стресса и физических перегрузок. Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от двух ключевых факторов: степени вовлечённости родителей в учебный процесс и уровня удобства самих образовательных платформ. Для оценки реальной ситуации был проведён опрос среди родителей школьников с ОВЗ. В интернет-анкетировании приняли участие 104 человека, что позволяет составить достаточно полную и объективную картину.

Среди опрошенных преобладают женщины (80,9%). Средний возраст участников составляет 37 лет. Большинство родителей состоят в браке (64,0%) или в незарегистрированных отношениях (31,5%). Уровень образования достаточно высок: 48,1% имеют высшее образование, 29,6% - среднее профессиональное. Почти половина респондентов (49%) работают по найму, 23,1% являются домохозяйками. Материальное положение семей остаётся скромным: 36,0% живут на 20–40 тысяч рублей на человека в месяц, а 29,2% - на 80-100 тысяч. Любые дополнительные расходы на технику или специальное ПО для большинства семей критичны.

Оценивая сильные стороны дистанционного обучения для своих детей, родители в первую очередь выделяют индивидуальный темп обучения (61,8%). Для ребёнка с задержкой психического развития это возможность переслушать объяснение учителя несколько раз, что в условиях обычного класса практически невозможно. Вторым по значимости преимуществом названа физическая и психологическая безопасность (50,6%): для ребёнка с ДЦП, эпилепсией или расстройством аутистического спектра дорога в школу и пребывание в шумном классе оборачиваются ежедневным стрессом, нередко ведущим к эмоциональным срывам. Дома же ребёнок находится в привычной, предсказуемой среде, может учиться в удобном темпе и делать необходимые паузы. Третьим важным плюсом выступает экономия времени и сил семьи (49,4%) - отпадает необходимость в ежедневных сборах и поездках.

Однако перечень недостатков, по мнению родителей, оказывается не менее внушительным. Главной проблемой становится выгорание взрослых: 64,0% респондентов указали на недостаток живого общения, а 52,8% — на

увеличение нагрузки на родителей. Поскольку в школах, как правило, отсутствуют тьюторы для дистанционного сопровождения, вся организационная, педагогическая и эмоциональная нагрузка ложится именно на семью. Кроме того, 28,1% столкнулись с проблемами технического оборудования или интернета, а ещё 28,1% отметили сложности с усвоением материала без живого объяснения учителя. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (СДВГ) часто не могут сосредоточиться из-за отвлекающих факторов - уведомлений из игр и мессенджеров, в результате чего родитель вынужден находиться рядом практически весь учебный день. Отдельно стоит отметить риск «цифрового кокона»: для многих детей с ОВЗ школа остаётся единственным местом отработки социальных навыков, и полный перевод на дистант грозит полной потерей коммуникации со сверстниками.

Особого внимания заслуживает доступность самих образовательных платформ. Для оценки этой стороны родителям предлагалось оценить типовые школьные платформы - «Сферум», «Российскую электронную школу», «Учи.ру», «Якласс». Результаты оказались неутешительными: более 60% детей сталкиваются с серьёзными трудностями при навигации, и лишь 15% родителей оценили платформы как полностью доступные для их ребёнка (в основном это семьи с лёгкими формами ОВЗ). Для детей с комплексными нарушениями универсальные платформы без постоянной помощи взрослого практически непригодны.

Таким образом, исследование показывает: дистанционное обучение может быть эффективным инструментом адаптации, но при двух условиях. Первое - государственная поддержка семьи, выполняющей функции тьютора (доплата родителю или бесплатное ассистивное оборудование). Учитывая, что треть семей имеют доход менее 40 тысяч рублей на человека, любые дополнительные расходы для них критичны. Второе - перепроектирование платформ: они должны тестироваться с детьми с разными формами ОВЗ и иметь ассистивный режим - без анимации, с крупными кнопками, голосовым вводом и регулировкой контрастности. Идеальный формат - не полный дистант и не обычный класс, а смешанное обучение: несколько дней дома для углубленной работы в комфортном темпе, несколько дней в школе с тьютором для отработки социальных навыков. Только тогда дистанционное обучение перестанет быть вынужденной мерой, выматывающей родителей, и превратится в настоящий инструмент адаптации для каждого ребенка с ОВЗ.

СЧАСТЬЕ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ДОСТИЖЕНИЯ

Я.Р. Плеханова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Актуальность исследования счастья среди молодежи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это разрыв между виртуальной и реальной средой: социальные сети транслируют недостижимые стандарты «идеальной жизни», тогда как в реальности молодые люди сталкиваются с экономической нестабильностью, трудностями трудоустройства и глобальными угрозами. Во-вторых, важен конфликт ожиданий и реальности: вопреки мифу о беззаботной молодости, современное поколение испытывает выгорание и одиночество, смещая ценности с карьерного успеха на внутреннюю гармонию и психологическое благополучие. В-третьих, само понятие счастья для молодежи противоречиво: оно разрывается между объективным благополучием и субъективным ощущением, независимостью и потребностью в близости, сиюминутными удовольствиями и поиском смысла. Наконец, классические научные подходы устарели и не способны в полной мере описать феномен счастья у поколения, выросшего в цифровую эпоху, что делает необходимость нового исследования особенно острой.

Поэтому не случайно многие исследователи обращаются к изучению этой проблематики. Так С.А. Алексеев и Т.Н. Никитина в лонгитюдном исследовании выявили значительную трансформацию представлений молодежи о счастье. Если в 2019 году ключевыми составляющими были «здоровье родных», «стабильный заработок» и «счастливая семья», то к 2024 году на первое место вышло «собственное здоровье», а ценность создания семьи сместилась на четвертое место. Исследователи также зафиксировали снижение значимости карьерного роста (с 69 % до 53 %), рождения детей (с 53% до 37 %) и социальных гарантий (с 29 % до 16 %), что отражает переориентацию молодежи на ценности «для себя»¹. М.Д. Егорова и Н.В. Гречушкина в исследовании студентов выявили ключевые индикаторы счастья: здоровье, семью, самореализацию, богатство. Они доказали, что для современной молодежи счастье по-прежнему связано с универсальными добродетелями, соотносимыми с этической традицией Аристотеля². Однако, несмотря на проведенные исследования, проблема представлений молодежи о счастье остается актуальной для дальнейшего изучения.

Одним из главных объективных факторов, влияющих на ощущение счастья, является здоровье. Пандемия, экологические риски и общая тревожность заставили молодежь по-новому взглянуть на ценность жизни. При этом, декларируя важность здоровья, многие ведут далекий от здорового образ жизни: хронический недосып, стресс, отсутствие физической активности становятся привычными спутниками.

Второй ключевой фактор - материальное благополучие. Для большинства молодых людей счастье напрямую связано с уверенностью в завтрашнем дне,

стабильным доходом и возможностью строить планы. Однако экономическая нестабильность, трудности с трудоустройством и недоступность жилья создают серьезное напряжение. Счастье все чаще понимается не как высокие достижения, а как базовая безопасность.

Семья и близкие отношения остаются важным фактором фелицитарности, хотя их форма претерпевает изменения. Молодые люди не спешат вступать в брак, предъявляя более высокие требования к качеству отношений. Экономические барьеры - отсутствие жилья, нестабильный доход - также отодвигают создание семьи на поздний срок и препятствуют появлениям ощущений счастья среди молодежи.

Самореализация и любимое дело - еще два взаимосвязанных фактора. Современная молодежь стремится найти работу, которая приносила бы не только доход, но и удовлетворение. Однако рынок труда часто предлагает стандартизированные позиции без возможностей для творчества и развития, что порождает разочарование.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровой среды. Социальные сети создают иллюзию «идеальной жизни», заставляя молодых людей постоянно сравнивать себя с другими. Это ведет к снижению самооценки, тревожности и ощущению собственной неполноценности. Кроме того, зависимость от гаджетов и информационная перегрузка способствуют эмоциональному выгоранию и препятствуют появлению у молодежи чувства счастья.

Важным субъективным фактором становится внутреннее состояние индивидов. Все больше молодых людей говорят о стремлении к гармонии с собой, умении радоваться мелочам и ценить текущий момент. Однако достичь этого состояния мешает высокая тревожность, вызванная нестабильностью, рисками и постоянным давлением извне.

Наконец, отношение к будущему формирует особую стратегию жизни. В условиях экономических кризисов и геополитической напряженности долгосрочное планирование становится затруднительным. Молодежь все чаще предпочитает жить сегодняшним днем, не загадывая далеко вперед, что является скорее адаптивной реакцией, чем проявлением легкомыслия. Поэтому ее чувство счастья становится сиюминутным, краткосрочным.

Таким образом, счастье в представлении современной молодежи зависит от сложного комплекса факторов, находящихся в постоянном противоречии друг с другом. Здоровье, материальная стабильность, семья, самореализация, внутренняя гармония - все это важно, но часто труднодостижимо. Понимание этих противоречий необходимо для того, чтобы создавать условия, в которых молодые люди могли бы чувствовать себя не просто успешными, а по-настоящему счастливыми.

Список литературы

¹. *Алексеев С.А., Никитина Т.Н.* Методологические принципы социологического исследования представлений молодежи о счастье // ВЭПС. 2024. №3. - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-printsipy-sotsiologicheskogo-issledovaniya-predstavleniy-molodezhi-o-schastie> (дата обращения: 25.03.2026).

². Егорова М.Д., Гречушкина Н.В. Представление о счастье в молодежной индустрии // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. №2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-schastie-v-molodezhnoy-industrii> (дата обращения: 25.03.2026).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.А. Пловникова

Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

В современной России государственная миграционная политика обусловлена возрастающей ролью миграционных процессов в социально-экономическом развитии регионов. Для Саратовской области эта проблема особенно актуальна. Миграционный поток компенсирует естественную убыль населения и позволяет закрывать вакансии на рынке труда. Без должного государственного управления эти процессы могут нести определённые риски. Проблема усугубляется тем, что механизмы адаптации и интеграции мигрантов часто работают не так, как планировалось. Нельзя игнорировать и отношение местного населения к приезжим. Оно напрямую влияет на стабильность в обществе. Поэтому важно разобраться, как государство регулирует миграцию, какие есть проблемы и как население относится к приезжим.

Саратовская область, занимая стратегически важное положение в Приволжском федеральном округе, демонстрирует миграционные тенденции, сочетающие общероссийские закономерности с выраженной региональной спецификой. Анализ статистических данных за 2021–2023 годы свидетельствует о сохранении отрицательного сальдо миграционного обмена с другими субъектами Российской Федерации.

Структура миграционных потоков в области имеет многомерный характер. Во-первых, преобладает трудовая миграция, ориентированная на строительство, торговлю, жилищно-коммунальное хозяйство и сельское хозяйство. Во-вторых, значительную роль играет образовательная миграция, обусловленная наличием в Саратове крупных вузов, привлекающих абитуриентов из соседних субъектов. В-третьих, в период 2022–2024 годов возросла доля вынужденных переселенцев и беженцев из сопредельных территорий. Важным аспектом остается и внутрирегиональная миграция: жители малых населенных пунктов и районных центров концентрируются в Саратове, Энгельсе и Балаково, что приводит к депопуляции периферийных территорий и повышению нагрузки на инфраструктуру крупных городов.

Система государственного регулирования миграционных процессов в Российской Федерации представляет собой многоуровневую структуру, включающую конституционные нормы, федеральное законодательство, подзаконные акты, а также международные договоры. Однако, и на

региональном уровне идет работа по формированию правовой базы с учетом местных особенностей.

На сегодняшний день в регионе действует государственная программа «Содействие занятости населения, совершенствование социально-трудовых отношений и регулирование трудовой миграции в Саратовской области» (Постановление Правительства СО от 14.03.2019 № 150-П). Программа направлена на восполнение дефицита трудовых ресурсов и интеграцию участников программы по добровольному переселению соотечественников¹.

В 2025 году область приняла несколько нормативных актов, регулирующих миграцию на 2026 год:

1. Запрет на привлечение иностранных работников по отдельным видам деятельности. Постановление Губернатора Саратовской области от 18.12.2025 № 315 установило на 2026 год запрет для хозяйствующих субъектов региона на привлечение иностранных граждан, работающих на основании патентов, по определенным видам экономической деятельности. Эта мера позволяет поставить в приоритет трудоустройство граждан РФ в тех секторах экономики, где нет острого дефицита кадров².

2. Регулирование квот через коэффициент рынка труда. Закон Саратовской области от 20.11.2025 № 83-ЗСО установил на 2026 год специальный коэффициент, отражающий региональные особенности рынка труда. Данный коэффициент используется при расчете потребности в привлечении иностранных работников и напрямую влияет на количество выдаваемых разрешений на работу и патентов³.

При этом остаётся ряд нерешённых вопросов: сроки пребывания по федеральным нормативам не всегда совпадают с потребностями работодателей; оформление документов затягивается; квалификация мигрантов часто не соответствует запросам экономики (в промышленности не хватает кадров, а в сфере услуг - избыток).

Для решения этих проблем необходимо наладить электронное взаимодействие между ведомствами, расширить программы целевого привлечения и регулярно отслеживать эффективность введённых мер.

Миграционная политика Саратовской области в целом следует федеральным трендам, но учитывает местную специфику. Для большей эффективности нужно решить вопросы с согласованием нормативной базы и упростить административные процедуры.

Список литературы

¹. Содействие занятости населения, совершенствование социально-трудовых отношений и регулирование трудовой миграции в Саратовской области : государственная программа : утв. постановлением Правительства Саратовской обл. от 14.03.2019 № 150-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6400201903200006> (дата обращения: 19.04.2026).

² О запрете на привлечение иностранных работников по отдельным видам экономической деятельности : постановление Губернатора Саратовской обл. от 18.12.2025 № 315 // Официальный портал Правительства Саратовской области. URL: <https://g->

64.ru/docs/postanovleniya-gubernatora/postanovlenie-gubernatora-saratovskoy-oblasti-ot-18-dekabrya-2025-goda-315/ (дата обращения: 19.04.2026).

^{3.} Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда Саратовской области на 2026 год : закон Саратовской обл. от 20.11.2025 № 83-ЗСО// Официальный портал Правительства Саратовской области. URL: <https://g-64.ru/docs/zakony-oblasti/zakon-saratovskoy-oblasti-ot-20-noyabrya-2025-g-83-zso/> (дата обращения: 19.04.2026).

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАЛОИМУЩИХ СЕМЕЙ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ

Д.А Покусаева

Саратовский государственный университета имени Н.Г. Чернышевского

Бедность и социальное неравенство остаются актуальной проблемой для России. По данным Росстата на 2022 год, 75,8% малоимущих домохозяйств имели детей до 16 (18) лет¹. В Саратовской области около 44,6% детей до 16 лет в 2022 году проживали в малоимущих семьях, что подчеркивает значимость эффективной системы социального обеспечения².

Цель статьи – анализ системы социального обеспечения малоимущих семей в Саратовской области. Задачи: определить понятие малоимущей семьи, раскрыть теоретические основы социального обеспечения в РФ, охарактеризовать современную систему соц. обеспечения малоимущих семей в Саратовской области.

Понятия «малоимущность» и «малообеспеченность» различаются. Малоимущей признается семья, чей среднедушевой доход за три месяца не превышает региональный прожиточный минимум (ПМ). Статус малообеспеченной определяется по доходу за двенадцать месяцев с учетом имущественного положения³. В контексте гос.помощи чаще используется «малоимущая семья» (ФЗ № 134-ФЗ).

Критерии малоимущей семьи:

Доходный: Среднедушевой доход ниже или равен региональному ПМ.

Состав семьи: Учитываются родственники и иждивенцы.

Имущественный: В некоторых регионах наличие дорогостоящего имущества может быть причиной отказа.

Малоимущность обусловлена множеством факторов:

Экономические: Низкая зарплата, безработица.

Медицинские: Заболевания, инвалидность.

Образовательные: Низкий уровень образования.

Демографические: Многодетность, неполные семьи.

Социальные: Криминальное поведение, зависимости, изоляция⁴.

Бедность часто носит устойчивый характер, передаваясь из поколения в поколение из-за низкой социальной мобильности и ограниченного доступа к образованию.

Социальное обеспечение - это система мер, направленных на поддержку граждан, которые временно или постоянно нуждаются в помощи из-за различных жизненных обстоятельств.

Меры соц. поддержки:

Федеральные: Выплаты и пособия на детей (маткапитал), льготы по пенсиям матерям, помощь в трудоустройстве, бесплатное обучение.

Региональные: Денежные выплаты, субсидии на ЖКУ, жильё, земельные участки, бесплатный проезд, лекарства, питание. Особое место занимает социальный контракт – соглашение между соц. учреждением и малоимущей семьей, нацеленное на преодоление бедности через целевую помощь.

В Саратовской области (население \approx 2,4 млн) 12,3% населения (296,8 тыс. человек) живут ниже ПМ (14 896 руб. с 1 января 2025 г.). Система соц. защиты региона базируется на федеральных и региональных законах: Закон Саратовской области «О пособии на ребенка...», «О государственной социальной помощи...», Постановление Правительства «Об условиях, порядке назначения и выплаты государственной социальной помощи на основании социального контракта» и др.

Организационная структура: Министерство труда и социальной защиты возглавляет сеть подведомственных учреждений (комплексные центры соц.обслуживания, реабилитационные центры, центры занятости). Некоммерческие организации («Шанс», «Хорошие люди») дополняют господдержку.

Основные виды соц.поддержки:

Денежные выплаты: Ежемесячные пособия, единовременная гос. соц.помощь по соц.контракту (до 350 000 руб.), субсидии на ЖКУ.

Натуральная помощь: Продукты, средства гигиены, школьные товары, льготные лекарства, бесплатное школьное питание.

Услуги: Бесплатные юридические консультации, организация оздоровительного отдыха.

Получение помощи требует подтверждающих нуждаемость документов, которые рассматриваются комиссиями.

Несмотря на комплексность системы, проблема бедности требует постоянного контроля и корректировки программ. Совершенствование системы социального обеспечения – ключевой фактор улучшения качества жизни населения и обеспечения социальной стабильности в регионе.

Список литературы

1. Семья, материнство и детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=yabrowser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUFoewruBqE2_H6FleIc9iaa3xcBvur1cYGL_r6vIVmmCPxCF7J6met4_wyFMo8foKvC0gdvjIKvs-Ow_BuH41zZRPnlczawe9hOjUKqh5qtpu1suAu9GIySd_mtchjNPrcmL9IYA%3D%3D%3Fsign%3DqG7ObujOTYQ-7rL-FHClZ4LaiYTWR-T4a7PXcUpCoek%3D&name=SMD_1.3.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 09.11.2025).

². Малоимущие и малообеспеченные: в чём разница [Электронный ресурс] // PPT.RU: [сайт]. URL: <https://ppt.ru/art/posobiya/maloimushchie-i-maloobespechennye-v-chem-raznitsa> (дата обращения: 09.11.2025).

³. Аникина А.А. Состояние российской семьи: причины малообеспеченности и неблагополучия // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2022. URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018029126> (дата обращения: 09.11.2025).

4. Юдинцева, О.А. Социальный контракт для малоимущих / О. А. Юдинцева // Инновации в науке и практике : Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции. В 5-ти частях, Барнаул, 28 апреля 2018 года. Том Часть 1. – Барнаул: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. – С. 203-207.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НЕЗРЯЧИХ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА: СВОБОДА ВЫБОРА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

А.И. Пономарев

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Тема социальной адаптации незрячих людей третьего возраста весьма актуальна в современной России из-за роста продолжительности жизни и соответственно числа пожилых с полной потерей зрения. Большинство случаев полной потери зрения приходится на возраст после 60 лет (возрастная макулодистрофия, глаукома, осложнения диабета, травмы). Таким образом, мы имеем дело с категорией поздноослепших. Для них потеря зрения – это не просто физический дефект, а глубокая духовная и психологическая травма, разрушающая привычный образ жизни в тот момент, когда адаптационные возможности организма значительно снижены¹.

В современном мире с его доминирующей визуальной культурой незрячие люди сталкиваются с особыми вызовами, но именно через призму триединой природы человека – тело, душа и дух – мы можем понять степень успешности их социокультурной адаптации. Социокультурная адаптация – это не просто компенсация потери зрения, а активный процесс, где человек реализует свободу выбора (адаптация или неучастие) и берет на себя ответственность.

Мы предлагаем рассмотреть социокультурную адаптацию незрячих третьего возраста через призму триединой природы человека – тело, душа (психика, интеллект), дух (социокультурно-смысловое измерение) – и показать, как на каждом уровне реализуются свобода выбора и ответственность.

Сегодня под адаптацией мы понимаем не только устранение барьеров окружающей среды², но и восстановление способности человека жить в обществе осмысленно и самостоятельно. Эффективную адаптацию обеспечивает поиск баланса между свободой выбора индивида и согласованием сфер ответственности – личной, семейной, общественной и институциональной. Представление о триединстве природы человека помогает систематизировать траектории адаптации и расставить приоритеты.

Триединая модель рассматривает человека как единство трех взаимосвязанных измерений: телесное (физическое функционирование, навыки, адаптивные средства); психологическое (эмоциональное состояние, самооффективность, мотивация); социокультурно-смысловое (социальные роли, социальный статус, идентичность, участие в общественной и культурной жизни, поиск смысла жизни, обретение веры). Каждое измерение требует специфических воздействий, но их эффективность мультиплицируется при скоординированном взаимодействии всех трех уровней.

Под свободой выбора понимается возможность человека самостоятельно определять способы компенсации утраты зрения, формы социальной активности и степень нуждаемости в помощи^{3;4}. Ответственность – распределение обязанностей между субъектами поддержки: самим человеком, семьей, профессионалами, федеральными и местными органами власти и НКО. Критически важно, чтобы свобода выбора была практической, а не номинальной: наличие опций (например, технического устройства или услуги) должно сопровождаться возможностью их освоения, проверки, и изменения решения. Это требует прозрачного распределения ответственности и механизма сопровождения.

Незрячие люди теряют визуальный канал восприятия, что ограничивает мобильность, самообслуживание и доступ к информации. В третьем возрасте потеря зрения накладывается на общее старение организма (снижение слуха, замедление реакций, сопутствующие заболевания). Биологический дефект создает физический барьер между человеком и миром. Здесь работают медицинская реабилитация и развитие компенсаторных механизмов. Мозг должен перестроиться, чтобы извлекать максимум информации из оставшихся чувств (слух, осязание)⁵. Ассистивные технологии здесь выступают как «техно-биологический» протез, расширяющий возможности физического тела (например, ультразвуковые очки или датчики препятствий). Для незрячих третьего возраста приоритетны простые в освоении устройства, ориентированные на слух, тактильные ощущения, и голосовые помощники: программы экранного доступа (NVDA, JAWS, TalkBack) с речевым синтезом, позволяющие самостоятельно работать с компьютером и смартфоном; тифлоустройства (брайлевские дисплеи). Голосовые ассистенты (Яндекс.Алиса, Google, Siri) читают текст, управляют «умным домом» и помогают ориентироваться в пространстве, что важно для обретения независимости.

Однако выдача технического средства без обучения и сервисного сопровождения редко обеспечивает самостоятельность незрячего. Технология превращается в реальный инструмент тогда, когда человек имеет возможность выбрать устройство, пройти обучение и получить поддержку в период адаптации. Ответственность здесь распределяется: муниципальные и медицинские службы – за обследование и диагностику, стандарты и финансирование базовой помощи; НКО и центры реабилитации – за обучение и сервис, сам человек – за принятие решения и активное участие в освоении средств, что едва ли возможно без мотивации. Мотивация же, в свою очередь, невозможна без работы с внутренним миром человека⁶.

Психо-эмоциональная и интеллектуальная сфера незрячих людей третьего возраста подвержена значительным нагрузкам из-за двойной уязвимости (потери зрения на фоне вступления в «серебряный возраст»), но свобода выбора технологий и практик в сочетании с личной ответственностью способствует успешной адаптации. Потеря зрения вызывает чувство беспомощности, социальной изоляции, тревогу и депрессию. Большинство незрячих третьего возраста испытывают средний или высокий уровень личностной и ситуативной тревоги, страх перед будущим, снижение самооценки. В ряде случаев возникает дисморфофобия (отвращение к своему образу), оборонительная позиция, пассивные стратегии адаптации (ориентация на помощь государства или родных) и эмоциональное неблагополучие, приводящее к враждебности и отстраненности⁷.

Свобода в этом измерении означает право на собственный темп адаптации и выбор форм психологической поддержки (индивидуальная терапия, группы поддержки, духовные практики). Однако, личная воля незрячего нуждается в ресурсной опоре: доступных психосоциальных услугах, подготовленных специалистах, семейной грамотности в вопросах поддержки, которые не нивелируют автономию человека.

Практика показывает высокую эффективность комбинированных программ: обучение навыкам самообслуживания + когнитивно-поведенческая терапия + групповые формы взаимопомощи. Важно вовлекать близких в сопровождение, обучая их поддерживать автономию и не замещать решения пожилого человека. Ответственность за организацию и доступность таких услуг лежит на системе здравоохранения, социальной защиты и общественных организациях.

Социокультурно-смысловое измерение в социокультурной адаптации незрячих третьего возраста фокусируется на формировании осмысленных ценностных ориентаций, где взаимодействие с социокультурной средой приводит к гармонизации личных смыслов с общественными нормами и целями. Это процесс, в котором незрячие осваивают социокультурное пространство через ценностно-смысловые ориентации: от пассивного приспособления к активному конструированию смысла жизни, включая цели, приоритеты и духовный рост. Для третьего возраста оно актуально из-за комбинации потери зрения с возрастными изменениями – формируется модель поведения для компенсации ограничений, где смыслы (семья, вера, самореализация) мотивируют к интеграции в общественно-политическую и культурную жизнь¹.

Свобода выбора и ответственность играют ключевую роль в социокультурно-смысловом измерении адаптации незрячих людей третьего возраста, позволяя формировать осмысленные ценностные ориентации и гармонизировать личные смыслы с социокультурным пространством. Свобода выбора расширяет сферу самостоятельности: пожилые выбирают социокультурные практики (культурные мероприятия, клубы ВОС, участие в жизни приходов), конструируют жизненные стереотипы, что приводит к гармонизации с внешней средой. В домах-интернатах это порождает ощущение

нужности, востребованности, уверенности и мотивацию к реализации своего творческого и интеллектуального потенциала для личного блага и окружения. Выбор ценностей (семья, здоровье, вера, работа) определяет приоритеты, превращая ограничения в возможности самореализации. Ответственность проявляется в активном применении навыков для удовлетворения разнообразных потребностей, принятия решений, преодоление обособленности; без нее адаптация становится пассивной, приводя к дезорганизации или девиантности.

Общество и институты несут ответственность за адаптацию форматов (аудиопрограммы, доступные площадки, модификация образовательных и досуговых программ), создание возможностей для работы, наставничества и волонтерства².

Потеря зрения в третьем возрасте нередко подталкивает человека к глубоким духовным поискам. Духовность (как индивидуальный поиск смысла, связи с чем-то большим, трансцендентным) и религия (как организованная система верований и практик) становятся мощными ресурсами адаптации⁷.

Свобода выбора в данном измерении проявляется в возможности самостоятельно формировать свою духовную идентичность, выбирать или изменять свою религиозную принадлежность, а также определять степень своего участия в жизни общины или прихода. Ответственность же подразумевает активное поддержание своей духовной жизни, поиск источников утешения и смысла, а также участие в жизни общины, если это соответствует личным возможностям, убеждениям и потребностям.

Механизмы реализации баланса свободы и ответственности:

1. Индивидуальный план адаптации (далее – ИПА). ИПА разрабатывается совместно с человеком и включает цели, варианты помощи, ответственных и сроки. ИПА обеспечивает право на выбор и одновременно фиксирует конкретные обязательства служб и исполнителей.

2. Многоуровневое сопровождение. Координация технического обучения, психологической поддержки и социокультурной интеграции через кейс-менеджера или социального работника снижает риск разобщенных усилий и повышает вероятность достижения устойчивого результата.

3. Обязательное обучение при выдаче техники. Технология должна поставляться вместе с обучением и сервисом: пробный период, поддержка в первые 1-3 месяца и доступ к ремонтному сервису.

4. Стандарты качества и мониторинг. Введение критериев оценки эффективности (функциональная независимость, качество жизни, уровень участия) и механизмов мониторинга обеспечивает корректировку программ и распределение ресурсов.

5. Финансовая устойчивость. Смешанные модели финансирования: государственные гарантии для базовых услуг и поддержка НКО/частных инициатив для дополнительных программ.

Таким образом, социокультурная адаптация незрячих третьего возраста требует целостного, междисциплинарного подхода, в котором свобода выбора индивида и согласование сфер ответственности составляют единую систему.

Триединая модель (тело, психика, социокультурно-смысловое измерение) позволяет последовательно проектировать сопровождение, обеспечивающее не только функциональную независимость, но и сохранение смысла жизни и социальной роли. Реализация предложенных механизмов (ИПА, обязательное обучение при выдаче технологий, междисциплинарное сопровождение, адаптация социокультурных форматов) поможет превратить декларативную свободу выбора в реальный ресурс для незрячих «серебряного возраста».

Список литературы

1. *Лоторева Е.В.* Социокультурная адаптация незрячих людей в современном российском обществе // дисс. к.социол.н., Новочеркасский политехнический институт. – Новочеркасск, 2011. – 156 с.
2. *Пономарев А.И.* Социальные проблемы региона глазами незрячего магистранта: дискурс инклюзивного пространства // Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2025. – Вып. 25. С. 88-90.
3. ФЗ № 122-ФЗ от 02.08.1995 «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»
4. ФЗ № 181-ФЗ от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в РФ».
5. *Литвак А.Г.* Психология слепых и слабовидящих // учеб. пособие; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. – 271 с.
6. *Пятакова Н.П.* Социальная адаптация слепых и слабовидящих людей в современном обществе: социально-философский анализ // дисс. к.филос.н., Донец. гос. техн. ун-т. – Ростов-на -Дону, 2010. – 213с.
7. *Волкова И.П.* Психология социальной адаптации и интеграции людей с глубокими нарушениями зрения // автореф. дисс. д.псих.н., – СПб, 2010. – 43с.

ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К.С. Романенко

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Современная российская модель управления функционирует в условиях глубокой социально-политической трансформации. Этот процесс требует переосмысления культурно-ценностной составляющей основных участников социально-политического процесса, административно-политической элиты и общества в целом, что выступает необходимым условием трансформации модели управления в качественно новое состояние и в целом делает её возможной.

Модель управления в абстрактно-теоретическом концепте представляет собой систему управления, отстранённую от конкретных особенностей, свойственных тому или иному социуму. А.В. Тихонов же разрабатывает авторскую концепцию, основываясь на культурно-исторической специфике, присущей каждому обществу, что и будет определять в совокупности

социокультурную персонифицированную модель управления¹. Она представляет собой, соответственно, модель управления, которой присущи социокультурные черты, сложившиеся в ходе исторического развития конкретного общества, и на которую влияют конкретные властвующие личности, персоны.

Социокультурная персонифицированная модель управления раскрывается автором через такие концепты, как властно-управленческая вертикаль² (представляет собой синкретическое единство, синтез власти и управления), управляемость¹ (критерий эффективности конкретной модели управления при регуляции общественных отношений) и гражданский договор³ (содержание отношений власти и общества и их направленность). Стоит выделить критически важный для трансформации модели управления концепт - персонифицированность⁴. Она заключается в том, что властно-управленческие функции выполняются субъектами управления, а именно административно-политической элитой, которая является носителем управленческой культуры, важнейшими для модели управления элементами которой являются политическая и правовая культура элиты. Особенность их заключается в том, что характерные им свойства будут напрямую влиять на то, как элита выстраивает саму систему модели управления, какой задаёт ей вектор развития.

Также необходимой для исследования является типология моделей управления, общепринятыми критериями для которой выступают критерий стиля руководства и характера принимаемых решений, критерий ценностно-целевого основания и критерий направленности функционирования, который будет наиболее рационально взять для анализа модели управления как конструкции макроуровня. По этому критерию, как отмечает Д.В. Покатов, выделяют такие модели управления (или же парадигмы), как технократическая, экстенсивная, (наиболее приближенная к текущему положению российской модели управления) и социально ориентированная, инновационная (потенциальная, процесс необходимости трансформации в которую будет рассматриваться далее). Основанием технократической парадигмы является приоритет производственно-технологических показателей и редуцирование значения социальных целей и мотивации отдельно взятых индивидов. Элита же будет выполнять функцию односторонней реализации программно-целевого подхода. Индивид в данной модели рассматривается, соответственно, как средство решения производственных либо общегосударственных задач. Социально ориентированная модель в свою очередь характеризуется признанием ценности отдельного индивида и создании условий, которые помогли бы ему раскрыть свой потенциал в наиболее полном виде. Функционирование системы же главным образом осуществляется с учётом потенциальной реакции общества на управленческие решения. Социум в свою очередь станет не просто объектом управления, а полноценным его субъектом. Особое место в управлении обществом также будет занимать социальная политика. Деятельность элиты же превратится в анализ и учёт основных интересов ведущих в обществе социальных групп⁵.

Подтверждением тезиса о технократическом уклоне современной российской модели управления служит социологическое исследование в виде контент-анализа биографии представителей федеральной и региональной элиты, проведенное Д.В. Покатовым. По результатам исследования было установлено, что техническое образование имеется у 60,8 % федеральных политических деятелей, тогда как на региональном уровне (в т.ч. в Саратовской области) этот показатель находится на уровне 31,2 % представителей административно-политической элиты. Также значительные позиции занимают группа хозяйственников и менеджеров (37,6 % на федеральном уровне и 58,8 % в Саратовской области), группа силовиков (15,7 % на федеральном уровне) и группа выходцев из бывшей партийной и комсомольской элиты (около 5,7 % на федеральном уровне)⁵.

Как уже отмечалось, современная российская модель управления находится не в статичном состоянии, а в динамичном, то есть в процессе трансформации. Среди наблюдаемых тенденций исследователи выделяют гуманизацию и клиентоориентированность управленческого процесса, его цифровизацию и открытость.

Несмотря на разворачивающиеся трансформационные процессы, полноценному эффективному преобразованию модели управления в социально ориентированное состояние препятствуют особенности управленческой культуры современной административно-политической элиты. Далее стоит сказать про них детальнее.

Помимо положительных тенденций в виде стремления сделать свою страну самодостаточной и конкурентоспособной, выделяются и такие деструктивные тенденции, как рост технократизма, коррумпированность отдельных политических сегментов, стремление к поддержанию умеренно-патриархальной политической культуры общества и правовой нигилизм. Проблемы современной российской модели управления, корнями уходящие в обозначенные деструктивные особенности политико-правовой культуры российской элиты, предлагает решить Е.В. Охотский в своей концепции национально-ориентированной элиты⁶. По этой концепции административно-политическая элита должна воспитываться на ценностях, принятых в обществе, в котором она функционирует, и, более того, быть примерным носителем этих идей, служить общему делу и обладать суверенностью.

Однако стоит отметить, что не ограниченная внешним контролем элита может быть склонна к изоляционизму, что в свою очередь увеличит разрыв между элитными группами и народом. Во избежание этого обществу будет необходимо массово развивать активистскую политическую культуру, характерным свойством которой является глубокое понимание его представителями политических процессов и их активное участие в политической жизни, где свою роль уже должна будет играть социология. Г.Е. Зборовский подчёркивает два пути развития социологии как науки, где первый вариант - это обслуживающий статус науки применительно к власти, где элитой признаются только те социальные исследования, выгодные ей самой; а второй вариант - это социология как элемент гражданского общества и полноценный

его институт, честно и прозрачно анализирующий имеющиеся социальные процессы и обучающий общество критически и небезразлично рассматривать окружающую социальную действительность. Для рассматриваемой в работе концепции критически необходима будет именно второй путь. Политически активное общество должно будет выполнять функцию гражданского контроля, что будет служить эффективным противовесом власти элиты и необходимым структурным элементом для должного и устойчивого функционирования модели управления⁷.

Подводя итог, можно отметить, что российская модель управления претерпела за последние годы определенные трансформационные изменения. Важно, чтобы этот процесс носил социально ориентированный характер. И при этом важно, чтобы он ориентировался на культурно-ценностные основания изменений как административно-политической элиты, так и всего общества, что приведёт модель управления к преобразованию в качественно новое, национально ориентированное состояние, где будет найден органичный баланс между национально ориентированной элитой и активистским гражданским обществом.

Список литературы

1. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: КРАСАНД, 2015. – 480 с.
2. *Тихонов А.В.* Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. – 2014. – № 3 (10). – С. 66-84.
3. *Тихонов А.В.* Раскол в современном российском обществе: общество vs власть // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 68-83.
4. *Тихонов А.В.* Социология управления. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. – 472 с.
5. *Покатов Д.В.* Политическая элита современной России и формирование новой парадигмы управления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2009. – №4. – С. 8-11.
6. *Охотский Е.В.* Правящая элита: статусные императивы, компетенции, стратегические и ситуационные трансформации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 47-68.
7. *Зборовский Г.Е.* Социология управления и управление социологией // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. - Екатеринбург: УрФУ, 2015. - С. 185-192.

РУКОВОДСТВО И ЛИДЕРСТВО В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

К.С. Романенко

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Лидерство и руководство, рассматриваемые как социальное явление и социальный процесс, имеют важное место в социальной жизни любой социальной группы. Лидеры и руководители в её рамках выполняют классические функции управления, такие, как планирование, организацию, мотивацию и контроль. Проблема заключается в том, что нередко случаи, когда лидером и руководителем в рамках одной социальной группы, будь то студенческий совет, профсоюзный комитет или же академическая группа, являются разные люди. Подобная ситуация может привести к противоборству, столкновению между лидером и руководителем в процессе исполнения одних и тех же управленческих функций. При дальнейшем развитии конфликта к процессу могут подключиться сторонники как руководителя, так и лидера, что приведёт к полной дезорганизации группы и распаду на противоборствующие лагеря. Изучение данной ситуации стоит начать с определения лидерства и руководства.

Сложилось две концепции в определении руководства и лидерства. В западной парадигме принято, как правило, отождествлять эти два понятия, но в дальнейшем это ведёт к универсализму, который будет мешать анализу особенностей рассматриваемых явлений. В отечественной же парадигме сложилась концепция, в которой принято разделять лидерство и руководство как сферы, соответственно, неформальных и формальных общественных отношений. Эту концепцию ещё в 1973 году в работе «Руководство и лидерство» заложил Б.Д. Парыгин¹. В дальнейшем эту же теорию развивала Г.М. Андреева в многократно переиздававшемся учебном пособии «Социальная психология», систематизируя учение Б.Д. Парыгина и конкретизируя, что лидерство - это главным образом психологическая характеристика, когда руководство - социальная². Эту концепцию мы возьмём за основу теоретического определения рассматриваемых явлений - лидерства и руководства.

Рассмотренные нами авторы выводят развёрнутую сравнительную систему из семи критериев, терминологически разводящую понятия лидерства и руководства, однако нам главным образом важен один критерий - разделение по сфере регуляции общественных отношений, где лидер регулирует неформальные отношения, а руководитель - формальные отношения.

Далее перейдём к основаниям легитимности как формального руководителя, так и неформального лидера, где и обоснуем основной проблемный аспект во взаимодействии между ними. Для этого рационально будет использовать идеальнотипическую концепцию легитимности М. Вебера. Прибегнув к ней, можно констатировать, что в социальной группе основанием лидерства будет харизматический тип легитимности³, строящий стабильность и

авторитет лидера на его харизме, привлекающей к нему сторонников. Руководство же будет поддерживаться рационально-легальным типом легитимности³, обуславливающим руководителя формальной процедурой назначения или же избрания, признаваемой всем сообществом, в котором он находится.

Идеальным для коллектива будет являться положение, когда руководитель и лидер, рационально-легальные и харизматические основания легитимности сочетаются в одном человеке. При таком раскладе будут синтезироваться принципы вертикальной иерархии должности и принципы горизонтальной координации авторитета⁴. В этой концепции человеку, претендующему на абсолютное господство в обеих сферах общественных отношений, будет необходимо при формальном управленческом статусе стараться иметь максимально возможное количество неформальных связей в рамках коллектива⁵. Это ведёт к новому витку интеграции и командообразования, повышению уровня взаимодействия и взаимопомощи в коллективе.

Деструктивные тенденции могут наметиться в той ситуации, когда руководство и лидерство будут находиться в разных руках. Тогда открывается широкое поле для взаимодействия руководителя и лидера. Их взаимодействие может заключаться, к примеру, в более компромиссных формах. Здесь может иметь место разделение сфер влияния между управляющими (где лидер берёт на себя координацию сферы неформальных отношений в группе, а руководитель - сферу формальных отношений) или кооперация (взаимодополнение и взаимопомощь в их слабых местах). Более конфликтными формами же могут быть, скажем, игнорирование управляющими друг друга (когда руководитель и лидер автономно функционируют в рамках своих сфер), поглощение функций одного из управляющих (когда руководитель признаётся коллективом как авторитет или же лидер избирается либо назначается на руководящую должность), скрытый или открытый конфликт (наиболее радикальная форма взаимодействия, что наиболее деструктивно будет влиять на атмосферу в коллективе и на его уровень сплочённости).

Подводя итог, можно сказать, что взаимодействие руководства и лидерства является важным социальным процессом, напрямую влияющим на уровень взаимопонимания, взаимодействия в коллективе и даже на эффективность его деятельности. Наиболее благоприятными для коллектива вариантами взаимодействия являются либо синтез рассматриваемых явлений в одном лице, либо рациональная координация нескольких управляющих, которая покрывает их слабые стороны.

Список литературы

¹. Парыгин Б.Д. Руководство и лидерство: (опыт социально-психологического исследования): сборник научных трудов / под ред. Б.Д. Парыгина; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л.: [б.и.], 1973. 143 с.

². Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2003. 363 с

^{3.} Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология / пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. - 445 с.

^{4.} Абрегова И.И. «Руководство» и «лидерство» как явления социального управления // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. Вып. 1. С. 27–32.

^{5.} Данакин Н.С., Конев И.В., Федина К.В. Интеграция формальных и неформальных отношений в организации как направление управленческой деятельности // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6 (160). С. 25–29.

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ НА ПЕНСИИ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

А.Е. Садчикова

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В условиях демографического старения российского общества и объективного сокращения численности трудоспособного населения проблема эффективного использования трудового потенциала граждан пенсионного возраста выходит на первый план. Особенно остро данная проблема стоит в медицинской сфере, где сохраняется высокий дефицит квалифицированных кадров, а многолетний профессиональный опыт пожилых врачей и медсестёр представляет собой критически важный ресурс. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа реального положения пенсионеров-медиков на рынке труда для выработки эффективных мер по их интеграции в систему здравоохранения.

Для описания проблемного поля будет рассмотрена одна задача: анализ положения работающих пенсионеров в сфере занятости, определение уровня их вовлечённости в трудовую деятельность и особенностей распределения по различным секторам и формам занятости.

Для решения данной задачи обратимся к результатам авторского исследования, проведённого в период с января по март 2026 года и охватившего 101 респондента. В ходе исследования была сформирована целевая выборка, основными критериями которой являлись достижение пенсионного возраста, наличие медицинского образования и опыта работы в здравоохранении, а также проживание в городе Саратове. Социально-демографический портрет выборки выглядит следующим образом: женщины составляют 62,7% опрошенных, мужчины - 37,3%. Возраст респондентов варьируется от 53 до 75 лет, наиболее распространённый возраст - 68 лет (12 человек). Таким образом, выборку характеризуют высокая доля женщин, что отражает гендерную структуру медицинской профессии в целом, и старший пенсионный возраст (среднее значение около 65–67 лет).

Анализ сферы занятости работающих пенсионеров-медиков показал, что подавляющее большинство из них трудятся в государственных или муниципальных медицинских учреждениях - 60% (60 человек). В частных

медицинских клиниках или кабинетах работают 36% (36 человек). Лишь 5% (5 человек) заняты в сфере образования (преподавание в медицинских колледжах или вузах), а 1% указали другую сферу, не связанную с медициной. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что основным местом приложения труда пенсионеров-медиков остаются государственные учреждения здравоохранения. При этом частная медицина также выступает значимым, хотя и менее распространённым, сегментом занятости для данной группы. Крайне низкая доля занятых в образовании может свидетельствовать либо о низкой потребности в преподавательских кадрах пенсионного возраста, либо о барьерах для их трудоустройства в этой сфере.

Изучение графиков и форм занятости показало, что пенсионеры-медики адаптируют свою трудовую активность к своим возможностям и потребностям. На неполном рабочем дне (сокращённые часы) работает наибольшая доля опрошенных - 34,7% (35 человек). Полный рабочий день сохраняют 30,7% (31 человек). Гибкий график (свободный выбор времени начала и окончания работы) используют 15,8% (16 человек), что является достаточно высоким показателем для данной возрастной группы. Сменный график (работа по сменам, день/ночь) характерен для 13,9% (14 человек). Консультационная деятельность или наставничество как основная форма занятости встречается у 2% (2 человека), удалённая работа - у 2% (2 человека), проектная/временная занятость - у 1% (1 человек). Центральная тенденция здесь очевидна: почти поровну распределились те, кто работает полный день, и те, кто выбрал неполный день (30,7% и 34,7% соответственно).

Вывод состоит в том, что пенсионеры-медики демонстрируют гибкость в выборе режима работы: более трети сознательно снижают нагрузку, переходя на неполный день, но при этом почти треть сохраняют полную занятость. Важно отметить, что доля тех, кому доступны действительно удобные для пожилого возраста форматы (гибкий график, наставничество, удалённая работа), остаётся невысокой (суммарно около 20%), что указывает на потенциал для расширения таких форм занятости со стороны работодателей.

Проведённое исследование позволило установить ключевые характеристики положения работающих пенсионеров-медиков в сфере занятости. Во-первых, их трудовая активность сосредоточена преимущественно в государственном секторе здравоохранения (60%), тогда как частная медицина занимает заметную, но меньшую долю (36%). Во-вторых, наблюдается расслоение по формам занятости: треть сохраняют полную нагрузку, а треть сознательно переходит на неполный рабочий день, адаптируя интенсивность труда к возрастным изменениям. В-третьих, несмотря на наличие спроса на труд пенсионеров-медиков, их потенциал в части гибких и удалённых форматов занятости, а также в образовательной сфере используется далеко не полностью. Полученные данные фиксируют, что пенсионеры-медики остаются востребованной профессиональной группой, однако их вовлечённость в трудовую деятельность носит преимущественно традиционный характер (полный/неполный день в госучреждениях). Расширение доступных форматов занятости, включая дистанционную работу, наставничество и проектную

деятельность, могло бы способствовать более полной реализации их социально-трудового потенциала.

Список литературы

1. Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Демографический прогноз до 2035 года. - Москва, 2022.

2. Барановская Татьяна Вячеславовна, Великая Наталья Михайловна. Социально-трудовой потенциал пенсионеров по возрасту: динамика восприятия и реализации в условиях демографического старения // Вопросы управления. 2025. №2 (93). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-trudovoy-potentsial-pensionerov-po-vozzrastu-dinamika-vozpriyatiya-i-realizatsii-v-usloviyah-demograficheskogo-postareniya> (дата обращения: 23.04.2026).

3. Смолькин А.А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 97-103. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5720 (дата обращения: 24.04.2026)

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РФ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Е.С. Саидов

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Актуальная демографическая ситуация в России уже на протяжении последних трех десятилетий характеризуется низкой рождаемостью, значительным разрывом продолжительности жизни у разных полов, а также высокой мужской смертностью. Подобные обстоятельства ставят вопрос поддержания и восстановления демографической ситуации в ряд главнейших для проводимой внутренней политики. В контексте данной проблематики важное значение имеет потребление психоактивных веществ (далее ПАВ), особенно алкоголь и наркотики. Фокус в данном направлении объясняется влиянием потребления на репродуктивный потенциал населения. Происходит это в связи с серьезным влиянием на мужское население трудоспособного возраста. Помимо прямого химического воздействия на репродуктивное здоровье, большую роль играет повышение смертности и вместе с этим увеличение разрыва продолжительности жизни у мужчин и женщин. Эти процессы приводят к увеличению количества неполных семей и уменьшению рождаемости в семьях вторых и последующих детей.

Прежде чем анализировать текущую демографическую ситуацию с позиции влияния ПАВ, необходимо произвести краткий исторический и теоретический анализ. Он поможет более качественно понять происходящие сейчас процессы и выявить основные закономерности. Истоками актуальной отечественной демографической ситуации традиционно принято считать развал Советского Союза и последующий кризис 1990-ых годов. Данный подход

объясняется глубинными изменениями в различных сферах общества, которое коснулось: структуры государства, культуры, законодательства, увеличение преступности, уменьшение количества рабочих мест и глубокий экономический кризис.

Анализируя данный период с теоретической точки зрения, мы во многом пытаемся интерпретировать 90-ые года с позиций теории аномии¹. К главным маркерам данного процесса мы отнесём стремительную скорость изменений в обществе и прямые негативные последствия для обычных граждан страны. Совместно с данным процессом развивалось и повсеместная нормализация употребления ПАВ в массовой культуре. Более подробно данный процесс был описан в рамках теории Нормализации⁵. Рассматривая период 1990-ых годов с данной точки зрения мы можем увидеть достаточно сильную взаимосвязь ряда негативных процессов, которые в совокупности нанесли значительный вред демографии России. С одной стороны, мы наблюдаем системный кризис и рост преступлений на фоне экономических проблем. С другой же стороны наблюдается значительная нормализация потребления ПАВ и усиление рынка алкогольной продукции.

Теоретически обосновав направления данной работы, мы перейдём к анализу исторической сводки. Говоря о большом влиянии ПАВ на смертность мужчин в России, мы для подтверждения нашего положения можем обратиться к опыту и примерам других постсоветских республик со схожими процессами. Так, в монографии Д. Халтуриной, А. Коротаева, посвящённой явлению «русского креста» (спад рождаемости и увеличении смертности наблюдаемый в РФ после развала СССР) анализируется экономическая ситуация в Грузии и России: «... в 1990-1993 гг. производство ВВП на душу населения упало более чем в три раза и в 1993 г. было более чем в два раза меньше российского. Однако за тот же самый период смертность в Грузии выросла далеко не столь значительно, как в России...»⁴. В данной работе дают чёткие аргументы, что экономические показатели не являются решающими в изучении демографического кризиса России и значительную роль играет алкоголь с инъекционными наркотиками.

Перейдём к анализу актуальных данных. Согласно статике опубликовывающийся на официальном сайте розничные продажи этанола на душу населения увеличились с 6,03 литра в 2019 году, до 6,81 уже в 2024, что напрямую нам говорит об увеличении потребления на душу населения³. Розничная продажа пива в 2011 году составила 1 077 515 тыс. дкл., а в 2024 значение опустилось до 728 960,3 тыс. дкл. Подобный показатель, но уже в отношении водки, составляет 135 914 тыс. дкл. в 2011 и 77 322,0 тыс. дкл. в 2024 году. При более глубоком анализе очевидно снижение показателей общего потребления алкоголя, однако имеются значительные смещение в пропорции потребления этих типов алкоголя. Так соотношение водки и пива в 2011 году было 1 к 7, а уже в 2024 году стало 1 к 9. Текущий алкогольный рынок перестроился и становится очевидным большим акцент на пивных напитках в глазах массового потребителя. Это может нести как положительный характер,

так как смертность от крепкого алкоголя намного выше, так и говорить об переходе пьющего населения на более латентную и бытовую форму.

Другим важным показателем в рамках нашего исследования становится статистика по преступности МВД России, во многом данный выбор объясняется вынужденностью нам как исследователям использовать косвенные показатели. Так, за рассматриваемый период с 2003, по 2025 год, число преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, достигло максимума в 2016 году со значением 395 299². После пиковой отметки наступает снижение данного показателя в несколько раз, и уже к 2025 году оно составило 127 тыс. Схожие по динамике показатели и у преступлений, которые были совершены в состоянии наркотического опьянения. Пик количества преступлений был в 2015 году и уже к 2025 показатель сократился почти в 9 раз. Статистика по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, имеет несколько другой характер. Она принимает волнообразный характер, где пик был достигнут в 2014, и после идёт на спад до 2023 года. Анализируя общие показатели за период двух десятилетий, можно заключить, что преступления связанные с состоянием опьянения от ПАВ действительно уменьшились и причём значительно, однако открытым остается вопрос изменений рынка наркотрафика, его реструктуризация после появления онлайн площадок и возможные усложнения поимки преступников в сфере некритических преступлений.

Итак, потребление алкоголя и наркотиков действительно оказывает негативное воздействие на рождаемость в России. Если сравнивать отечественный опыт со схожим у стран бывшего СССР, становится очевидным негативное влияние потребления ПАВ. В данном случае они выступают важным драйвером множества негативных последствий и бьют по одной из наиболее важных для демографии категории населения, а именно по мужчинам трудоспособного возраста, которые и выступают главными потребителями. Текущие же показатели статистики говорят, что массовый алкоголизм действительно пошёл на спад по отношению к периоду 1990-х годов и из массового явления перешёл скорее в бытовой характер со значительным расширением рынка пивной продукции. Вопрос потребления наркотических веществ же имеет несколько другой характер и требует более тщательного внимания от специалистов. Нами была выявлена устойчивая закономерность снижения преступлений на почве потребления наркотиков, однако данные по незаконному обороту говорят, что проблема ещё не решена до конца.

Список литературы

- ¹ Завалёв А.В. Постсоветская аномия общества // Власть, 2012, №5.
- ² Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.04.2026).
- ³ Официальный сайт Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками. URL: <https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828> (дата обращения: 10.04.2026).
- ⁴ Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006. 56 с.

⁵. Parker H.J., Aldridge J., Measham F. *Illegal Leisure: The Normalization of Adolescent Recreational Drug Use*. London: Routledge, 1998.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТРОНАЖ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Н.С. Свотина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В современном обществе отдельную категорию составляют семьи, находящиеся в социально опасном положении (СОП). К ним относятся семьи, имеющие детей, находящихся в СОП, а также семьи, где родители или иные законные представители не исполняют своих обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию несовершеннолетних, отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними¹. Такие семьи характеризуются угрозой для жизни и здоровья детей вследствие невыполнения родительских обязанностей и нарушенной структурой семейных отношений.

Правовая база, регулирующая работу с семьями СОП в России, представляет собой многоуровневую систему, включающую нормы семейного, административного и социального права: Семейный кодекс РФ, документы Минтруда России, федеральные законы². Основными направлениями государственной политики в сфере работы с семьями СОП являются профилактика, раннее выявление неблагополучия и комплексная реабилитация.

Для семей СОП характерны специфические особенности: отсутствие важных документов, хронические финансовые трудности, длительная безработица взрослых, неудовлетворительные бытовые и санитарные условия, ухудшение здоровья членов семьи, распространение зависимостей и утрата семейных функций³.

Меры профилактики и защиты на ранних стадиях включают: выявление семей СОП органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних и образовательными организациями; социальный патронаж с регулярным посещением семей специалистами; информационно-просветительскую работу с родителями и детьми.

Социальный патронаж понимается как вид социального обслуживания, осуществляемый на дому в форме социального присмотра и посещения граждан, находящихся в группе риска и нуждающихся в помощи⁴. Это один из наиболее эффективных инструментов социальной работы с семьями СОП. Система социального патронажа включает социально-психологическую, социально-педагогическую, социально-правовую и медико-социальную помощь, ориентированную на решение специфических проблем семьи.

Особенностями оказания помощи семьям СОП являются: акцент на ранней профилактике психолого-социального неблагополучия; поддержка родительства до проявления негативных сценариев; активизация социального окружения семьи⁵.

Таким образом, социальный патронаж способен не только минимизировать негативные последствия социально опасного положения семьи, но и способствовать её выходу из кризиса, восстановлению семейных функций и обеспечению благополучия детей. Эффективность патронажа напрямую зависит от системности, комплексности, индивидуального подхода, а также профессиональной компетентности специалистов, способных выстраивать доверительные отношения и мобилизовать ресурсы семьи для достижения устойчивых положительных изменений.

Список литературы

¹. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 24.04.2024) [Электронный ресурс] // Консультант [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/(дата обращения: 04.04.2025). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

². Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 04.04.2025). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

³. *Алексеева, Л.С.* Адресный социальный патронаж семьи и детей: Нучно-методическое пособие / под ред. Л.С. Алексеевой. — М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000. - С.32.

⁴. *Битянова М.Р.* Проблемы детского и семейного неблагополучия / М.Р. Битянова // Классный руководитель 2022. – № 5. – С. 23.

⁵. *Смирнова-Ярская, Е.Р.* Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки / Е.Р. Смирнова-Ярская // Журнал исследований социальной политики - М., 2015- 100 с.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Н.С. Сергеева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Проблема социальной справедливости остаётся одной из наиболее острых в современной России. По данным ВЦИОМ, запрос на социальную справедливость доминирует в массовом сознании россиян на протяжении последних лет¹¹. Рост экономического неравенства, трансформация ценностных ориентаций и восприятие несправедливости как катализатор социальной напряжённости актуализируют изучение данного феномена. Как отмечается в аналитическом обзоре ВЦИОМ, «справедливость для россиян - понятие сугубо относительное», тесно связанное с представлениями о равенстве возможностей и честности власти¹⁰. Согласно мониторингу ФОМ, более 60% граждан считают социальное неравенство основной проблемой общества¹³. Таким образом, исследование представлений о справедливости необходимо для понимания легитимности социального порядка и прогнозирования общественных

настроений. Актуальность темы подтверждается также вниманием СМИ и государственных структур к вопросам распределения доходов и доступности социальных благ.

Степень изученности проблемы включает теоретические и эмпирические работы. В теоретическом плане фундаментальные концепции разработали классики социологии: Э. Дюркгейм (Франция, 1893 г., метод структурно-функционального анализа, объект – социальная солидарность) обосновал справедливость как условие органической солидарности³; К. Маркс (Германия, 1867 г., метод диалектического материализма) раскрыл идеологическую природу справедливости в классовом обществе⁴; М. Вебер (Германия, 1922 г., метод понимающей социологии) связал справедливость с типами легитимности власти². Среди современных авторов Дж. Роулз (США, 1971 г., метод нормативной философии) предложил принцип дифференциации справедливости⁶; А. Сен (Индия, 2009 г.) – подход, основанный на возможностях справедливости⁷; М. Уолцер (США, 1983 г.) – концепцию «комплексного равенства»⁸; Н. Фрейзер (США, 2008 г.) – трёхмерную модель справедливости⁹; Эмпирические исследования в России проводили Анисимов А.С. и Агеева М.А.¹² (статья 2020 г., анализ данных ВЦИОМ11 и ФОМ13 за 1990–2000-е гг., объект – население РФ) – выявлены три конкурирующих представления: уравнительное (33%), распределение по труду (40%), рыночное (20–25%); ВЦИОМ10 (мониторинги 2018, 2021 гг., массовые опросы, объект – россияне от 18 лет) – зафиксированы этатистско-патерналистские ожидания и недоверие к справедливости судебной системы; Петрова Е.А. (2022 г., опрос молодёжи, N=500) – показала ориентацию молодёжи на равенство возможностей⁵.

В связи с актуализацией данной темы запланировано авторское пилотажное исследование, предмет которого – представления россиян о социальной справедливости (на примере г. Саратова). Метод сбора данных – онлайн-анкетирование (технология Google Forms), обработка будет выполнена с помощью пакета SPSS. Объект исследования – население г. Саратова в возрасте от 18 лет. Объём выборочной совокупности – 100 респондентов¹. Наша индикаторная модель может быть представлена рядом значимых позиций: 1) уровень экономического неравенства (объективный доход, субъективная оценка справедливости доходов); 2) доступность качественных социальных лифтов (доступность платных услуг в сфере медицины, образования, культуры); 3) справедливость системы налогообложения (оценка налоговой нагрузки, отношение к прогрессивной шкале); 4) приверженность концепциям справедливости (уравнительная, трудовая, рыночная, роулзианская); 5) социальное самочувствие (социальный оптимизм/пессимизм, миграционные настроения).

Предполагаем, что результаты нашего исследования могут быть использованы органами государственной власти для корректировки социальной политики, средствами массовой информации для освещения общественных запросов, а также различными исследовательскими центрами. Кроме того,

пилотажное исследование позволит уточнить инструментарий и выявить предварительные тенденции для последующего масштабного опроса.

Список литературы

1. Исследование носит пилотажный характер, поэтому объём выборочной совокупности сокращён до 100 человек. Тип выборки – квотная (контролируемые признаки: пол, возраст (18–35, 36–60, 61+), тип поселения город.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 448 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1955. 41 с.
5. Петрова Е.А. Социальная справедливость в представлениях современной молодежи // *Universum: Социология и юриспруденция*. 2022. № 1 (88). С. 46-50.
6. Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.
7. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.
8. Уолцер М. Сферы справедливости. М.: Логос, Прогресс-Традиция, 2000. 268 с.
9. Фрейзер Н. Шкалы справедливости. М.: Праксис, 2010. 336 с.
10. ВЦИОМ. Справедливость: понятие сугубо относительное: аналитический обзор. 2018. URL: <https://wciom.ru/expertise/spravedlivost-ponjatie-sugubo-otnositelnoe>
11. ВЦИОМ. Социальная справедливость: мониторинг: аналитический обзор. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring>
12. Анисимова А.С., Агеева М.А. Понятие справедливости в современной российской социологии // *КиберЛенинка*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivosti-v-sovremennoy-sotsiologii/viewer>
13. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Архив исследований по тематике «Социальная справедливость». URL: <https://fom.ru>

МОЛОДЕЖЬ РОССИИ: ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЦЕННОСТИ И ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.Ю. Сероусова, В.О. Коротин

Саратовский колледж водного транспорта, строительства и сервиса

Ценности современных молодых людей сильно отличаются от советских времен, особенно в вопросах семьи и карьеры. В нестабильном мире на первый план вышла адаптивность – способность быстро меняться и осваивать новое. Но сегодняшний успех невозможен без опоры на опыт предков, и привычки учиться на протяжении всей жизни.

Разговоры о том, куда движется молодёжь и какие у неё ценности – это уже не просто споры на бытовом уровне. Сегодня они стали одной из самых важных проблем для будущего нашей страны. Современное молодое поколение – первое, которое растёт в океане информации. В Интернете молодые люди видят все: от заработка легких денег до нежелания за что-то отвечать. Обычное

воспитание уже не справляется с влиянием гаджетов. Если у молодых нет четких принципов, они перестают понимать, что на самом деле важно, и легко поддаются чужому влиянию¹.

Проблемы современной молодежи можно разделить на две группы. Первая – индивидуальные (общение, быт или карьера, повседневные задачи). Здесь успех целиком в руках самого молодого человека. Вторая – общественные. Такие проблемы вызваны глубокими противоречиями в устройстве социума, и справиться с ними в одиночку практически невозможно.

Кроме проблем молодежь сталкивается с вызовами, среди которых мы выделяем несколько ключевых.

1. Трансформация традиционных представлений.

Молодежь в целом признает важность семьи, но представления о ее структуре и ролях членов семьи меняются. Молодые люди стремятся сначала получить образование, построить карьеру, обеспечить финансовую стабильность, прежде чем создавать семью. Дети остаются важной ценностью, но часто становятся желанными, когда родители чувствуют себя готовыми к этому как материально, так и морально.

2. Приоритет самореализации и карьеры.

Для многих молодых людей важно, чтобы в семье оба партнера могли развиваться профессионально, а не один жертвовал карьерой ради другого.

3. Влияние суверенного развития.

В условиях внешней неопределенности и санкций многие молодые люди могут обращаться к семейным ценностям как к источнику стабильности и поддержки. Семейные ценности ассоциируются с сохранением культурных традиций, что в свою очередь способствует формированию более глубокой гражданской идентичности².

При этом отчетливо прослеживается влияние советского прошлого. Его любят вспоминать представители старшего поколения и подчеркивать, насколько правильной и хорошей была тогда жизнь. Однако то, что для наших бабушек было нормой, у детей XXI века часто вызывает удивление.

Так, жениться и выходить замуж считалось обязательным этапом взрослой жизни, ведь без официального «семейного статуса» было трудно продвигаться по служебной лестнице или рассчитывать на получение квартиры. Забота о пожилых родителях – священная обязанность каждого жителя СССР. Отдать отца или мать в дом престарелых расценивалось как моральное падение и позор. Праздники проводили только дома: никому и в голову не приходило арендовать для этого кафе или ресторан.

Сравнивая поколения двух эпох, мы видим сдвиг в приоритетах. В советское время во главе угла стояло понятие «Мы». Жизнь молодого человека была неразрывно связана с коллективом: школьным отрядом, комсомолом, трудовой бригадой. Успех измерялся общественным признанием и личным вкладом в «великую стройку» или научное открытие, полезное всей стране. Ценности были четко заданы, а путь – предсказуем и стабилен.

Современная молодежь живет в эпоху «Я», но это не означает эгоизма. Сегодня самореализация стала главным двигателем развития. Молодой человек

понимает: чтобы быть полезным своей стране в нынешних условиях, он должен сначала стать профессионалом, раскрыть свои таланты и найти уникальный путь. Если в СССР ценностью была стабильность и работа на одном предприятии десятилетиями, то сегодня ценится гибкость, умение учиться всю жизнь и создавать что-то новое.

В эпоху перемен на первый план выходит адаптивность – способность человека быстро реагировать на изменения, приспосабливаться к новым условиям и эффективно действовать в условиях неопределенности. Адаптивный человек не боится неизвестности – он воспринимает ее как вызов и возможность для роста.

В настоящее время стране нужны люди, которые не боятся перемен, умеют сохранять себя как личность в непредсказуемых ситуациях и способны «на ходу» осваивать новые технологии. Как вода принимает форму любого кувшина, так и современная молодежь, опираясь на опыт прошлых поколений и собственную гибкость, способна превратить любую эпоху перемен в эпоху больших возможностей. Будущее принадлежит не самым сильным или умным, а тем, кто быстрее готов меняться и учиться, сохраняя при этом верность своим корням и ценностям³.

Будущее России – в руках осознанной, адаптивной и активной молодежи, поэтому приоритетная задача – создать условия, при которых таланты могут раскрыться в интересах личности и общества.

Список литературы

¹. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2007, 95 с.;

². Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. №5, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-mnozhestvennoy-identichnosti-raznye-issledovatel'skie-podhody> (дата обращения: 11.04.2026);

³. Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 134–147. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13.

БАРЬЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

И.И. Степанов

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В современной России некоммерческие организации (НКО) выступают ключевым элементом гражданского общества, выполняя функции социального посредника между государством и населением. От качества этого взаимодействия напрямую зависит эффективность решения актуальных социальных проблем, уровень доверия граждан к институтам власти и общая

динамика развития третьего сектора. Однако на практике сотрудничество НКО и государственных органов сталкивается с рядом системных барьеров, которые не только затрудняют текущую деятельность организаций, но и становятся фактором, сдерживающим качественную трансформацию гражданского общества в регионах¹.

В феврале 2024 года было проведено авторское социологическое исследование методом онлайн-опроса среди представителей НКО города Саратова. Выборка составила 103 респондента, представляющих различные организационно-правовые формы: автономные некоммерческие организации (41,7%), фонды (15,5%), частные учреждения (10,7%), союзы и ассоциации.

Анализ результатов исследования показывает, что наиболее острым препятствием для эффективного сотрудничества является отсутствие обратной связи со стороны государственных структур. На этот барьер указали 48,5% респондентов, что делает его лидером в списке проблем. В условиях, когда многие НКО существуют за счет энтузиазма своих сотрудников, игнорирование их позиции со стороны чиновников приводит к быстрому выгоранию кадров и снижению гражданской активности.

Второй по значимости проблемой стала недостаточная прозрачность распределения ресурсов. С этим барьером столкнулись 37,9% опрошенных. Неясные критерии получения грантов и субсидий, закрытость информации о конкурсах и результатах распределения средств порождают недоверие к государственным программам поддержки². В Саратове эта проблема усугубляется тем, что многие небольшие организации просто не обладают достаточными ресурсами и компетенциями для навигации в сложной системе отчетности и требований, что делает их фактически исключенными из процесса получения поддержки.

Третьим существенным барьером выступают бюрократические процедуры, на которые пожаловались 35,9% респондентов. Излишняя регламентация деятельности НКО, сложные процедуры регистрации, лицензирования (сложность которых отметили 60,2% участников опроса) и жесткие требования к отчетности (44,7%) создают непосильную нагрузку на организации, особенно на те, что работают на волонтерской основе или имеют минимальный штат³.

Среди других барьеров респондентами была отмечена невозможность четко сформулировать запрос к государственным органам. Исследования показывают, что успешное взаимодействие требует наличия специальных институтов-посредников, таких как ресурсные центры, которые могли бы помогать НКО формулировать свои потребности и готовить проекты⁴;

Еще одной из острых проблем взаимодействия НКО и государства является нехватка профессионально подготовленных кадров. Дефицит компетентных специалистов наблюдается как в самих НКО, так и в профильных департаментах администраций.

Для преодоления выявленных барьеров и стимулирования трансформации гражданского общества в Саратове необходим комплекс мер. Прежде всего, требуется создание регулярных и структурированных

диалоговых площадок, где представители НКО и власти могли бы обсуждать актуальные проблемы и совместно формировать повестку дня. Это позволит решить проблему отсутствия обратной связи и поможет организациям четче формулировать свои запросы.

Вторым направлением должно стать повышение прозрачности всех процедур распределения ресурсов. Публикация четких критериев отбора, открытых данных о победителях конкурсов и механизмах контроля за использованием средств поможет восстановить доверие к системе государственной поддержки.

Третьим шагом стало бы внедрение программ повышения квалификации как для сотрудников НКО, так и для профильных чиновников. Обучение грантовым технологиям, проектному менеджменту и особенностям законодательства поможет выровнять уровень компетенций сторон и сделать сотрудничество более продуктивным.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что взаимодействие НКО и государства в Саратове затруднено из-за системных барьеров: отсутствие обратной связи, непрозрачность распределения ресурсов, бюрократия и дефицит компетенций. Это снижает эффективность НКО и тормозит развитие гражданского общества. Для преодоления препятствий необходимы усилия власти и НКО по созданию условий для профессионализации и открытости, что позволит трансформировать гражданское общество в надежного партнера государства.

Список литературы

1. Шкирчак С.И. К вопросу о моделях взаимодействия государственной власти и гражданского общества // *Via in tempore. История. Политология.* 2013. №22 (165). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-modelyah-vzaimodeystviya-gosudarstvennoy-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Чернышов А.Н. Взаимодействие государства и НКО: возможности, механизмы, проблемы и пути их решения // *Управленческое консультирование.* 2018. № 10. С. 89–98.
3. Яргомская Н., Белокурова Е., Ноженко М., Торхов Д. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Belokurova.pdf> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Баталова Ю.В. Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение // *Управленческое консультирование.* 2025. № 1. С. 14–22.
5. Рштуни К.Г., Агафонова М.С. Проблемы взаимодействия государства и некоммерческих организаций // *Научное обозрение. Экономические науки.* 2016. № 2. С. 177–181.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. Тамбовцева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С.П. Королева

Развитие социальной активности молодежи в современных условиях является научно-практической проблемой, к решению которой обращены исследования представителей многих отраслей науки и различных областей психолого-педагогического знания, а всемерное развитие творческих устремлений и общественной инициативности россиян определено в качестве одной из приоритетных задач государства.

Анализ научной литературы позволил выделить отличительные черты и особенности молодежи как особой социальной группы: мобильность; склонность к новому и готовность к инновациям; высокая адаптивность и готовность к изменениям; экстремальность; стремление к самореализации; амбициозность; риск; предприимчивость¹.

Под социальной активностью понимается свойство направленной деятельности человека, сопряженной с преобразованием социальной сферы и формированием социальных свойств личности². К признакам социальной активности можно отнести: интерес и небезразличное отношение к общественным процессам; наличие свойств и качеств, позволяющих не только адаптироваться к изменениям, но и активно их преобразовывать, способность к саморегуляции и самоорганизации; возможность определения стратегий воздействия на внешнюю среду с учетом ее изменчивости³.

Развитие социальной активности молодежи определяется как динамический процесс качественного изменения свойства направленной деятельности молодежи, сопряженной с преобразованием социальной сферы, воздействием на принятие социально-значимых решений в обществе, формированием социальных свойств личности и реализацией собственных возможностей.

Важнейшим драйвером развития социальной активности молодежи является социальное предпринимательство, для которого характерны: социальное воздействие и достижение социальной миссии, формирование социальных ценностей, инновационность, достижение устойчивого коммерческого эффекта и самоокупаемости, участие в общественной деятельности и социальных процессах и т.д.

Анализ деятельности Регионального центра «Мой бизнес Самарской области» показал, что на региональном уровне предпринимаются усилия для развития социального предпринимательства. Центр предоставляет необходимые ресурсы и консультации для молодых предпринимателей, что способствует не только созданию новых социальных инициатив, но и формированию предпринимательских навыков у молодежи.

На втором этапе эмпирического исследования было проведено глубинное интервью с социальными предпринимателями Самарской области в возрасте 18-35 лет. Анализ транскриптов глубинных интервью позволил проанализировать социальное предпринимательство как драйвер развития социальной активности молодежи и выделить личностные характеристики молодежи, имеющей опыт социального предпринимательства: ответственность, организованность, любознательность, системность, целеустремленность. Личный опыт молодежи в социальном предпринимательстве разнообразен, однако можно выделить мотивы молодежи в участии в социальном предпринимательстве, среди которых: желание изменять имеющиеся практики в соответствии со своими представлениями и идеалами; личная включенность, позволяющая определить наиболее результативные способы решения проблемы с учетом интересов всех участников ситуации; имеющиеся организационно-управленческие навыки, наличие определенных ресурсов и высокая социальная ответственность; возможность реализации своего профессионального интереса.

Основываясь на результатах анализа интервью, можем сделать вывод о взаимовлиянии личностных качеств и опыта социального предпринимательства. Склонность к участию в практиках социального предпринимательства определяется набором личностных характеристик молодежи, которые позволяют наиболее успешно реализовать себя в данной сфере. Социальное предпринимательство, в свою очередь, имеет благоприятное воздействие на молодежь, способствуя развитию новых личных качеств и социальной активности. Кроме того, в ходе исследования выявлено, что социальное предпринимательство, по мнению молодежи, оказывает положительное влияние на жизнь людей и общество в целом.

Социальное предпринимательство выступает драйвером развития социальной активности молодежи, что подтверждено на примере Самарской области: региональная поддержка и личная вовлеченность молодых людей способствуют реализации социально значимых проектов. Таким образом, развитие социального предпринимательства в регионах является перспективным инструментом формирования гражданской инициативности и устойчивого развития молодежной среды.

Список литературы

1. Брагина М.Л. Особенности молодежи как социальной группы // Тенденции развития науки и образования. 2019. №51-2. С. 61-64. DOI: 10.18411/lj-06-2019-43
2. Каргаполова Ю.В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность» // Молодой ученый, 2014, № 21, С. 575-577.
3. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России, 2020, №2 (91), С. 89-105.

ГЕНДЕРНЫЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ САРАТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Д.А. Тараканова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В современном обществе гендерные ожидания относительно ответственности в сфере потребления влияют на выбор товаров, стили и процесс принятия решений о покупке. Наблюдаются противоречия в современном российском обществе: с одной стороны, традиционные представления по-прежнему сильны; с другой - происходит стирание жестких гендерных границ и формирование более гибких моделей¹. В этой связи особое значение приобретает анализ гендерной структуры ответственности в потребительских практиках населения.

Перейдем к результатам проведённого авторского опроса, касающегося распределения ответственности за покупку товаров для семьи². Женщины в подавляющем большинстве случаев (70,9%) выступают единоличным субъектом таких покупок, ещё 20% практикуют совместные покупки с семьёй, и лишь 8,2% переключаются эту роль на партнёра. У мужчин картина иная: 46,7% сообщают, что покупки для семьи совершает их партнёрша, 41,3% совершают их лично, а совместные покупки с семьёй встречаются еще реже (12%). Полученные данные свидетельствуют о сохранении традиционного гендерного разделения, где женщина преимущественно выступает главным агентом в приобретении товаров для семьи, однако значительная доля мужчин, совершающих покупки лично, указывает на трансформацию структуры в сторону более гибких потребительских практик. Указанные различия статистически значимы и подтверждены коэффициентом Крамера.

Перейдем к результатам опроса относительно покупки товаров для дома и бытовой техники. Женщины в 59,1% случаев выступают единоличным покупателем, 29,1% практикуют совместные покупки с семьёй, 7,3% переключаются ответственность на партнёра, 4,5% вообще не участвуют. У мужчин: 40,2% совершают покупки лично, в 31,5% случаев это делает партнёрша, 28,3% практикуют совместные покупки. Среди мужчин нет ни одного, кто не участвует (0%), тогда как среди женщин такие есть (4,5%). В категории товаров для дома и бытовой техники гендерное разделение слабее, чем в категории повседневных товаров: женщины по-прежнему лидируют как единоличные покупатели, но мужчины демонстрируют более равномерное участие (личное и совместное), что говорит о формировании более гибких моделей семейного потребления. Указанные различия статистически значимы и подтверждены коэффициентом Крамера.

Результаты количественного опроса подтверждаются данными авторского качественного исследования³. Так, один из информантов (Женщина, 48 лет), рассказывая о покупке профессиональной плиты, подчеркнула: «Я будто купила не прибор, а инвестицию в будущие тёплые вечера и воспоминания... я - хозяйка, которая ценит домашний уют и готова его

создавать». Это иллюстрирует практику вложения в семейный уют и повседневный комфорт, что согласуется с выявленным доминированием женщин в категории повседневных товаров для семьи.

Перейдем к результатам опроса относительно покупки автомобильной техники и электроники. Мужчины в 64,1% случаев выступают единоличными покупателями, 29,3% практикуют совместные покупки с семьёй, 2,2% перекадывают обязанность на партнёршу, 4,3% не участвуют. У женщин: лично совершают такие покупки лишь 12,7%, в каждом третьем случае (33,6%) покупки делает партнёр, 38,2% совершают совместные покупки с семьёй, 15,5% не участвуют. В категории автомобильной техники и электроники гендерное разделение выражено наиболее сильно, что говорит о сохранении традиционной мужской специализации в высокотехнологичных товарных группах.

Сравнивая с полученными данными глубинных интервью, мы можем наблюдать следующую тенденцию: один из информантов (Мужчина, 23 года) связывает покупку дорогого ноутбука с переходом на новый профессиональный уровень: «Это мой ноутбук - MacBook Pro. Я копил на него почти год... Это не просто железка - это мой главный инструмент... символ перехода на новый уровень». Это иллюстрирует мужскую потребительскую практику инвестирования в инструменты для работы и саморазвития, что согласуется с доминированием мужчин в категории электроники.

Таким образом, результаты двух проведенных авторских исследований по изучению гендерных потребительских практик саратовского населения позволяют сделать следующие выводы: традиционные модели продолжают оказывать значительное влияние, но уже не являются единственными и жёстко детерминированными в процессе покупок. Это подтверждается данными исследования «Барометр экономического поведения домохозяйств в России» НИУ ВШЭ за 2025 год: повседневные покупки в 44% семей единолично совершают женщины, в 51% - наравне с мужчинами; решения о технике и автомобилях в трети семей принимают и совершают мужчины⁴. Гендерные зоны ответственности не статичны, они представляют собой подвижные, ситуативные конструкты, где материальная вещь выступает маркером социального статуса и индикатором сложившегося распределения гендерных ролей.

Список литературы

¹ Семенова М.А. Гендер и потребление: взаимовлияние двух категорий на процесс идентификации личности (к постановке проблемы)//Общество. Среда. Развитие. 2011. №3. С.87-90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-potreblenie-vzaimovliyanie-dvuh-kategoriy-na-protsess-identifikatsii-lichnosti-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 14.04.2025).

² Авторское анкетирование «Гендерные модели потребления жителей города Саратова» проведено в декабре 2025 г. в Саратове. По квотной выборке опрошено 202 человека.

^{3.} Авторское исследование проведено в декабре 2025 года в городе Саратов методом глубинных индивидуальных полуструктурированных интервью, по целевой выборке опрошено 5 информантов.

^{4.} Барометр экономического поведения домохозяйств в России - НИУ ВШЭ URL: <https://www.hse.ru/hheb/barometer> (дата обращения: 13.04.2025).

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И АБИЛИТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЭКООЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

А.В. Тергуцы

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Сегодня социальная работа активно включает новые методы, заимствуя их и смежных областей. В частности социальные работники всё чаще используют художественные методы (арт-терапия и терапия искусством). Как правило, под арт-терапией понимают полифункциональный подход на границе психотерапии и искусства, где творчество выступает основным ресурсом самопознания и личностного роста. Арт-терапия предполагает взаимодействие автора, художественного произведения и социального работника, в котором трудная жизненная ситуация осознаётся через художественные метафоры.

Арт-терапевтические практики охватывают широкий диапазон подходов - от студийного искусства до клинической арт-терапии. Следует отметить, что арт-терапевтические методы сильно различаются по степени структурированности, роли терапевта и трактовке художественного произведения, тем не менее множество арт-терапевтических подходов объединяет несколько общих принципов: сенсорный - активное взаимодействие с пластическими материалами (краски, глина, холст); символический - искусство выступает метафорой трудной жизненной ситуации; эмоциональный - арт-терапия позволяет в комфортных и безопасных условиях прорабатывать трудную жизненную ситуацию; формирование жизнестойкости - развитие социальноодобряемых навыков решения трудных жизненных ситуаций в будущем; когнитивный - развитие креативности, что особенно важно при когнитивных нарушениях и снижении нейропластичности в пожилом возрасте; социальный - групповые занятия позволяют устранить стигму связанную с возрастом или выходом на пенсию, избавиться от ощущения «бесполезности».

Изменения, которые происходят в процессе арт-терапии, также обладают общими чертами и проявляются на трёх уровнях: внутриличностный - искусство восстанавливает связь между познанием, эмоциями и чувствами, способствует решению проблем, повышает устойчивость и создаёт новые позитивные смыслы через символы и метафоры; межличностный - арт-терапия улучшает взаимопонимание с близким окружением; социальный - клиенты исследуют связь личности и социального контекста через изображение своей реальности, а пожилые люди получают возможность выразить собственный уникальный жизненный опыт.

Наибольший интерес для социальных работников представляет процессуальная модель арт-терапии, которая объединяет различные подходы и методологии в рамках одного направления. Данная модель рассматривает сообщество как открытую систему, где разные группы могут иметь свою идентичность и цели. Основой процессуальной модели арт-терапии является выражение и «сгущение» личностного опыта клиента через художественную экспрессию. Это происходит за счёт акцента на индивидуальности клиента и избегания диагностических ярлыков в общении. Социальный работник создаёт помогающую среду и способствует процессу личностных изменений. Поэтому главными элементами арт-терапевтического процесса является аутентичность (построение глубоких отношений), содействие креативности, поддержка атмосферы выздоровления (вера в возможность осмысленной жизни). Важная роль в арт-терапии отводится невербальной коммуникации, которая происходит через взаимодействие клиента с художественным произведением. Следует отметить, что эстетические критерии не имеют значения, гораздо важнее, что клиенты учатся видеть в работе смысл, вербализовать его и связывать со своим внутренним миром.

Специфика арт-терапии в работе с пожилыми людьми заключается в её направленности на коррекцию субдепрессивных состояний и ангедонии, часто маскирующихся соматическими жалобами и возрастной тревожной мнительностью, что делает арт-терапию адекватной альтернативой медикаментозных способов лечения. С учётом ограничений фармакотерапии и низкой эффективности вербальной психотерапии из-за характерных для пожилого возраста ригидности и негативизма, арт-терапия открывает широкое пространство для социальной реабилитации пожилых людей. Несмотря на существенные изменения, как правило у пожилых людей сохраняется интерес к искусству. Опора на сохранный у значительной части пожилых людей интерес к искусству и природе позволяет использовать раскрашивание специально разработанных сюжетных рисунков как деятельность, приносящую удовольствие и самовыражение, что ведёт не только к улучшению эмоционального фона, уменьшению одиночества и ощущения неостребованности, но и к стимуляции интеллектуальной активности, развитию мелкой моторики, поддержанию когнитивных функций и, как следствие, повышению качества жизни и межличностной адаптации¹.

Другое направление арт-терапии с пожилыми — это развитие эмоционального интеллекта и укрепление психологического здоровья посредством оптимизации аффективных и когнитивных ресурсов, изменения мировосприятия и системы отношений. Арт-терапия реализуется как здоровьесберегающая технология, позволяющая в ходе групповых и индивидуальных занятий не только снимать психоэмоциональное напряжение и преодолевать связанные с болезнью страхи и негативизм, но и формировать позитивное мировосприятие, активизировать память и мышление, развивать коммуникативные навыки и творческие способности, тем самым способствуя улучшению качества жизни и социальной адаптации пожилых людей².

Кроме того, арт-терапии создаёт пространство для формирования структурных компонентов жизненного благополучия (когнитивного, эмоционального и ментального), где ключевое значение приобретает синтез изобразительного творчества и автобиографических рассказов-воспоминаний, позволяющий личности осмыслить и принять свой жизненный путь, а также интеграция цифровых технологий (видео, фото) для запечатления и обсуждения творческих продуктов. Такой подход, объединяющий гедонистический и эвдемонистический векторы благополучия, способствует адаптации к возрастным изменениям, расширению навыков межличностного взаимодействия, появлению устойчивой заинтересованности творческой деятельностью и утверждению ценности собственного существования в пожилом возрасте³.

На наш взгляд, перспективным направлением арт-терапии с пожилыми людьми является совмещение арт-терапевтических практик с экооздоровительным подходом, который предполагает сочетание искусства и экологического потенциала региона (фотография на природе, пленэр и т.д.). Для пожилых людей, чей жизненный мир часто сужен до пространства квартиры или интернатного учреждения, взаимодействие с пластическими материалами (глина, земля, природные красители) в условиях пленэра становится мощной формой «сенсорной гимнастики». Это не только стимулирует мелкую моторику и нейропластичность, но и заземляет эмоционально, возвращая чувство связи с реальным, «живым» миром, что критически важно для профилактики депрессивной дереализации. Использование природы в арт-терапевтических практиках позволяет не только расширить активность пожилых людей, но и преодолеть социальную изоляцию (групповые занятия на природе, привлечение волонтеров), а также сформировать конструктивные досуговые практики. На сегодняшний день в Саратове уже существуют успешные арт-терапевтические организации, использующие экооздоровительный подход, например, проект «АпиДача Тергуцы» в Затоне, где арт-терапия на природе (терапия искусством, музыкальная, гуслилитерапия, фольклор) включена в процесс социальной реабилитации уязвимых категорий граждан.

Список литературы

1. *Хасанова М.Ф.* Эффективность арт-терапии для развития эмоционального интеллекта пожилых пациентов больных туберкулезом // Вестник науки и образования. № 1. (132), 2023. С. 99-102.

2. *Мельникова М.М., Чухрова М.Г., Дума С.Н., Малкина. Н.А.* Психолого-педагогические аспекты применения арт-терапии у лиц пожилого возраста // Развитие человека в современном мире. № 1, 2023. С. 69-70.

3. *Кара Ж.Ю.* Педагогические условия применения творчества в формировании жизненного благополучия пожилых людей // Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (20 апреля 2023 г.). - Кемерово, 2023. С. 243-250.

АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

К.Ю. Толстов

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Оглядываясь назад, смотря на пережитый опыт переезда в другой город, можно сказать, что моя история не столь уникальна. Обращаясь к труду А. М. Хохловой “Мигрант как наивный этнограф”, хочется сравнить свой опыт с описываемым в тексте опытом.

Формирование завышенных ожиданий и ложных представлений - частая практика среди людей (в том числе и меня), переезжающих в другой, более большой город.

Некоторые люди описывали чувство дезориентации после переезда. То же самое чувство испытал и я. Интересно и то, что респонденты давали одно и то же название данному чувству.

В работе Анисьи Михайловны описывается процесс адаптации к новой среде одного из респондентов. «Это было весело, но это был ужас - рассказывает один из информантов. - Я, наверное, чувствовал себя, как какой-то турист на болоте. В смысле, что никогда не знаешь, какая кочка надежная, а где потонешь совсем. И постоянно нужно контролировать каждый свой шаг. Потому что... потому что одна мелочь - и заблудился. Или запутался». Уже сейчас я нахожу у себя такой же пережитый опыт. Мне приходилось проявлять повышенную внимательность и быть наблюдательным.

Новая среда требует изучения. Также как и остальные мигранты, я использовал все ресурсы своего мозга, чтобы “выжить” в большом городе. Например, я очень внимательно изучал культуру и систему оплаты проезда в общественном транспорте, её различия между автобусами, троллейбусами и небольшими маршрутками, ибо общественный транспорт был мне совсем чужд.

Читая работу А. М. Хохловой, я просто узнавал себя. Пережитый мною опыт и опыт других людей-мигрантов так похож друг на друга, я считаю, что неуникальность моего опыта переезда в большой город даже лучше того, если бы он являлся уникальным. Наблюдение схожего опыта “наивных мигрантов” показывает интересную закономерность, требующего дальнейшего изучения.

САРАТОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ – ОБ ИНСТИТУТЕ БРАКА

А.О. Тубаева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В современном обществе институт брака претерпевает значительные изменения, и его восприятие молодежью становится важной темой для исследования. Актуальность данной темы заключается в необходимости понимания изменений в восприятии брака в контексте современных реалий. Противоречия между идеалами и реальностью, а также взаимодействие

различных факторов подчеркивают важность глубокого анализа этой темы для формирования более точного представления о том, как молодежь воспринимает брак сегодня. Это знание может быть полезным для социологов, психологов и всех заинтересованных в изучении динамики современных отношений.

Также актуальность исследования отношения молодежи к браку обусловлена тем, что в современной России официально зарегистрированный брак теряет свою привлекательность среди молодого поколения. Всё больше людей предпочитают длительное сожительство без официальной регистрации отношений. При этом большинство молодых людей вступают в брак, не имея достаточного понимания своих прав и обязанностей, полагаясь лишь на силу чувств, что часто приводит к разводам.

Исторический контекст восприятия семьи и брака свидетельствует о традиционных представлениях, которые менялись под влиянием социокультурных и религиозных факторов в различные эпохи. В прошлом роли мужчин и женщин были строго определены: мужчина выступал защитником и кормильцем, а женщина занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, при этом религиозные нормы оказывали сильное влияние на брачные практики. Со временем под воздействием общественных изменений происходила эволюция отношений, выражавшаяся в переходе от патриархальных к более равноправным моделям семейных отношений.

Семья понимается как социальная первооснова общества - духовный союз, основанный на любви мужчины и женщины, выполняющий функции воспитания детей и заботы о старших поколениях, объединяющий поколения в их историческом преемстве.

В традиционном обществе семья строилась на культе предков, а её главной функцией было продолжение рода, закреплённое религиозными установлениями. Ещё в середине XX века консервативный подход к семье был повсеместным. Однако за последнюю треть столетия во многих странах произошло разрушение традиционных семейных ценностей, и сегодня различия в отношении к семье стали главной линией раскола между разными обществами. Смещение мужских и женских ролей приводит к кризису как в конкретных семьях, так и в обществе в целом: брак перестал быть сакральным, а развод превратился в биографическую норму.

В современном обществе институт семьи и брака претерпевает значительные изменения, что вызывает растущий интерес к исследованию их роли и значения в жизни молодежи и социума. В условиях глобализации, стремительного развития технологий и изменения социальных норм традиционные представления о семье и браке становятся всё более гибкими и многогранными. Молодое поколение оказывается перед лицом множества выборов и альтернативных моделей взаимодействия, что ставит под сомнение устоявшиеся представления о том, как должны выглядеть отношения между партнёрами и какая форма семейной жизни является оптимальной.

Семья определяется как система социальных взаимодействий для воспроизводства населения и социализации молодого поколения. Сегодня

существуют разнообразные формы семьи. Общество постепенно движется к принятию этого разнообразия, ценя индивидуальные свободы.

В отличие от семьи институт брака – это исторически обусловленная, социально регулируемая форма отношений между партнерами, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, детям и обществу.

Он также эволюционировал: от экономической или политической сделки он превратился в союз, основанный на любви, романтике и равенстве партнеров. Всё большее распространение получают альтернативные формы, такие как гражданский брак и сожительство, которые предлагают гибкость и свободу.

Однако молодежь при создании семьи сталкивается с серьезными барьерами: экономическими трудностями (недоступность жилья, низкие доходы) и социальным давлением со стороны окружения, ожидающего следования традиционному сценарию «успеха».

Важную роль в формировании представлений о семье и браке играют образование (внедрение программ по семейным отношениям и гендерному равенству) и интернет с социальными сетями (онлайн-знакомства, обмен опытом, распространение новых моделей отношений). В итоге отмечается сдвиг от традиционных взглядов к более открытым, инклюзивным и осознанным моделям семейной жизни¹.

Современное общество переживает глубокую трансформацию институтов семьи и брака. Традиционные патриархальные модели уступают место более гибким, равноправным и разнообразным формам отношений. Однако этот прогресс сопровождается кризисными явлениями: утратой сакрального значения брака, ростом числа разводов и несоответствием между романтическими идеалами и реальностью, с которой сталкивается молодежь (финансовая нестабильность, жилищные проблемы, социальное давление). Ключевую роль в формировании новых представлений играют образование и цифровые технологии, способствующие более осознанному и инклюзивному восприятию семейных отношений. Таким образом, главный вызов современности — найти баланс между индивидуальной свободой выбора и сохранением стабильности брачного союза как основы общества.

Список литературы

¹. Петрова Т.Э., Ковальчук А.Г., Жираткова Ж.В. Социальный институт семьи и брака в сознании современной молодежи и его поддержка в современной России // Цифровая социология. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-institut-semi-i-braka-v-soznanii-sovremennoy-molodezhi-i-ego-podderzhka-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 29.03.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗАНЯТОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Р.Л. Тюрин

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Вопрос о совершенствовании управления занятостью населения в Саратовской области - это не просто административная задача, а важная проблема, требующая пристального внимания и всестороннего анализа. Эффективное управление занятостью является одним из ключевых факторов социально-экономической стабильности региона. Саратовская область, обладая значительным индустриально-аграрным потенциалом, сталкивается с комплексом системных вызовов: оттоком трудоспособного населения, территориальной дифференциацией рынка труда и несоответствием спроса и предложения рабочей силы. В условиях динамично меняющегося мира важно понять, какие структурные диспропорции сдерживают развитие регионального рынка труда и как новая система управления занятостью может повлиять на ситуацию.

Статистика, предоставленная Саратовстатом и Росстатом, ярко иллюстрирует остроту этой проблемы. Внешне благоприятные показатели безработицы скрывают серьезные структурные диспропорции: в одних отраслях наблюдается сокращение числа занятых, в других - острый кадровый дефицит. Особого внимания требует занятость молодежи, определяющая долгосрочные перспективы развития региона.

Согласно официальным данным Саратовстата, в I квартале 2025 года численность рабочей силы в регионе составила 1 243,8 тыс. человек, уровень занятости - 60,1%, уровень безработицы (по методологии МОТ) - 1,8%¹.

Однако, как отмечает Н.А. Кривицкая, за среднестатистическими данными скрываются серьезные структурные диспропорции: в обрабатывающих производствах и строительстве наблюдается сокращение числа занятых, тогда как в других отраслях - острый кадровый дефицит².

Региональная система управления занятостью в Саратовской области претерпела существенные изменения. С 2023 года завершена структурная перенастройка районных центров занятости области. Заработал единый областной центр занятости населения, внедряются единые стандарты деятельности и цифровые сервисы в соответствии с требованиями Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации»^{3,4}.

Тем не менее сохраняется ряд проблем. Исследования саратовских ученых показывают, что около трети молодых специалистов работают не по специальности, что свидетельствует о глубоком дисбалансе между системой профессионального образования и реальными потребностями экономики⁵.

Можно выделить следующие ключевые проблемы занятости в Саратовской области:

Структурные диспропорции рынка труда - сокращение занятости в одних отраслях при кадровом дефиците в других.

Дисбаланс между системой профессионального образования и потребностями экономики - около трети молодых специалистов работают не по специальности.

Специфические трудности трудоустройства молодежи - высокий уровень молодежной безработицы и длительные сроки поиска работы.

Территориальная дифференциация - неравномерность распределения рабочих мест внутри области.

Для улучшения ситуации могут помочь следующие меры:

Развитие системы прогнозирования кадровых потребностей на среднесрочную перспективу с участием работодателей и образовательных организаций.

Усиление профориентационной работы, начиная со старших классов школы.

Расширение мер активной политики для молодежи: целевое обучение, стажировки с последующим трудоустройством.

Развитие территориальной мобильности рабочей силы внутри области.

Совершенствование мониторинга качества занятости.

Подводя итоги, можно сказать, что система управления занятостью населения Саратовской области находится в стадии активной модернизации. Создание единого областного центра занятости и переход к модели кадровых центров «Работа России» создают институциональную основу для повышения эффективности. Однако для устойчивого улучшения ситуации необходимы не только организационные, но и содержательные изменения: переход от пассивного реагирования на безработицу к активному прогнозированию и профилактике структурных дисбалансов, а также адресная работа с молодежью как с наиболее перспективной, но и наиболее уязвимой категорией на региональном рынке труда.

Список литературы

¹. Доклад о социально-экономическом положении Саратовской области в 2025 году. Раздел VII. Занятость и безработица. - URL: <https://rosstat.gov.ru/region/doc1163> (дата обращения: 05.04.2026).

². *Кривицкая Н.А.* Исследование факторов, определяющих ситуацию в сфере занятости населения Саратовской области // Региональные агросистемы: экономика и социология. - Саратов: ИАГП РАН, 2023. - С. 112–125.

³. Официальный сайт правительства саратовской области - URL: <https://xn--6kcbabgdad2a9ajkokj9bdccfxjudfihdhm12a.xn--p1ai/news> (дата обращения: 06.04.2026).

⁴. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 51. - Ст. 9128.

⁵. *Ивченков С.Г., Сайганова Е.В., Шахматова Н.В.* Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. - 2022. - Т. 22. - № 1. - С. 51-60.

СОВРЕМЕННОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.Е. Фокин

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Саратовская область относится к регионам с заметной долей населения пенсионного возраста и сравнительно невысоким уровнем доходов. По данным статистических материалов, доля граждан старших возрастных групп в регионе превышает четверть общей численности населения¹. Это усиливает нагрузку на систему пенсионного обеспечения и требует анализа эффективности действующих механизмов социальной поддержки. Одновременно средний размер пенсионных выплат в регионе остается ниже среднероссийского уровня, что ограничивает финансовые возможности пожилых граждан и влияет на их уровень жизни².

В условиях продолжающейся пенсионной реформы особое значение приобретает исследование региональных особенностей функционирования пенсионной системы. Изучение современного пенсионного обеспечения позволяет определить степень удовлетворенности пенсионеров действующими мерами социальной поддержки и выявить направления их совершенствования³.

Авторское социологическое исследование было проведено в 2026 году среди 100 жителей Саратовской области пенсионного возраста. Выборка формировалась с учетом гендерных и возрастных характеристик респондентов: женщины составили 68%, мужчины - 32%. Средний возраст участников исследования составил 66 лет. В ходе опроса анализировались основные аспекты: уровень пенсионных выплат, наличие дополнительных источников дохода, отношение к пенсионной реформе, удовлетворенность системой пенсионного обеспечения и уровень социальной защищенности.

Результаты исследования показали, что для большинства опрошенных пенсионеров (57%) пенсия является основным источником дохода. При этом значительная доля респондентов (29%) продолжает трудовую деятельность. Из числа работающих пенсионеров 52% отметили, что необходимость продолжения работы связана с недостаточным уровнем пенсионных выплат, тогда как 34% указали на желание сохранить социальную активность⁴.

Оценка уровня материального положения показала, что 38% пенсионеров скорее удовлетворены размером своей пенсии, 27% дали нейтральную оценку, а 21% выразили неудовлетворенность. Полностью удовлетворены пенсионным обеспечением лишь 14% опрошенных. Полученные данные свидетельствуют о наличии дифференциации в уровне материального благополучия пожилых граждан региона.

Отношение к изменениям пенсионной системы оказалось неоднозначным. Положительно оценивают проводимые реформы 18% респондентов, нейтрально - 36%, отрицательно - 46%. При этом 62% опрошенных считают необходимым дальнейшее повышение социальных

гарантий для пенсионеров, включая индексацию выплат и расширение мер социальной поддержки⁵.

Большинство пенсионеров проживают совместно с членами семьи (58%), что оказывает положительное влияние на их социальное самочувствие. Вместе с тем 24% респондентов живут отдельно, а 18% указали, что испытывают недостаток социальной поддержки. Это подтверждает значимость семейных связей и социальной инфраструктуры для пожилого населения.

Оценка уровня социальной защищенности показала, что полностью защищенными себя считают 17% участников опроса, скорее защищенными - 41%, тогда как 28% оценивают уровень защищенности как недостаточный. Остальные респонденты затруднились с ответом. Среди мер, способных улучшить пенсионное обеспечение, наиболее востребованными оказались: увеличение пенсионных выплат (49%), расширение социальных льгот (26%), развитие программ социальной поддержки (15%) и улучшение медицинского обслуживания (10%).

Таким образом, современное пенсионное обеспечение в Саратовской области характеризуется сочетанием страховых механизмов и региональных мер социальной поддержки, однако уровень пенсионных выплат остается одним из ключевых факторов, влияющих на социальное положение пожилых граждан. Материальное благополучие, социальная поддержка и доступность государственных услуг оказывают непосредственное влияние на оценку эффективности пенсионной системы⁶.

Проведенное исследование показало, что для совершенствования пенсионного обеспечения в регионе целесообразно:

- увеличение размера пенсионных выплат с учетом региональной специфики;
- расширение программ социальной поддержки пожилых граждан;
- развитие инфраструктуры социального обслуживания;
- создание условий для добровольной занятости пенсионеров;
- усиление информационной работы по вопросам пенсионного обеспечения.

Список литературы

1. Население по полу и возрасту по Саратовской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://bdex.ru/naselenie/saratovskaya-oblast/> (дата обращения: 04.04.2026).

2. Саратовцам детально разъяснили все изменения в размерах пенсий в 2026 году [Электронный ресурс] // Комсомольская правда - Саратов. - Режим доступа: <https://www.saratov.kp.ru/online/news/6756347/> (дата обращения: 04.04.2026).

3. Синявская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал ВШЭ. - 2017. - №4. - С. 562–591.

4. Шабунова А.А. Очерки к социально-демографическому портрету современной России. - Вологда: ВолНИЦ РАН, 2022. - 271 с.

5. Нестерова Н.В., Божок Ю.С. Пенсионная система РФ: проблемы и пути решения // Тенденции развития науки и образования. - 2024. - №105-7. - С. 160–163.

6. *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е.* Государственные цифровые платформы: формирование и развитие. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. - 192 с.

РОССИЙСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ЗАПАСА: СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ К ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

М.А. Фомина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Сегодня, в условиях неопределенности, рисков и СВО на повестку дня выдвинулись новые вызовы, различные проблема, возможности социально-экономической адаптация военнослужащих запаса к гражданской жизни. Их адаптационные поведенческие паттерны, связанные с жизненными ценностями и ресурсами, представляют большую значимость не только для дальнейшей успешной жизнедеятельности самих бывших воинов, их семей, но и для развития социума в целом.

Анализ адаптации в современной социологии производится на базе различных концепций (системный, структурно-функциональный психоаналитический, институциональный подходы, необихевиоризм, неовеберианство, интеракционизм, теория социального взаимодействия). При этом этот процесс или состояние рассматривается как с позиции общества (социоцентрический подход), с позиции выбора личности (антропоцентрический подход) или как адекватная продуктивная результативность их взаимодействия. В рамках социального взаимодействия, адаптация - это процесс достижения оптимального баланса личности и изменяющейся окружающей среды в ходе индивидуальной деятельности по удовлетворению актуальных потребностей, целей, личного и институционального развития социума.

Под социально - экономической адаптацией бывших военнослужащих понимается длительный процесс их взаимодействия с гражданской социально-экономической средой, их интегрирование с ней на базе освоения новых норм и принципов экономических отношений, рационального, эффективного использования имеющихся ресурсов для удовлетворения потребностей.

Социально-экономические адаптационные стратегии военнослужащих запаса представляют собой принципиальную реализуемая в различных институциональных экономических обстоятельствах способность бывшего военнослужащего к соединению своей индивидуальности с новыми для него экономическими условиями жизни, к их воспроизводству и социально-экономическому развитию. В узком смысле под такой стратегией понимается определенный поведенческий вектор, стандарты и правила, управляющие экономическим поведением воина запаса через установление соотношения целей, ресурсов и конкретных механизмов достижения профессионально – трудового, финансового, материального благополучия.

Россияне, уволенные с действительной военной службы в запас, это номинальная общность индивидов, которым присвоено специальное звание и которые при необходимости могут привлекаться к воинской службе. Они пользуются рядом льгот, но при вхождении в гражданскую жизнь сталкиваются с большими социально-экономическими проблемами трудоустройства, социальной дифференциацией, жилищной неустроенностью и т.д., которые выступают их значимыми характеристиками.

Результаты двух авторских социологических исследований, проведенных в 2024 и 2025 годах показали, что семья бывших военнослужащих живет по общим традициям семейной жизни и находится на первом месте в рейтинге их ценностей. Однако материальное положение большинства семей запасников (67,9%) трудно назвать удовлетворительным, т.к. денежных средств не хватает на удовлетворение основных потребностей. Чем выше звание офицера запаса, тем лучше его материальное обеспечение. Поэтому ситуация, сложившаяся в семьях бывших офицеров, неоднозначна. Некоторые из них больше года после увольнения из рядов Вооруженных Сил были безработными. Найти работу и адаптироваться к гражданским условиям бывшим военнослужащим помогли друзья, близкие родственники (35%). 9% в поиске работы обращались общественные организации, занимающиеся защитой прав военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей. Практически никто не получал помощи от федеральных служб, органов местного самоуправления.

Доказано, что чем выше военный статус запасников, тем лучше внутрисемейные отношения. Но среди бывших офицеров в звании капитан и полковник чаще доминирует безразличность в отношениях с женой, что является следствием перехода семьи на стадию «пустого гнезда», при котором дети взрослеют и покидают семью. Только третья часть (31%) бывших военнослужащих помогает своим женам в решении семейных проблем и обязанностей. Чуть более половины опрошенных (52,2%) охарактеризовали домашнюю обстановку благополучную, бесконфликтную. Чем выше звание офицера запаса, тем больше детей в его семье. При высоком рейтинге ценности детей (2 место), только каждый пятый отец постоянно занимается их воспитанием, гуляет с ними.

Следует выделить особенности и противоречия современной социально-экономической адаптации российских военнослужащих запаса. Их отличает долгосрочность адаптационных социально-экономических стратегий, доминирование активных моделей (когда запасник ищет возможности увеличить доход, а не ожидает помощи от государственных структур) над пассивными (использование имеющихся активов пенсии, накоплений) в соотношении примерно $\frac{3}{4}$ к $\frac{1}{4}$., а также преобладание вынужденных ситуативно - прагматических практик, реализуемых в сложившейся внешней институциональной среде, которая слабо поддается корректировке. Это связано с неотлаженными механизмами обратных связей, осуществления общественного контроля за действиями властных структур по соблюдению социально-экономических прав военнослужащих запаса, недостаточной гибкостью внешней среды (только 9% в поиске работы обращались

общественные организации, занимающиеся защитой прав военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей, никто не получал дополнительной помощи от федеральных служб, органов местного самоуправления).

Еще одной особенностью адаптивных социально-экономических стратегий военнослужащих, уволенных в запас, является их дискретный характер ввиду неравномерного регионов и мест проживания, региональные различия в доходах проявляются в разнице заработных плат, районных коэффициентов и прожиточных минимумов. Статусные различия, связанные с экономическим положением запасников с разным званием и стажем службы способствуют разновекторности стратегий их адаптации.

Малообеспеченность остается острой актуальной проблемой потребительских социально-экономических стратегий и практик, для 38% бывших военнослужащих, большинству семей приходится с разной степенью частоты отказываться от предметов первой необходимости, 28% военнослужащих запаса имеют средства только на покупку одежды и продуктов питания, у каждого пятого запасника своего жилья нет.

Трудовые адаптивные стратегии большинства военнослужащих запаса отличаются вынужденным характером, частичной успешностью и сопровождаются распространенной практикой множественной занятости. Повышение уровня профессиональной подготовки у 60% запасников способствует повышению их адаптивного потенциала, усиливает их уверенность в стабильности своего социально-экономического благополучия. Вместе с тем 77,8% запасников малых городов и 66,7% из сельской местности потребности в дополнительном образовании или переквалификации не обнаруживают. При этом только 27% опрошенных полностью или частично удовлетворены своей жизнью.

Исходя из этого, успешная социально-экономическая адаптация военнослужащих, уволенных в запас и членов их семей, настоятельно требует помощи государственных и общественных организаций, специалистов по содействию данным категориям граждан на местах. Так необходима помощь социального психолога, педагога, направленная на повышение эффективности адаптивной деятельности, поддержание их социально-экономической устойчивости и морально-эмоционального состояния военнослужащих, уволенных в запас и членов их семей. Эту работу необходимо осуществлять посредством определенных методов: организационных, педагогических, социально-психологических, социально-экономических методов, коммуникативного тренинга как в рамках индивидуальной, так и групповой деятельности. Сегодня время наиболее актуальным направлением трудовой адаптации бывших военнослужащих является создание специализированных отделов служб занятости, агентств, центров трудоустройства, ориентированные на работу с этой категорией населения, которые хорошо знакомы с их профессиональными возможностями, запросы, спецификой положения.

ОПАСНОСТЬ, СКРЫТАЯ ЗА КРАСОТОЙ: ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПРИ ВЫБОРЕ КОСМЕТИКИ

*Э.Р. Цыбизова, В.О. Коротин
МОУ «СОШ №95 с УИОП»*

Каждое утро мы начинаем с ритуала красоты: умываемся, наносим крем, пользуемся дезодорантом. Красивые упаковки и рекламные обещания «идеального сияния» внушают нам доверие. Мы редко задумываемся, что скрывается внутри тюбика, полагая, что раз товар продается в магазине, то он безопасен. Но современная косметика – это сложный продукт химической промышленности. Многие компоненты, которые обеспечивают приятный запах, густую пену или долгий срок годности, могут быть не такими безобидными. Их опасность коварна: они не убивают мгновенно, а действуют исподтишка, накапливаясь в организме годами. Нарушение гормонального фона, аллергии, ослабление иммунитета – вот возможная расплата за стойкий макияж или «невесомую» пудру.

Когда мы говорим об «опасной косметике», речь идет о конкретных компонентах, способных навредить здоровью. Опасные химические вещества к косметике – это ингредиенты, которые при нанесении на кожу, вдыхании или накоплении в организме вызывают негативные последствия: от легкого раздражения до серьезных заболеваний. При этом многие вещества обладают свойством накапливаться в организме годами, поэтому вред будет замечен лишь спустя длительное время. Именно поэтому важно понимать природу этой опасности.

Остановимся подробнее на веществах, которые делают косметику опасной.

Токсичные компоненты – это, по сути, яды. Они отравляют организм, нарушая работу внутренних органов. Тяжелые металлы, такие как свинец или ртуть, могут годами оседать в тканях, постепенно разрушая здоровье изнутри. В косметике они чаще всего встречаются как примеси в дешевых пигментах для помад или теней, а иногда (ртуть) специально добавляются в отбеливающие кремы в обход всех запретов¹.

Аллергены провоцируют сбой в нашей иммунной системе. Организм ошибочно принимает безобидное вещество за врага и начинает с ним яростно бороться. Результат этой борьбы мы видим на коже: сыпь, покраснение, нестерпимый зуд, отек и шелушение.

Канцерогены – это вещества, которые способны вызывать раковые опухоли. Они повреждают ДНК наших клеток, заставляя их бесконтрольно делиться. Канцерогены опасны даже в микродозах при длительном контакте. Самый известный пример – формальдегид, который до сих пор используется в лаках для ногтей и некоторых средствах для волос.

«Зона воздействия» комедогенных веществах – поры. Они забивают их, создавая плотную пробку. Кожное сало не может выйти наружу, накапливается, и в итоге мы получаем черные точки (комедоны) и воспаления (прыщи).

Парабены предотвращают появление бактерий и плесени в кремах и шампунях, то есть увеличивают срок годности. Некоторые исследования связывают их накопление с повышенным риском развития рака молочной железы и проблемами с репродуктивной системой. Особенно опасны бутил- и пропилпарабены.

В России согласно техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» парабены позволительно добавлять не более 0,4% от состава, если речь идёт об одном веществе, и 0,8% – для введения в состав их смеси².

Фталаты часто скрываются за словом «парфюм». Используются для того, чтобы запах держался дольше, а также для придания эластичности лакам для ногтей. Выделение фталатов может вызывать аллергию, астму, раздражение дыхательных путей. Их можно встретить в различных лосьонах, духах, дезодорантах, лаках для ногтей³.

Лаурилсульфат натрия (Sodium Lauryl Sulfate – SLS) и лауретсульфат натрия (Sodium Laureth Sulfate – SLES) – поверхностно-активные вещества (ПАВ) с ярко выраженными моющими, чистящими, жирорастворяющими и пеноформирующими качествами. Являются самыми дешевыми и эффективными пенообразователями. Именно они заставляют шампунь и гель для душа так «вкусно» пениться. SLS сильно сушит кожу, разрушает защитный барьер, может вызывать раздражение и перхоть. SLES намного мягче и не раздражает кожу, не лишает слой эпидермиса влаги⁴.

Нами были разработаны Правила чтения косметической этикетки:

- Чем ближе ингредиент к началу списка, тем его больше в составе;
- Если весь список состоит из непроизносимых терминов, то нужно насторожиться.

- Чем короче список компонентов, входящих в состав косметического средства, тем лучше (оптимально – 10-15 наименований).

Также мы разработали чек-лист при выборе косметического средства:

- Состав читаю, а не только этикетку;
- Парабенов нет;
- SLS/ SLES среди первых наименований (или вообще нет);
- Формальдегид и его доноры (Formaldehyde, DMDM Hydantoin, Quaternium-15, Bronopol) отсутствуют;
- Parfum/Fragrance либо нет, либо указаны конкретные масла;
- Срок годности – до года (слишком долгий – много консервантов);
- Упаковка непрозрачная или с дозатором (так средство меньше портится).

Таким образом, можно сделать вывод, что главное оружие в борьбе за безопасную красоту – это умение читать этикетки косметических средств. Разработанные Правила и чек-лист помогут потребителям ориентироваться в многообразии составов.

Список литературы

1. Эрнандес Е.И., Юцковская Я.А. Новая косметология. Основы современной косметологии. 2-е изд. М.: ООО «ИД «Косметика и медицина», 2019, 500 с.;
2. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» (ТР ТС 009/2011);
3. Дрибноход Ю. Введение в косметологию. Учебник для косметологов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003, 352 с.;
4. Тарасов А. В., Смирнова Т. В. Основы токсикологии. Учебное пособие для вузов. М.: «Маршрут», 2006, 160 с.

ОНЛАЙН-ПОТРЕБЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

А.Д. Чушкина

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Цифровая трансформация – главный тренд развития современного российского общества. Одной из наиболее быстрорастущих форм онлайн-потребления является Интернет-шоппинг – покупка товаров и услуг. Согласно данным Саратовстата¹, 90,3% жителей региона используют интернет для доступа к госуслугам, а 74,1% регулярно совершают онлайн-покупки. Объём Интернет-торговли в РФ за первое полугодие 2025 года вырос на 36% до 5,3 трлн рублей, доля онлайн-продаж достигла 22,4%². Эти данные подчёркивают актуальность факторного анализа вовлечённости населения в онлайн-потребление.

В 2025 году на базе СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского проведено авторское исследование, сочетающее количественные и качественные стратегии³.

Результаты проведенного исследования показали, что вовлечённость в онлайн-потребление сегодня является высокой, но структурно неоднородной. Выделено пять ключевых факторов, каждый из которых последовательно рассмотрен ниже.

Первый фактор – частота покупок и импульсивность. Чем чаще потребитель совершает покупки онлайн, тем выше вероятность спонтанных материальных затрат. Среди ежедневных покупателей все опрошенные признают себя импульсивными, среди покупающих раз в месяц и реже – 52,4%. Качественные данные подтверждают статистические показатели: молодая информантка (Женщина, 20 лет) заказывает онлайн постоянно, редко посещая ТЦ; респондент (Женщина, 42 лет) рефлексировал: «Раньше могла спонтанно купить, теперь сначала спрашиваю себя: "Оно мне действительно нужно?"». Частая активность со временем может становиться более осознанной.

Переходя ко второму фактору, отметим: частота покупок отражает поведенческую интенсивность, но возникает вопрос – меняется ли само качество потребительского поведения по мере накопления опыта? Обратимся к длительности пользования Интернетом. Стаж совершения покупок формирует рациональность. Среди пользователей со стажем более 3 лет 35,1% отмечают, что Интернет помогает сравнивать цены, а 30,6% чувствуют себя более осведомлёнными. Информант (Женщина, 42 лет) отмечает: *«Раньше заказывала на бегу, теперь стала больше сравнивать... это уже занятие»*. Мужчина 39 лет (стаж 6 лет) подтверждает устойчивую привычку. С ростом опыта совершения покупок онлайн потребитель лучше понимает рынок. Однако даже опытные и рациональные пользователи могут отказаться от крупной покупки, если не уверены в безопасности транзакций.

Третий фактор – безопасность платежей. Уверенность в безопасности напрямую влияет на готовность к крупным тратам. Среди уверенных пользователей 16,7% могут потратить более 10 000 руб. без раздумий, среди сомневающихся – только 3,3%. В интервью это подтверждается следующими данными: девушка 20 лет подчёркивает важность шифрования и гарантий; мужчина 39 лет: *«Первое – надёжность, иду на проверенные площадки»*; женщина 42 года сразу переводит деньги, не любит долги. Но даже при полной уверенности в безопасности пользователь может столкнуться с проблемами постпродажного обслуживания – браком, сложностями возврата, некомпетентной поддержкой.

Четвёртый фактор – качество обслуживания и прогноз развития. Положительный опыт сервиса ведёт к оптимизму. Среди оценивающих сервис как быстрый и вежливый 54,4% ожидают значительного роста онлайн-торговли, среди сталкивающихся с трудностями – лишь 20%. По данным интервью мы видим: молодой человек 20 лет хвалит клиентоориентированность Ozon и критикует Wildberries; мужчина 39 лет жалуется на шаблонную поддержку. Негативный сервис снижает оптимизм.

Пятый фактор – социально-демографические характеристики. Пол респондентов не влияет на совершение покупок (средний возраст мужчин 41 год, женщин 44 года). Образование даёт значимую разницу: респонденты со средним образованием в среднем на 16 лет старше. Молодёжь с высшим образованием активнее осваивает онлайн-шоппинг. По данным интервью: женщина 42 лет отметила, что начинала совершать покупки по совету знакомых; девушка 20 лет перешла на Ozon по совету подруги; молодой человек 20 лет полностью автономен. Социальное окружение важно на этапе первичного вовлечения.

Проведённое исследование подтвердило, что онлайн-потребление в г. Саратове – многомерное явление, детерминированное комплексом факторов. Сочетание количественных и качественных методов позволило не только измерить статистические закономерности, но и понять их через индивидуальные глубинные высказывания потребителей. Ключевые драйверы вовлечённости являются частота покупок, длительность пользования

Интернетом, безопасность платежей, качество обслуживания и образование покупателей. Для развития электронной коммерции необходимо повышать безопасность платежей, улучшать сервисную поддержку, внедрять инструменты дополненной реальности и учитывать образовательный ценз групп населения.

Список литературы

1. Саратовстат. Цифровизация в быту жителей Саратовской области: статистический бюллетень. – Саратов, 2025. URL: https://64.rosstat.gov.ru/new_srtvstat/document/261262 (дата обращения 30.04.2026)
2. Объём интернет-торговли в России в первом полугодии – 5,3 трлн рублей [Электронный ресурс] // Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ). – 2025. – URL: <https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-v-pervom-polugodii-5-3-trln-rublej> (дата обращения 30.04.2026)
3. Регион глазами студентов: Межвуз. сб. науч. работ студентов / Под ред. Н.В. Шахматовой, И.А. Бегининой. Саратов. 2025. Вып. 25. 153 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d2/uvrI3o3JGovceO_pmgKsKr_KPWjQP9Bdis5RINrWU_Nuwp6715s-VaNgZl5x44I_nqXZ2-5L26DQ3C_gJ4LnN0CwT357U3OjK3Nf0zCkksW6lc4GbgRUvHnxbSECb8 (дата обращения 30.04.2026)

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СНИГУ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО)

Д.А. Шедловский

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Студенчество традиционно рассматривается в перспективе будущей управленческой элиты в обществе. Поэтому к ее ценностям и поведению предъявляются достаточно высокие требования. Поэтому особенно важно отслеживать социальные девиации в этой среде.

Вторым аспектом, актуализирующим данное исследование, является само состояние российского общества последних лет. Результатом рассогласованных преобразований социума стали существенные коррективы общественного сознания, личностных особенностей и поведения студентов на фоне трансформации ценностно-нормативной системы. В результате усиления риска и неопределенности появилась тенденция эскалации отклоняющегося поведения, нуждающаяся в социологической интерпретации. Таким образом, можно с полным правом констатировать, что проблематика социальной девиантности студенчества сегодня не только не утратила своей актуальности, но и требует дальнейшего научного осмысления.

Потребность общества в достоверном знании о природе и сущности отклоняющегося поведения студентов очевидна и актуальна, поскольку ее удовлетворение способствует практическому совершенствованию различных

социальных программ и мероприятий, направленных на социализацию и оптимизацию отклоняющегося поведения молодежи.

Основания методологического анализа отклоняющегося поведения были заложены в трудах Э. Дюркгейма¹, Р. Мертона² и их последователей (А. Коэн³, Г. Сайкс, Д.Матца⁴, Э. Шур⁵ и др.). В российской социологической науке этой проблематикой занимались многие ученые середины XIX - начала XX вв. (М.Н. Гернет⁶, А.А. Герцензон⁷, П.А. Сорокин⁸, и др.). Интересные социологические подходы, обобщения и эмпирический материал содержат работы Ю. Антоняна⁹, Я.Гилинского¹⁰, М. Крыловой¹¹, и других специалистов.

В большинстве публикаций девиантное поведение рассматривается как отклонение от любых (моральных или правовых) норм, включающее в себя любое поведение: от эксцентричного поступка до преступного деяния; от инновационной деятельности до гениальности. И носит как созидательный (позитивный), так и деструктивный (негативный) характер. Однако в данной работе приходится ограничиваться рассмотрением только некоторых разновидностей социальных девиаций, наиболее распространенных в студенческой среде.

Современное студенчество это динамичная, но относительно стабильная, территориально сосредоточенная часть молодежи, совокупность учащихся вузов, социально-демографическая и профессиональная общность, обладающая возрастной и образовательной однородностью, определенным характером образовательного труда, статусом, набором социальных ролей, сходных интересов, субкультурой, образом жизни, перспективами воспроизводства интеллигенции. Эти характеристики студенчества отличают его от молодежи и проявляются в многообразии форм активности, групповой деятельности. Их сплоченности, солидарности способствует нацеленность на получение диплома, приобретение профессиональной специальности, сходство интересов, характера повседневной и трудовой деятельности, общественный активизм как внутри, так и вне вузовской жизни, групповое самосознание, специфическая субкультура, совместная деятельность и сходный образ жизни.

Исходя из этого в 2024 году в СГУ было проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования. По вероятностной квотной бесповторной выборке опрошено 200 респондентов. Критерии отбора – факультет, курс. Результаты обрабатывались на основе компьютерной программы SPSS.

Значимость ценностей студентов определялась по 6-бальной шкале, где 1 - самая важная ценность, 6 - наименее важная из них. Проведенный анализ показал, что особенности социальных норм и ценностей в студенческой среде проявляются в нацеленности на благополучие родных и близких, создание своей семьи. Затем следует ценность здоровья. 4 и 5 места занимают лидерство и учеба, образование. Далее идут материальное обеспечение, приобретение автомобиля. Завершают рейтинг любовь и досуг, значимость которых, убывает по мере обучения в вузе. Важность профессии и карьеры, здоровья, хорошей семьи по мере повышения курса - растет. Исключение - важность здоровья,

которое несколько убывает на 4 курсе и значимость учебы, убывающей до 6 баллов на 3 курсе.

Основными видами негативных социальных девиаций в студенческой среде, являются курение (28%), употребления алкоголя (69%), наркотиков (10%), и беспорядочный секс (7%). 69% студентов выпивают, чаще всего во время праздников. При этом настораживает, что 10% студентов употребляют алкоголь не реже 2-3 раз в неделю. Самым распространённым поводом к употреблению студентами наркотиков является стремление показать свою принадлежность к референтной группе и стремление получать новые ощущения. К сексу с малознакомым партнером подавляющее большинство студентов относится негативно (61,5%). Однако 7% относятся к этому одобрительно. 39,5% равнодушно относятся к проституции, 8,5% одобряют ее и 3,5% пользуются платными секс-услугами.

Проведенный анализ показал, что за время обучения студентов в вузе значимость досуга и развлечений, а также любви убывает по мере обучения в вузе. Важность профессии и карьеры, здоровья, хорошей семьи по мере повышения курса - растет. Исключение - важность здоровья, которое несколько убывает на 4 курсе и значимость учебы, убывающей до 6 баллов на 3 курсе. При этом во время обучения многие студенты начинают увлекаться относительно разгульным образом жизни, но к 4 курсу они становятся более зрелыми и ответственными по отношению к употреблению спиртного, доля выпивающих - снижается.

С возрастом увеличивается количество курящих. Чем старше студенты, тем реже они начинают свою половую жизнь в раннем подростковом опыте, но чаще - в возрасте 18-20 лет. С возрастом они неодобрительнее относятся к проституции. Однако настораживает большая доля равнодушного отношения к этой девиации, и рост с возрастом пользователей этими услугами. Вместе с этим сокращается доля перенесших венерические заболеваний, но растет доля болеющих этими болезнями на момент опроса. Таки образом возраст и курс обучения значимо влияет на курение и употребление алкоголя студентами.

Перекрестный анализ подтвердил, что курению традиционно больше подвержены юноши нежели девушки. Гендерная принадлежность значимо влияет также на частоту употребления алкоголя из-за неудач. Юноши выпивают из-за этого почти в 2 раза чаще девушек. Пол также значимо влияет на отношение к проституции. Юноши чаще девушек одобрительно к ним относятся и даже пользуются и услугами. Самым опасным последствием проституции являются венерические заболевания. Подавляющее большинство студентов (93,4% юношей и 93,5% девушек) избежали знакомства с этими болезнями. 3,9% юношей и 4% девушек сталкивались с этим. 2,6% юношей и 2,4% девушек лечились на момент опроса.

Доход и социальные девиации имеют обратную связь. чем выше уровень доходов, тем меньше курящих студентов, тем реже они выпивают спиртное, но немного чаще среди них наблюдается употребление наркотических средств.

В заключении хотелось бы отметить, что проведенное исследование имеет значимость, как для учебного процесса, так и для прикладных целей.

Полученные результаты могут быть использованы в следующих учебных курсах: социология девиаций, молодежи, и т.д. а также в ходе воспитательной работы со студентами.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998.
2. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.
3. Козн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним //Американская социология: перспективы, проблемы, методы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972.
4. Сайкс Г.М., Матца Д. Метод нейтрализации. Теория делинквентности // Социология преступности. Пер. с англ. М., 1966.
5. Шур Э. Наше преступное общество. Пер. с англ. М., 1977.
6. Гернет М.Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7.
7. Герцензон А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР / Под ред. Г.М. Сегала и Ц.М. Фейнберга. М.: Красный печатник, 1930.
8. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление //Социологические исследования. 2003. № 2, С. 104-114.
9. Антонян Ю.М. Преступная жестокость. М.,1995.
10. Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение? - URL: <https://ecsocman.hse.ru/text/16773533/> (дата обращения 13.05.2024)
11. Крылова М.А. Истоки и социальные основы девиантного поведения в современных общественных практиках //Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований» 2021 №3. С.84-89.

АДАПТАЦИЯ К СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.А. Ямкова

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Проблема адаптации студентов первого курса к университетской среде является одной из ключевых в социологии образования. Первый год обучения часто становится критическим периодом, когда происходит не только академическое, но и социальное, психологическое освоение нового пространства. Вопрос о том, какие факторы способствуют успешной адаптации, а какие, напротив, ведут к кризису и отчислению, остается открытым для эмпирических исследований.

В данной работе предпринимается попытка проанализировать процесс адаптации через призму личного опыта автора. Использование автоэтнографической стратегии позволяет рассмотреть адаптацию не как абстрактный процесс, а как живое, эмоционально насыщенное событие, разворачивающееся в конкретных социальных обстоятельствах. Автоэтнография предполагает изучение культурных и социальных феноменов через личный опыт исследователя, который выступает одновременно субъектом и объектом познания¹. Объектом исследования выступает сама автор как типичный представитель группы студентов, столкнувшихся с проблемой вынужденного выбора образовательной траектории.

Анализ личного нарратива позволяет выделить два этапа в процессе адаптации: первый - на факультете физики (неудачный), второй - на социологическом факультете (успешный). Первоначальный выбор факультета определялся прежде всего давлением родителей: *«я поступила, чтобы не расстроить родителей»*. Собственные цели, связанные с обучением, в структуре выбора отсутствовали, что стало одним из ключевых факторов последующего кризиса.

Анализ показывает, что дезадаптация на первом курсе физического факультета определялась тремя группами факторов. **Когнитивный фактор**: отсутствие базового понимания предмета («я ничего не понимаю в физике и других предметах», «когда речь заходила про физику, все всё понимали, а я нет»). **Социальный фактор**: отсутствие значимых социальных связей в новой среде («я не общалась со своими одноклассниками в полной мере», «у нас были разные интересы, разные увлечения»). **Эмоциональный фактор**: нарастающее чувство моральной тяжести («каждый день мне было очень грустно, тяжело морально», «я больше не могу так жить»).

Кульминация кризиса наступила в момент пересдачи, когда внешние обстоятельства (дождь) «резонировали» с внутренним состоянием, сделав невозможным дальнейшее игнорирование проблемы. В терминологии автоэтнографии этот эпизод может быть квалифицирован как *epiphany* - переломный момент переоценки ценностей². Автор приняла решение об отчислении: *«я позвонила маме. Пересдача ещё не началась, а я уже говорила ей, что больше не могу учиться на этом факультете, что мне ничего не нравится, я ничего не понимаю. Она меня поддержала, и я отчислилась»*.

Ключевым фактором успешной адаптации на новом факультете стала социальная интеграция: *«я нашла, так сказать, свою группу, я нашла друзей, подруг»*. Автор сама рефлексивно выделяет этот фактор, формулируя жизненную максиму: *«я считаю, что в учёбе очень важно иметь среди своих одноклассников друзей, с которыми ты можешь общаться»*. Также значимую роль сыграли отношения с соседкой по общежитию: *«мне очень повезло с моей соседкой. Мы с ней поладили с первого дня общения. Даже спустя четыре года она уже не живёт в общежитии, но мы с ней поддерживаем общение, дружим, гуляем»*.

В терминологии феноменологической социологии А. Шюца можно выделить две группы мотивов деятельности: «для-того-чтобы» (цели, направленные в будущее) и «потому что» (основания, коренящиеся в прошлом опыте)³. Первоначальный выбор определялся мотивами «потому что» (давление родителей). На новом факультете, напротив, появились собственные «для-того-чтобы» мотивы - стремление к общению, поиск единомышленников, профессиональный интерес.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Успешность адаптации определяется не столько академическими способностями, сколько совпадением социальных контекстов. Невозможность адаптироваться на физическом факультете была связана не с отсутствием

способностей к естественным наукам, а с несовпадением социальных миров: интересов, увлечений, стиля общения. Наличие собственной целевой мотивации является критическим фактором. Выбор, сделанный под давлением родителей, в отсутствие собственных целей, ведет к кризису. Социальные связи играют определяющую роль в процессе адаптации. Отсутствие общения с одноклассниками становится фактором дезадаптации, тогда как наличие дружеских связей обеспечивает психологический комфорт и академическую успешность. Поворотные точки (epiphanies) возникают на пересечении внешнего и внутреннего — кризисная ситуация, совпавшая с внешним обстоятельством, позволяет осознать невозможность продолжения прежней траектории.

Проблема адаптации студентов остается актуальной для современной российской системы высшего образования. Полученные результаты могут быть полезны для понимания факторов успешной интеграции первокурсников и для разработки программ поддержки студентов на начальном этапе обучения.

Список литературы

- ¹. *Ellis C., Adams T.E., Bochner A.P.* Autoethnography: An Overview // Forum: Qualitative Sozialforschung. 2011. Vol. 12. № 1.
- ². *Дензин Н.К.* Интерпретативная автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–267.
- ³. *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. С. 95–112.

СОДЕРЖАНИИ

<i>Абрамова А.Д.</i> Жизненные трудности молодежи и стратегии их преодоления в контексте витальности.....	3
<i>Белоцерковский А.Д.</i> Демографические вызовы старения населения и доступность социальных услуг для пожилых граждан в саратовской области: анализ, проблемы, перспективы.....	5
<i>Битко В.С.</i> Старение населения саратовской области: демографические тренды и вызовы для социальной политики.....	7
<i>Васильева В.И.</i> Образ бездомного в массовом сознании.....	9
<i>Волынкина В.О.</i> СИСТЕМА Государственной защиты пожилых людей в регионе (на примере Саратовской области).....	11
<i>Галаджян Т.Ш.</i> Ценности и ценностные ориентации поколений.....	13
<i>Глазунова М.А.</i> Социальный статус как фактор трансформации профессиональных траекторий саратовской молодежи.....	16
<i>Горячева А.Ф.</i> Молодёжное предпринимательство в Саратове: проблемы и социально-демографические факторы.....	18
<i>Грушецкая А.А.</i> Социальное обслуживание женщин, пострадавших от семейного насилия.....	21
<i>Ёлбарсова Б.</i> Профессионально - трудовые стратегии иностранных студентов СГУ.....	23
<i>Елисеева П.Д.</i> Исследование восприятия музыки современной молодежью города Саратова.....	24
<i>Елхина В.В.</i> Социальная изоляция и механизмы ее преодоления в опыте иногороднего студента: автоэтнографический анализ.....	26
<i>Зайцев С.Н.</i> Возрастные особенности участников специальной военной операции.....	28
<i>Зайцева А.А.</i> Автоэтнографический анализ исследовательского полевого опыта.....	32
<i>Захаров С.А.</i> Особенности организации групп международного содружества «анонимные алкоголики» (аа).....	35
<i>Зыкова А.В.</i> Профессиональные перспективы молодых фрилансеров.....	38
<i>Карандина Е.А.</i> Дарение как прагматизм или символический ритуал?.....	40
<i>Карнаух Е.А.</i> Онлайн-игры как ресурс развития коммуникативных навыков подростков.....	43
<i>Каткова П.И.</i> Повышение качества и доступности образования на примере Саратовской области.....	45
<i>Кошелев А.А., Кирякина Е.С.</i> Проектная деятельность, как форма предпринимательской активности молодежи в регионе.....	47
<i>В.А. Кнестяпина</i> Государственная поддержка семьи: проблема доступности и эффективности.....	51
<i>В.С. Кобзева</i> Миграционный потенциал молодёжи малого города (на примере р. п. Новые Бурасы).....	53

<i>Команицкая Е.А.</i> Специфика профессионального самоопределения студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа».....	55
<i>Кочегин И.С.</i> Виртуальные романтические отношения как форма социальной коммуникации в студенческой среде.....	57
<i>Кошелева П.А.</i> Восприятие телерекламы саратовской молодежи.....	58
<i>Курбатова А.В.</i> Взаимоотношения между родителями и детьми в саратовских семьях.....	60
<i>Левина К.А.</i> Обучение служением как механизм развития профессионально-личностного потенциала молодёжи.....	62
<i>Малиновский М.И.</i> Социальная поддержка многодетных семей в Самарской области.....	65
<i>Масликова М.С.</i> Реклама как социокультурный феномен: социологические подходы к изучению.....	68
<i>Мигунова С.А.</i> Эффективность государственных мер поддержки родительства с точки зрения горожанок.....	71
<i>Мирошникова В.А.</i> Межпоколенческий конфликт в семье: социологический анализ.....	73
<i>Мыхманкулыева М.</i> Стиль жизни иностранных студентов.....	76
<i>Недобежкина А.В.</i> Спорт в жизнедеятельности саратовской молодежи.....	77
<i>Павлова П.В.</i> Дистанционное обучение как инструмент адаптации школьников с ОВЗ: взгляд родителей и доступность платформ.....	80
<i>Плеханова Я.Р.</i> Счастье глазами молодёжи: объективные и субъективные факторы достижения.....	82
<i>Пловникова Е.А.</i> Государственное регулирование миграционных процессов (на примере Саратовской области).....	84
<i>Покусаева Д.А.</i> Социальное обеспечение малоимущих семей в Саратовской области: анализ текущего состояния.....	86
<i>Пономарев А.И.</i> Социокультурная адаптация незрячих третьего возраста: свобода выбора и ответственность.....	88
<i>Романенко К.С.</i> Особенности и факторы трансформации моделей управления в современном обществе.....	92
<i>Романенко К.С.</i> Руководство и лидерство в студенческой среде: проблемы взаимодействия.....	96
<i>Садчикова А.Е.</i> Медицинские работники на пенсии: особенности положения в сфере занятости.....	98
<i>Саидов Е.С.</i> Влияние потребления психоактивных веществ на демографическую ситуацию в РФ: исторический контекст и современные тенденции.....	100
<i>Свотина Н.С.</i> Социальный патронаж семей, находящихся в социально опасном положении.....	103
<i>Сергеева Н.С.</i> Понятие социальной справедливости в общественном сознании россиян.....	104

Сероусова И.Ю., Коротин В.О. Молодежь России: гражданская идентичность, ценности и пути самореализации в современном мире.....	106
Степанов И.И. Барьеры взаимодействия НКО и государства как фактор трансформации гражданского общества.....	108
Тамбовцева В. Социальное предпринимательство как драйвер развития социальной активности молодежи: региональный аспект...	111
Тараканова Д.А. Гендерные зоны ответственности в потребительских практиках саратовского населения.....	113
Тергуцы А.В. АРТ-терапия как метод социальной реабилитации и абилитации пожилых экооздоровительный подход.....	115
Толстов К.Ю. Автоэтнографический нарратив.....	118
Тубаева А.О. Саратовская молодежь – об институте брака.....	118
Тюрин Р.Л. Совершенствование управления занятостью населения в Саратовской области.....	121
Фокин Т.Е. Современное пенсионное обеспечение в Саратовской области.....	123
Фомина М.А. Российские военнослужащие запаса: стратегии социально-экономической адаптации к гражданской жизни.....	125
Цыбизова Э.Р., Коротин В.О. Опасность, скрытая за красотой: потребительская грамотность при выборе косметики.....	128
Чушкина А.Д. Онлайн-потребление в условиях цифровизации современного российского общества: факторный анализ.....	130
Шедловский Д.А. Социальные девиации в студенческой среде (на примере снигу имени Н.Г. Чернышевского).....	132
Ямкова А.А. Адаптация к студенческой жизни: автоэтнографический анализ.....	135

Научное издание
РЕГИОН ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Сборник научных работ студентов

ВЫПУСК 26

Под редакцией профессора *Н.В. Шахматовой* и
профессора *И.А. Бегининой*

Оригинал – макет *Комиссаржевская В.О*

Электронное издание комплексного распространения

Подписано к изданию 28.05.2026 г. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – Систем, требования:
процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8;
видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM.